Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
МАЙ
1884 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Май, 1884 г.

СТР.

I. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ. **М. К.** 1

II. ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ. **Д. Эварницкаго.** . 33

III. КЪ ВОПРОСУ О ЦАРСКИХЪ СКИОАХЪ. **Ѳ. Мищенка** 55

IV. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. Часть первая. 1821—1846 годъ. *(Продолженіе)*. 77

V. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ (Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). *(Продолженіе)*. **И. Левицкаго.** 88

VI. ОБЪЯСНЕНІЕ ПОЛКОВНИКА И. ЧЕРНЯКА О РАБОТАХЪ КОЗАКОВЪ НА ЛАДОЖСКОМЪ КАНАЛѢ 117

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Славянскій Ежегодникъ. Изданіе кіевскаго славянскаго общества. Выпускъ шестой. Сост. подъ редакціею Т. Д. Флоринскаго, доцента имп. университета св. Владимира. Кіевъ. 1884 г.—*Т. Ф.*—б) Кольбергъ Оскаръ. Покутье. Этнографическій этюдъ. Т. II. Краковъ. 1884 г.—*Ц. Неймана.*—б) Андріевскій М. А. Козацкая дума о трехъ Азовскихъ братьяхъ съ объясненіями и картой. Одесса. 1884 г.—*Его-же.*—в) Библіографическій указатель трудовъ П. П. Чубинскаго.—*П. Ефименка* 123

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Нѣжинскій журналъ Н. В. Гоголя.—*С. Пономарева*—б) Добавки и поправки постояннаго читателя »Кіевской Старины«.—*Н. Бѣлозерскаго.*—в) Присяга духовенства.—*Н. Ефименка.*—г) Малорусскій пѣсенникъ XVIII вѣка.—*Ц. Неймана.*—д) Дѣдушкинъ вексель (Изъ дѣтскихъ воспоминаній).—Крестьянина *Ивана Савченка.*—е) Ребяческая забава въ серьезную минуту.—*В. О.*—ж) Загадочное преданіе.—*Е. Маковскаго*—з) Изъ народныхъ устъ (Одна пѣсня и два разсказа).—Сообщ. *Д. Т.* 143

IX. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) (*Продолженіе*) 33—48

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11. Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ VIII.

МАЙ.

1884 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го апрѣля 1884 года.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ.

I.

Необходимыя біографическія свѣдѣнія объ авторѣ.—Разсказъ о томъ, какъ и почему ѣздилъ онъ въ Подоліе.

Еще въ дѣтскомъ возрастѣ, едва научившись читать и понимать прочитанное, я почувствовалъ страстное влеченіе къ путешествіямъ. Въ гимназіи зачитывался Робинзономъ, приключеніями героевъ Майнъ-Рида и Жюля-Верна, и хотя и не сбѣжалъ изъ гимназіи вслѣдствіе пристрастія къ этимъ авторамъ, и не былъ задержанъ въ ближайшей волости или становой квартирѣ, но тѣмъ не менѣе въ продолженіе долгихъ вечеровъ мечталъ о краснокожихъ, о пустынныхъ островахъ, охотѣ на бизоновъ и каймановъ и, засыпая на разсвѣтѣ, давалъ себѣ клятвенное обѣщаніе: когда буду *большимъ*, немедленно отправиться по меньшей мѣрѣ въ Америку, а то, если судьбѣ угодно будетъ въ то время подослать къ землѣ какую нибудь шальную комету, то конечно воспользоваться этимъ рѣдкимъ перевозочнымъ средствомъ для того, чтобы поближе познакомиться съ солнечной системой.

Но мечты мои такъ и оставались мечтами. Дѣлался я большимъ медленно и мало по малу скептицизмъ закрадывался въ душу: мечтать о кометѣ какъ-то сдѣлалось совѣстно, относительно краснокожихъ сталъ немного я подумывать о неудобствахъ скальпировки; что-же касается пустыннаго острова, то онъ мнѣ почему-то сталъ казаться скучнымъ. Наконецъ рѣшилъ я однажды, что въ моемъ возрастѣ (мнѣ было около 15 лѣтъ) стыдно заниматься сказками и принялся за чтеніе *„серьезныхъ„* сочиненій: читалъ Араго, началъ, правда по выдержкамъ, знакомиться съ Ливингстономъ, прочиталъ Гумбольдта и др.

Мысли мои приняли новый оборотъ.—Нѣтъ, думалъ я, когда я буду „*зрѣлымъ*“ и „*умнымъ*“, т. е. когда досконально выучу всѣ необходимыя для моего дѣла науки, я долженъ сдѣлать нѣсколько важныхъ географическихъ открытій. Что именно я стану открывать, я конечно не зналъ, но полагалъ, что непремѣнно открою нѣчто очень важное. Съ бѣшенствомъ бросился я дозубривать тонкости латинской грамматики, счастливо достигъ „*зрѣлости*“ и вступилъ въ храмъ науки, гдѣ годъ за годомъ метался изъ аудиторіи въ аудиторію, посѣщалъ лекціи извѣстныхъ и неизвѣстныхъ ученыхъ, слушалъ много мудрыхъ рѣченій, но какъ-то инстинктивно чувствовалъ, что слышанное мною мало подвигаетъ меня на пути открытій. И вновь одна мечта за другой стали улетать; я постепенно сдѣлался скромнѣе, сдержаннѣе въ своихъ желаніяхъ, готовъ былъ уже отказаться отъ открытія не только новой Америки, но даже новыхъ истоковъ Нила, благо открытія эти перехватили у меня злые люди, но совсѣмъ отказаться отъ надежды обезсмертить свое имя, подобно Ливингстону, Гумбольдту и другимъ великимъ путешественникамъ, у меня не хватало силы.—„Хоть-бы плюгавую какую нибудь рѣченку оставили на мою долю“, думалъ я съ досадой, подводя итоги будущему путешествію, и, махнувъ рукой, побѣжалъ держать экзаменъ.

Экзамены къ счастью выдержалъ и дипломъ получилъ,—казалось-бы пора и въ путь, но тутъ явились два серьезныя препятствія. Во первыхъ, хотя я былъ уже давно зрѣлъ и только что признанъ умнымъ, какъ это значилось на двухъ лежавшихъ передо мною пергаментныхъ листахъ, я все таки сознавалъ, что знаю не то, что подобаетъ знать Ливингстону и Гумбольдту, и сильно сконфузился, а затѣмъ послалъ нѣсколько нелегкихъ пожеланій, разумѣется мысленно, жрецамъ науки, которые сообщили мнѣ всѣ свѣдѣнія, кромѣ тѣхъ, какія были необходимы. Во вторыхъ-же, для того, чтобы начать путешествіе, не доставало мнѣ презрѣннаго металла, или по меньшей мѣрѣ кредитныхъ его знаковъ, которые, хотя нѣсколько уступаютъ въ цѣнѣ презрѣнному металлу, но, собранные въ значительномъ количествѣ, могутъ до нѣкоторой степени замѣнить его.

Сообразивъ послѣднее обстоятельство, я рѣшился отложить путешествіе до болѣе благопріятнаго времени и отправился служить

въ банкъ. Но сдѣлаться богатымъ оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ стать большимъ, зрѣлымъ и умнымъ: должность кассира въ банкѣ была занята и мнѣ не приходилось мечтать о ней—и слава Богу, подальше отъ соблазна; во всякомъ случаѣ я только издали видѣлъ текущіе рѣкой кредитные знаки, на мою-же долю сочился до того ничтожный ручеекъ, что не оставалось никакой надежды на возможность собрать кушъ, необходимый для кругосвѣтнаго плаванія. По мѣрѣ того, какъ я терялъ надежду, сталъ я относиться къ самой мысли о путешествіи сначала какъ-то сентиментально-меланхолически, какъ къ несбыточнымъ грезамъ, увлеченію молодости; потомъ меланхолію замѣнило озлобленіе. — Вѣдь въ далекіе края, думалось мнѣ, ѣдутъ певѣжды,—чего они тамъ не видѣли, да съ чѣмъ возвращаются оттуда? Соберутъ справочныя цѣны по ресторанамъ, побываютъ раза два въ театрѣ, потолкаются по вокзаламъ желѣзныхъ дорогъ, да посмотрятъ парижскихъ гризетокъ,—вотъ и все тутъ. Право ѣздить не зачѣмъ! Гораздо покойнѣе жить на Козьемъ болотѣ, да регулярно каждый день ходить въ банкъ, слѣдить за текущими счетами и отъ времени до времени смотрѣть серьезную русскую драмму въ городскомъ театрѣ, пользуясь царящимъ тамъ просторомъ, тишиной и отсутствіемъ презрѣнной толпы.

Такъ разсуждалъ я въ гордыни сердца и справедливо былъ за нее наказанъ судьбою.

Случилось нѣчто неожиданное: въ нашемъ банкѣ оказалась крупная растрата, при чемъ кассиръ исчезъ съ лица земли, а остальные служащіе были заподозрѣны въ пособничествѣ, укрывательствѣ, сообществѣ и пр. и пр. Поднялась возня, попреки, начались посѣщенія судебнаго слѣдователя; словомъ скандалъ. Въ результатѣ оказалось, что вышелъ вполнѣ чистымъ изъ дѣла я одинъ, не потому, чтобы особенно превосходилъ всѣхъ остальныхъ чистотою побужденій, а просто потому, что должность моя была такого рода, что виновнымъ я и не могъ быть, даже при крайнемъ моемъ желаніи. Какъ бы то ни было,—я былъ чистъ.

Директоръ нашъ былъ человѣкъ строгій, но справедливый. Покаравши всѣхъ виновныхъ, онъ рѣшился вознаградить въ моемъ лицѣ добродѣтель и, призвавъ меня въ кабинетъ, сказалъ мнѣ рѣчь примѣрно слѣдующаго содержанія. „Сердце мое умиляется при видѣ оказанной вами, молодой человѣкъ, добродѣтели. Среди окружа-

ющей насъ атмосферы хищенія вы сохранили невинность сердца, чистоту рукъ и кармана; такое феноменальное въ наше время явленіе не должно остаться безъ награды. Я могъ-бы наградить васъ назначеніемъ на высшее мѣсто, но не хочу этого дѣлать, дабы впредь не подвергать васъ искушенію и не лишать лучшаго въ мірѣ блага — чистоты совѣсти (въ тотъ же день мѣсто кассира занялъ его племянникъ), но пусть пакетъ этотъ послужитъ вамъ доказательствомъ, что добродѣтель никогда не остается незамѣченною и невознагражденною". При этомъ онъ вручилъ мнѣ запечатанное письмо, заключилъ торжественно въ свои объятья и затѣмъ вѣжливымъ жестомъ указалъ на дверь.

Въ пакетѣ я нашелъ: 1) записку, въ которой директоръ совѣтовалъ мнѣ небольшое путешествіе для отдыха и поправленія здоровья: 2) отпускъ на два мѣсяца и 3) чекъ на 500 рублей.

Подъ впечатлѣніемъ столь неожиданной благодати куда дѣвался мой скептицизмъ. Бѣгомъ пустился я въ свою квартиру, что на Козьемъ болотѣ, по дорогѣ забѣжалъ въ книжную лавку и купилъ всѣ имѣвшіеся въ ней „Бедекеры": рѣшено, я по волѣ начальства въ теченіи двухъ мѣсяцевъ буду путешествовать. Цѣлый день перелистывалъ я „Бедекеры", но никакъ не могъ рѣшить, куда поѣду. Чѣмъ болѣе я вчитывался въ перечни вокзаловъ, гостинницъ, ресторановъ, театровъ, картинныхъ галлерей, красотъ природы и т. д., тѣмъ сильнѣе овладѣвала мною хандра: чужіе края представлялись мнѣ чѣмъ-то въ родѣ галантерейнаго магазина, гдѣ лежитъ подъ этикетами много хорошенькихъ вещицъ, но всѣ эти вещицы до того обыденны и общеизвѣстны, что не только не представляютъ никакой прелести новизны, но уже давнымъ давно подлежатъ pris fix'y.

Къ вечеру мною овладѣло полное уныніе. „О, Господи, думалъ я, неужели мечта всей моей жизни—мыльный пузырь? Неужели ѣхать некуда и незачѣмъ? Неужели всѣ великія путешествія и открытія не болѣе, какъ созданіе праздной фантазіи? Неужели?"... Но тутъ дверь моей комнаты отворилась и вошелъ мой старый товарищъ, Маринчукъ, подолянинъ, исходившій пѣшкомъ свой родной край, извѣстный оригиналъ и скептикъ, больше всего на свѣтѣ гордившійся своимъ подольскимъ происхожденіемъ. Я отъ всей души обрадовался ему, зная, что Маринчукъ всегда умѣлъ

найти выходъ, правда нѣсколько странный и неожиданный, но всегда почти удачный, изъ всякаго затруднительнаго положенія.

— Зашелъ тебя поздравить, сказалъ Маринчукъ, закуривая папироску; слыхалъ, братъ, осуществилась завѣтная мечта: ты отправляешься вояжировать.

— Да, отвѣтилъ я, нѣсколько смутившись, хочу ѣхать, но вотъ бѣда,—помоги совѣтомъ,—не знаю куда и зачѣмъ ѣхать. Все это— и я съ пренебреженіемъ указалъ на столъ, гдѣ лежала вся Европа въ лицѣ 12 „Бедекеровъ"—скучно, шаблонно, всѣмъ и каждому извѣстно; все это изображено въ безчисленныхъ олеографіяхъ, акварелляхъ, литографіяхъ и фотографіяхъ на стѣнахъ чуть-ли не всѣхъ гостинницъ и пивныхъ, въ альбомахъ гимназистовъ и пансіонерокъ. Куда и зачѣмъ я поѣду смотрѣть все это? — Я трагически встряхнулъ головой и, почувствовавши себя почти Гамлетомъ, откинулся на спинку креселъ.

— А ты, братъ, все по части открытій, замѣтилъ Маринчукъ, что-жъ, можно попробовать, авось и на твою долю достанется что нибудь невѣдомое.

— Да вѣдь время и деньги, находящіяся въ моемъ распоряженіи, не дозволятъ мнѣ оставить Европу; а въ Европѣ нѣтъ абсолютно не то страны—деревушки не обслѣдованной на всѣ лады, не занесенной въ статистическія таблицы, не истоптанной ногами туристовъ, не отмѣченной „Бедекеромъ". Развѣ отправиться въ Исландію, что-ли?

— Зачѣмъ въ Исландію, можно и поближе. Выбери страну, куда во 1-хъ не ѣздятъ туристы, для которой во 2-хъ не составленъ еще „Бедекеръ" и въ 3-хъ, что всего важнѣе, которую самъ ты всего меньше знаешь. Въ такомъ случаѣ найдешь и свѣжесть впечатлѣній и открытія сдѣлаешь, конечно не абсолютныя, а относительныя, найдешь факты и свѣдѣнія, новыя для тебя и для многихъ другихъ, подобно тебѣ не обращавшихъ вниманія на избранную тобою страну...

— Такой страны нѣтъ въ Европѣ,—отвѣтилъ я съ большимъ апломбомъ; вѣдь я столько читалъ о разныхъ странахъ и знаю Европу, какъ свои пять пальцевъ я только что повѣрилъ свои свѣдѣнія: Швейцарію и Италію, Парижъ и Лондонъ, Дрезденъ и Мюнхенъ и проч., и проч. я знаю какъ свой карманъ, — неужели

прикажешь лишній разъ провѣрить безъ нужды Бедекера? сказалъ я съ злобной улыбкой.

Пріятель съ минуту помолчалъ, напѣвая одну извѣстную малорусскую арію; это онъ дѣлалъ всегда, когда собирался предложить неожиданный выходъ изъ затруднительнаго по видимому обстоятельства, поэтому я ждалъ съ большимъ интересомъ, боясь прервать его раздумье. Вотъ онъ медленно подымается со стула и произноситъ отрывисто: „Поѣдемъ, братъ, вмѣстѣ въ Подоліе!“ и затѣмъ спокойно садится на свое мѣсто.

— Что!! вскричалъ я въ недоумѣніи, ты, братъ не шути! Это дѣло для меня весьма серьезно, развѣ въ Подоліе ѣздятъ туристы?

— Туристы не ѣздятъ—это разъ, „Бедекеръ“ для Подолія еще не составленъ—это два. Что-же касается твоихъ свѣдѣній объ этомъ краѣ—посмотримъ; а ну братъ, выложи чистосердечно весь запасъ географическихъ познаній.

Я нѣсколько обидѣлся: мнѣ показалось, что Маринчукъ улыбался.

— Кто-же изъ насъ не знаетъ Подолія: Подольская губернія лежитъ по Днѣстру, главный городъ Каменецъ-Подольскій; вдоль губерніи пролегаетъ желѣзная дорога; на площади ея находится много сахарныхъ заводовъ, которыхъ траты учитываются въ банкѣ...

На этомъ я оборвалъ.

— Только? спросилъ спокойно пріятель и снова улыбнулся.

— Да это и все, горячился я, вѣдь больше о Подоліи и сказать нечего.—Тутъ въ головѣ невольно промелькнула мысль, что объ Эстремадурѣ или Новой Мексикѣ я могъ-бы сообщить гораздо больше подробностей, и я какъ-то конфузливо замолчалъ.

Собесѣдникъ мой продолжалъ улыбаться и какъ будто подсказалъ мнѣ: да ты, братъ, считался когда-то въ нашемъ кружкѣ историкомъ; не окажутся-ли историческія твои свѣдѣнія о Подоліи богаче географическихъ? Начни-ка съ этого конца, авось запасъ окажется богаче.

Въ этомъ, конечно, я и самъ не сомнѣвался и началъ въ нѣсколько поучительномъ тонѣ: на территоріи нынѣшняго Подолія первоначально поселились Уличи и Тиверцы, затѣмъ въ удѣльное время... (я запнулся,—чортъ знаетъ, что это такое—не могу ничего подъискать изъ удѣльнаго времени) ну, да впрочемъ это не важно, а вотъ впослѣдствіи... (вотъ бѣда: оказалось, что и впослѣдствіи я

ничего не знаю, а еще на выпускномъ экзаменѣ получилъ 5 по отечественной исторіи; оставалось только спасаться общими мѣстами), ну да, впослѣдствіи,—кончилъ я скороговоркою,—пострадавъ долго подъ польскимъ владычествомъ, Подоліе наконецъ возсоединилось съ Россіею въ царствованіе Екатерины II. Я замолчалъ и принялся ходить по комнатѣ, чтобы скрыть свое смущеніе.

— Браво! вскричалъ Маринчукъ, послѣднее препятствіе устранено, значитъ мы ѣдемъ въ Подоліе.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— То, братъ, что ты обрѣлъ наконецъ страну, о которой ровно ничего не знаешь, значитъ открытія будутъ на каждомъ шагу. Такъ по рукамъ!

— Однако, милостивый государь, позвольте вамъ замѣтить, началъ я съ достоинствомъ: хотя я очень уважаю наши старыя товарищескія отношенія, но всему есть предѣлъ. Вы позволили себѣ...

Мой другъ покатился отъ смѣху.

— Такъ ты, братъ, сердишься, тѣмъ лучше: значитъ, я сказалъ истинную правду. Ну, успокойся, собирай пожитки, жду тебя завтра на вокзалѣ къ вечернему поѣзду.—Онъ всталъ, взялъ шляпу и удалился, отвѣсивъ церемонный поклонъ.

На другой день въ 7 часовъ вечера мы сидѣли въ вагонѣ Брестско-Кіевской желѣзной дороги и весело болтали. Въ карманѣ у меня лежалъ билетъ прямаго сообщенія въ Проскуровъ, дорожный мѣшокъ набитъ былъ трудами двухъ подольскихъ статистическихъ комитетовъ и всевозможными брошюрами и сочиненіями, касавшимися Подоліи.

Въ Проскуровѣ обрывается вѣтвь желѣзной дороги и отсюда уже въ разныя стороны расходятся почтовыя дороги.

Такъ какъ мой другъ обѣщалъ мнѣ много открытій географическихъ, топографическихъ, этнографическихъ и всякихъ другихъ, а предпринимать открытія принято, начиная отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, то мы и направились прежде всего въ столицу Подоліи, всѣмъ извѣстный Каменецъ, откуда сдѣлали нѣсколько экскурсій въ разныя стороны, съ цѣлью нѣсколько ознакомиться съ краемъ, который оказался для меня совсѣмъ невѣдомымъ, какъ вѣроятно и для большинства изъ моихъ читателей, съ которыми я поэтому и рѣшаюсь подѣлиться своими впечатлѣніями. Не буду опи-

сывать дорогу до Каменца и первыя наши поѣздки,—впечатлѣнія отъ нихъ остались слишкомъ поверхностныя и отрывочныя, какія только можно получить, не выходя изъ экипажа;—сколько-нибудь обстоятельное знакомство съ краемъ началось только со времени поѣздки въ Смотричъ. Отсюда я и начну свой разсказъ.

II.

Рѣка Смотричъ.—Толтры.—Мѣстечко Смотричъ; его исторія.—Дорога въ Карачковцы, берега рѣки.—Истребленіе лѣсовъ.—Сокилъ-гора.—Пещеры.—„Кірпищ". Карачковцы.—Легенда о возникновеніи села.—Остатки старины.—Наружность и характеръ жителей.—Изолированность подольскихъ поселеній.—Преданіе о Каменцѣ.—Еврейская лавочка.—Промыслы жителей.

Общимъ своимъ характеромъ Смотричъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ горныхъ рѣкъ Подолья. Вода въ немъ сѣроватаго цвѣта, также какъ и въ Днѣстрѣ; такую-окраску придаютъ этимъ рѣкамъ известковыя и сланцевыя горныя породы, среди которыхъ онѣ прорыли свои русла. Въ обыкновенное лѣтнее время Смотричъ, по крайней мѣрѣ въ среднемъ своемъ теченіи, неширокъ и довольно мелокъ, такъ что во многихъ мѣстахъ можно переходить въ бродъ. Но во время весеннихъ разливовъ, или послѣ сильныхъ дождей, уровень воды сразу подымается до весьма значительныхъ размѣровъ, иногда на нѣсколько аршинъ, благодаря тому, что маленькія горныя рѣчки и ручейки, впадающіе въ Смотричъ, весьма быстро приносятъ огромныя массы воды. Тогда рѣка принимаетъ довольно грозный видъ и катитъ свои густыя, переполненныя глиной и известью, волны съ ужасающей быстротой и шумомъ, который разносится на значительное разстояніе, усиливаясь и повторяясь эхомъ сосѣднихъ горъ. Дождевая вода также быстро спадаетъ, какъ и прибываетъ, оставляя послѣ себя толстый слой илу.—Таковъ характеръ всѣхъ рѣкъ въ гористой части Подолья, принадлежащихъ къ системѣ Днѣстра; къ этому можно еще прибавить, что всѣ онѣ отличаются чрезвычайно быстрымъ теченіемъ.

Смотричъ беретъ начало въ юго-восточной части проскуровскаго уѣзда среди болотъ, расположенныхъ между двумя горными грядами. Въ своемъ верхнемъ теченіи онъ протекаетъ по мягкому черноземному пласту, затѣмъ русло его постепенно углубляется и,

начиная отъ мѣстечка Смотрича, рѣка обнажаетъ каменныя породы.

Благодаря своему быстрому теченію, Смотричъ прорылъ въ высокихъ известковыхъ скалахъ, въ нижнемъ своемъ теченіи, глубокую и узкую долину, на днѣ которой и пролегаетъ его русло. Прорываясь сквозь скалы, рѣка чрезвычайно извилиста, берега представляютъ множество мысовъ и глубокихъ заливовъ, такъ что зачастую береговая линія тянется на цѣлые десятки верстъ, между тѣмъ какъ перешеекъ, раздѣляющій два изгиба рѣки, иногда менѣе версты въ ширину, но за то всегда представляетъ довольно значительную возвышенность. За исключеніемъ Каменца мы нигдѣ не видѣли моста на Смотричѣ, не видѣли также и паромовъ, представляющихъ обычный способъ переправы на Днѣстрѣ. Изъ средствъ водянаго сообщенія, или вѣрнѣе—переправы черезъ рѣку, намъ встрѣтились два: 1) небольшія плоскодонныя лодки весьма оригинальной и первобытной формы, сдѣланныя изъ досокъ, съ острымъ носомъ и тупой, ровной кормой; 2) тамъ, гдѣ существуютъ водяныя мельницы, рѣчка наискось перегораживается отъ одного берега до другого плотиной изъ хвороста и легкаго мѣстнаго камня, по которой ходятъ и ѣздятъ. Каждую весну плотину размываетъ водой, послѣ чего ее подчиняютъ ровно настолько, чтобы ее снова прорвало въ слѣдующемъ году.

Для жителя степной Украйны долина Смотрича представляетъ картину, исполненную необычайной красоты: вдоль обоихъ береговъ рѣки сплошной стѣной тянутся горы, то покрытыя лѣсомъ, то усѣянныя грандіозными отвѣсными скалами, а внизу шумитъ и пѣнится по камнямъ рѣка, переливаясь то серебромъ, то сталью. Острыя вершины горъ и отдѣльно стоящія конусообразныя возвышенности называются въ народѣ „*толтры*“ (нельзя не видѣть въ этомъ названіи аналогіи съ карпатскими *Татрами*). Иныя „*толтры*“ покрыты лѣсомъ, другія, на которыхъ лѣсъ уже вырубленъ, поросли тощимъ дерномъ и усѣяны обнаженными скалами третичнаго известняка, различной величины и самыхъ разнообразныхъ, причудливыхъ формъ; зачастую скалы идутъ рядами вокругъ горы, иногда они расположены группами, представляющими поразительное сходство то съ мегалитическими постройками, то съ развалинами замковъ и т. п.

При впаденіи рѣчки Яромирки въ Смотричъ, въ чрезвычайно живописномъ уголкѣ, образуемомъ теченіемъ этихъ двухъ рѣкъ, расположено мѣстечко Смотричъ.

Поселеніе это весьма древнее и было нѣкогда однимъ изъ трехъ важнѣйшихъ центровъ Подолья. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о времени возникновенія этого поселенія, бывшаго въ древности городомъ; правдоподобно, онъ принадлежалъ къ галицкому понизью и вмѣстѣ съ нимъ раздѣлилъ общую судьбу галицко-подольскихъ городовъ послѣ татарскаго нашествія. Послѣ изгнанія татаръ Ольгердомъ, этотъ великій князь поручилъ управленіе Подолья своимъ племянникамъ, князьямъ Коріятовичамъ. Новымъ владѣльцамъ приглянулось мѣстоположеніе стараго Смотрича—скала, окруженная почти со всѣхъ сторонъ водою и опоясанная вѣнцомъ другихъ скалъ; они основали здѣсь столицу своего княжества и укрѣпили ее сильнымъ замкомъ.

Въ настоящее время отъ старины уцѣлѣли только земляные валы, составлявшіе часть укрѣпленій, и костелъ, принадлежавшій нѣкогда доминиканскому монастырю, основанному при Коріятовичахъ на мѣстѣ бывшаго прежде православнаго монастыря св. Богородицы. Князь Александръ Коріятовичъ выдалъ доминиканамъ въ 1375 году сохранившуюся понынѣ въ подлинникѣ подтвердительную грамоту на поземельныя владѣнія.

Въ началѣ XV вѣка вся подольская земля перешла въ пожизненное владѣніе Витовта, извѣстнаго защитника русскихъ интересовъ въ Подольи, куда уже въ то время стремится колонизація польской шляхты. Въ 1430 году, воспользовавшись благопріятными обстоятельствами, поляки, поселившіеся въ Подольи по иниціативѣ пана Бучацкаго, который стоялъ во главѣ движенія, овладѣли Смотричемъ и другими замками, и вмѣстѣ съ большею частью Подолья обратили ихъ подъ свою юрисдикцію, отторгнувши изъ состава литовско-русскаго княжества.

Съ этого времени начинается ополяченье края, выразившееся прежде всего раздачей земель польскому дворянству. Что касается городовъ, то имъ, по принятому тогда обыкновенію, гарантировалось правительствомъ самоуправленіе привилегіями на магдебурское право. Въ числѣ другихъ городовъ и Смотричъ получилъ въ 1448 г. такую привилегію отъ Казиміра Ягайловича.—Въ 1518 г. Сигиз-

мундъ I разрѣшилъ горожанамъ, въ видахъ большей ихъ безопасности отъ татарскихъ набѣговъ, въ то время часто опустошавшихъ подольскую землю, возстановить приходившій въ разрушеніе замокъ, при чемъ гарнизонъ должно было составлять само населеніе города. Для скорѣйшаго возстановленія замка Смотричъ освобождался на два года отъ уплаты всѣхъ налоговъ.

Политическія событія неизбѣжно должны были отразиться извѣстнымъ образомъ на населеніи края. Такъ напримѣръ въ промежуткѣ съ 1570 по 1665 г., населеніе Смотрича уменьшилось на 50 душъ, т. е. почти на половину и было обложено различными повинностями по отношенію къ своему старостѣ: налогами, рабочими днями и т. д. Въ тоже время мы видимъ изъ люстрацій, что главную часть населенія въ Смотричѣ составляютъ евреи, 163 души, занимавшіеся торговлей, винокуреніемъ и другими промыслами. Съ такимъ характеромъ еврейскаго мѣстечка, гдѣ вся торговля и промышленность сосредоточилась въ рукахъ евреевъ, Смотричъ остался и понынѣ.

Положеніе города, очевидно, представляло значительныя выгоды для поселенія, потому что уже въ концѣ XVIII вѣка (1791) Смотричъ заключалъ 287 домовъ. Посреди города красовалось каменное зданіе ратуши съ часами; на горѣ, среди валовъ стараго замка, находился доминиканскій монастырь, основанный въ 1586 г., и двѣ церкви; черезъ обѣ рѣчки былъ построенъ большой деревянный мостъ. Населеніе состояло изъ слѣдующихъ составныхъ частей: евреевъ 169, католиковъ 108 и православныхъ 87; эти послѣдніе, кромѣ обыкновенныхъ городскихъ налоговъ, были обложены всевозможными повинностями и данями натурою въ пользу старосты. Вообще мѣстечко приносило дохода 35,000 злотыхъ въ годъ.

Мы останавливаемся на всѣхъ этихъ подробностяхъ потому, что они могутъ служить прекрасной иллюстраціей для характеристики положенія каждаго мѣстечка юго-западнаго края, представляющаго извѣстныя выгоды для населенія. Смотричъ и до настоящаго времени служитъ торговымъ центромъ на нѣсколько десятковъ верстъ въ окружности для тѣхъ-же самыхъ селъ, которыя составляли смотрическое староство въ прошломъ столѣтіи.

Дорога изъ мѣстечка внизъ по теченію р. Смотрича въ ближайшее село Нарачковцы пролегаетъ по берегу рѣки, такъ что путе-

шественникъ все время можетъ любоваться красотами обоихъ береговъ. Какъ мы уже говорили выше, рѣка проложила себѣ русло въ очень глубокой долинѣ съ крутыми скалистыми берегами, лѣвый берегъ покрытъ чрезвычайно густымъ лѣсомъ, который тянется вдоль по горѣ и далеко за гору. Только изрѣдка, среди сплошной темной массы зелени, виднѣются на склонѣ горы дикія грандіозныя скалы известковыхъ породъ, очень эффектно выдѣляющіяся своими свѣтлыми контурами на однообразномъ темнозеленомъ фонѣ. Лѣсъ въ этомъ мѣстѣ съ 1831 года принадлежитъ казнѣ и благодаря этому обстоятельству не истребленъ и тщательно охраняется лѣсничими вѣдомства государственныхъ имуществъ. Противуположный берегъ еще до недавняго времени былъ также покрытъ лѣсомъ, но отъ него теперь уцѣлѣли одни жалкіе остатки. Крестьяне, получивши надѣлъ на правомъ берегу, принуждены были расчистить и выкорчевать лѣсъ, при чемъ болѣе крутые склоны обращены подъ пастбища и сады, а болѣе пологіе подъ пахатныя поля. Результаты истребленія лѣсовъ уже сказываются самымъ печальнымъ образомъ: каждую весну вода вырываетъ новые глубокіе овраги по склону горы, гдѣ земля уже не сдерживается корнями деревьевъ. Слѣдствіемъ этого являются постоянные весьма значительные обвалы верхней почвы, а затѣмъ и лежащихъ подъ нею третичныхъ пластовъ, и обнажаются каменныя породы, которыя залегаютъ подъ ними; такимъ образомъ овраги все болѣе и болѣе врѣзываются въ полевые участки и постепенно поглощаютъ ихъ.—Конечно, ряды громадныхъ, дикихъ скалъ самой причудливой формы удивительно граціозно разнообразятъ пейзажъ, сообщая ему новыя красоты, но избытокъ такого украшенія береговъ угрожаетъ жителямъ серьезными затрудненіями въ будущемъ, когда весь культурный слой земли будетъ снесенъ въ долину, а на мѣстѣ пахатныхъ полей останутся только сплошныя массы камня или твердыхъ третичныхъ пластовъ. Еще лѣтъ семь назадъ жители совершенно свободно ходили по всему склону долины, поросшему дерномъ и лѣсомъ; въ настоящее-же время, вслѣдствіе ежегодныхъ обваловъ, въ иныхъ мѣстахъ едва можно пробираться узенькой тропинкой, цѣпляясь за скалы, изрѣдка поросшія тощими кустами терна и *дерена* (кизиль), а еще черезъ нѣсколько лѣтъ многія мѣста сдѣлаются и совсѣмъ неприступными, такъ какъ мѣстныя каменныя породы, большею частью различныя

породы известняковъ и слапцевъ, вывѣтриваясь чрезвычайно быстро, колются по вертикальному направленію.

Въ четырехъ верстахъ ниже м. Смотрича, на правомъ берегу рѣки возвышается очень крутая гора, поросшая лѣсомъ, называемая въ народѣ *Соколь-гора*[1]). Можетъ быть это названіе она получила вслѣдствіе своей высоты и крутизны, куда только соколъ можетъ залетѣть, или можетъ быть нѣкогда на этой горѣ и дѣйствительно гнѣздились соколы, дорого цѣнившіеся еще въ XV и XVI ст. въ качествѣ охотничьихъ птицъ, какъ это видно по литовскому статуту.

Прямо взбираться на *Соколь-гору* очень трудно, а для насъ, степныхъ жителей, почти невозможно; для этого необходимы такая ловкость и привычка ходить по скаламъ, какими отличаются мѣстные жители. Намъ пришлось подняться на гору по болѣе отлогому склону въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ *Соколь-горы* и уже оттуда подойти къ краю возвышенности. Въ половинѣ высоты горы въ отвѣсной скалѣ виднѣются два входа въ пещеру, обращенные на югъ. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ доступъ къ нимъ былъ возможенъ, но съ того времени скала у подножія входа обрушилась и теперь представляетъ совершенно отвѣсную стѣну. Смотря снизу, нельзя опредѣлить, принадлежатъ-ли оба отверстія двумъ пещерамъ, или это два выхода одной и той-же камеры.

Мѣстность здѣсь удивительно живописна. Гора, расположенная на другомъ берегу противъ *Соколь-горы*, отличается огромнымъ количествомъ источниковъ, „*кирницъ*“ по мѣстному названію, впадающихъ въ Смотричъ. Проходя по лѣсу, вы со всѣхъ сторонъ слышите тихое журчаніе, которое, сливаясь съ шелестомъ листьевъ, производитъ впечатлѣніе чего-то таинственнаго и волшебнаго. Въ такой обстановкѣ особенно становится понятно поклоненіе рощамъ и источникамъ въ языческія времена.

Въ горахъ Подолья, состоящихъ изъ разныхъ породъ плитняка, вездѣ замѣчается особенное обиліе источниковъ, иногда большихъ, проложившихъ себѣ широкое русло, иногда до того малыхъ, что вода по каплѣ сочится по камнямъ, такъ что ее даже нельзя собрать въ

---

[1]) Названіе довольно распространенное въ этой части Подолья. Въ каменецкомъ уѣздѣ намъ во многихъ мѣстахъ указывали *соколью* гору и всегда это была самая крутая и высокая среди окружающихъ горъ.

стаканъ. Есть два пласта въ этихъ горахъ, дающіе начало источникамъ: одинъ, болѣе богатый водою, лежитъ ближе къ подножію горъ на высотѣ нѣсколькихъ сажень надъ уровнемъ рѣкъ; другой встрѣчается только въ болѣе высокихъ горахъ и находится почти у самой вершины. Вода въ *„криницяхъ“* отличается большой легкостью и такъ чиста и пріятна на вкусъ, что жители совсѣмъ не употребляютъ рѣчной воды. Случается, что мѣстные сибариты вѣсятъ воду изъ разныхъ *„кринидъ“* и ту, которая окажется самой легкой, употребляютъ предпочтительно передъ другими. Этотъ обычай сохранился отъ временъ крѣпостнаго права, когда помѣщикамъ за нѣсколько верстъ приносили воду для самовара.

Въ разстояніи около полуторы версты ниже *Сокиль-горы*, на лѣвомъ берегу рѣки, на широкомъ полуостровѣ съ очень узкимъ перешейкомъ, образуемымъ извилинами Смотрича, расположено село Карачковцы, утопающее въ садахъ, подобно всѣмъ подольскимъ селамъ. Положеніе села, почти со всѣхъ сторонъ окруженнаго рѣкой, весьма выгодно для поселенія и потому очень рано привлекло оно вниманіе древнихъ жителей Подолья. У мѣстныхъ жителей существуетъ преданіе, что въ старину на мѣстѣ Карачковецъ былъ столичный городъ, въ которомъ жилъ князь; впослѣдствіи городомъ овладѣлъ *Солодій Буньякъ* и разрушилъ его [1]). Несомнѣннымъ доказательствомъ большой древности поселенія служитъ: 1) городище, расположенное во всю ширину перешейка и защищавшее городъ съ единственной доступной стороны. Городище, отрѣзанное отъ прилегающей горы глубокимъ искусственнымъ рвомъ, состоитъ изъ высокаго земляного вала, расположеннаго въ видѣ четырехъугольника съ поперечнымъ валомъ по серединѣ, отъчего получается три ряда укрѣпленій, одинъ надъ другимъ; 2) огромное количество кургановъ, расположенныхъ группами во всѣ стороны около села по

[1]) Можно, кажется, съ достовѣрностью заключить, что въ преданіи вспоминается половецкій ханъ Боняк, называемый въ лѣтописи *шолудивымъ*, который около половины XII вѣка сильно разорялъ предѣлы южной Руси. Легенды о Бонякѣ сохранились повсемѣстно въ Подоліи, при чемъ онъ является то козакомъ, то татариномъ, который разрушаетъ города, а по другимъ варіантамъ укрѣпляетъ ихъ; ему приписываютъ сооруженіе сохранившихся во многихъ мѣстахъ древнихъ земляныхъ укрѣпленій. Всѣ остальные памятники древности: курганы, пещеры и другіе, народъ относитъ ко времени польско-турецкихъ войнъ.

обоимъ берегамъ рѣки. На пространствѣ трехъ верстъ мы встрѣтили семь могильниковъ, въ которыхъ насчитываютъ до 400 кургановъ.

Но есть основаніе думать, что нынѣшніе Карачковцы были населеннымъ пунктомъ еще во времена самой глубокой древности, такъ какъ здѣсь находятъ въ значительномъ количествѣ орудія каменнаго вѣка, какъ отбивныя, такъ и полированныя. Намъ самимъ удалось найти нѣсколько довольно интересныхъ экземпляровъ.

Во второй половинѣ XVIII ст. Карачковцы вмѣстѣ съ селомъ Цыковой образовали староство, которое описывается въ люстраціяхъ, какъ очень бѣдное и незначительное, не имѣвшее ни ярмарокъ, ни торгу, мало населенное и приносившее дохода отъ 6000 до 7400 злотыхъ.

Мы не знаемъ, какой доходъ могли-бы приносить Карачковцы въ настоящее время, но теперешнее населеніе повидимому очень зажиточно. Каждый хозяинъ имѣетъ по крайней мѣрѣ пару лошадей, не говоря о коровахъ и овцахъ; лошади употребляются и для полевыхъ работъ, за то волы встрѣчаются въ очень маломъ количествѣ и не идутъ въ работу, такъ какъ они часто „*разбиваются*“ на крутыхъ горныхъ дорогахъ; ѣздятъ не иначе, какъ парой,—вообще во всемъ Подольи намъ ни разу не пришлось встрѣтить воза, запряженнаго въ одну лошадь, какъ то бываетъ на побережьи Днѣпра. Количество хлѣба здѣсь тоже въ значительной мѣрѣ превосходитъ въ этомъ отношеніи хозяйство нашихъ крестьянъ.

Богатство и разнообразіе природы, прекрасный горный воздухъ и другія благопріятныя условія жизни отразились какъ на характерѣ жителей, такъ и на самой ихъ наружности. Мы нигдѣ не встрѣчали такого красиваго, добраго и развитаго народа, какъ по берегамъ Смотрича, особенно въ Карачковцахъ. Здѣсь всѣ жители, не исключая и женщинъ, отличаются высокимъ ростомъ и стройностью стана, свойственной всѣмъ горцамъ, красотой и необыкновенной моложавостью. На кого ни посмотришь—всѣ какъ на подборъ саженные молодцы, очень худощавые, но широкоплечіе и здоровые и чрезвычайно красивые. Намъ встрѣтились нѣсколько стариковъ лѣтъ шестидесяти и больше, и между ними ни одного сгорбленнаго; всѣ они держатся прямо, какъ молодые, и показываются гораздо моложе своихъ лѣтъ. Такъ напримѣръ нашему проводнику было 65 лѣтъ, но на видъ ему можно было дать не болѣе 45,—держался онъ совер-

шенно прямо и ходилъ по горамъ [1]) не хуже молодаго, такъ что мы не могли за нимъ поспѣть. Говорятъ, что многіе доживаютъ здѣсь до ста лѣтъ и больше.

Богато одаренный физически, здѣшній народъ еще выше стоитъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Нигдѣ въ другихъ мѣстахъ не приходилось намъ встрѣчать такого джентельменскаго отношенія къ людямъ, какъ въ здѣшнихъ крестьянахъ: къ кому ни обратитесь, въ каждомъ васъ поражаетъ необыкновенное благодушіе и довѣрчивость по отношенію даже къ пріѣзжимъ, чужимъ людямъ, соединенное съ природнымъ юморомъ, большой вѣжливостью и полной готовностью, чѣмъ можно, помочь и услужить пріѣзжимъ, но все это соединяется съ полнымъ чувствомъ собственнаго достоинства, безъ малѣйшаго униженія или стѣсненія. Видно, что даже продолжительное панское господство не могло искалѣчить нравственно этотъ богато одаренный народъ. Поговоривши съ любымъ изъ крестьянъ, можно только пожалѣть, что для нихъ почти никогда не открывался путь къ образованію.

Тутъ я позволю себѣ остановиться на одной особенности, которая рѣзко бросается въ глаза даже поверхностному наблюдателю,— это, при единствѣ общаго типа подолянъ, огромное количество этническихъ разновидностей, находящееся въ зависимости отъ мѣстности. Кажется, причина тому лежитъ въ географическихъ условіяхъ края. Всѣ поселенія—города и села—располагаются главнымъ образомъ по теченію рѣкъ, въ глубокихъ долинахъ, отдѣленныхъ одна отъ другой довольно высокими и крутыми горами, сильно затрудняющими сообщеніе между жителями разныхъ долинъ. Почти всѣ дороги проложены по берегамъ рѣкъ и всѣ сношенія ограничиваются узкимъ райономъ рѣчной долины. Поэтому жители извѣстнаго села прекрасно знаютъ всѣ села и мѣстечки, расположенныя въ ихъ долинѣ по теченію своей рѣчки отъ ея верховьевъ до устья, но въ тоже время имѣютъ весьма смутное представленіе о поселеніяхъ сосѣднихъ долинъ: 10—15 верстъ въ сторону отъ рѣки называется уже „десь дуже далеко“. Этой изолированностью, кажется, и слѣдуетъ

[1]) Общепринятыя у насъ выраженія *лазить по горамъ*, *взбираться на горы* совершенно непримѣнимы къ подольскимъ жителямъ, которые ходятъ по самымъ крутымъ обрывамъ, куда нашему брату и посмотрѣть страшно, также легко и свободно, какъ по равнинѣ.

объяснить такое разнообразіе типовъ, при которомъ опытный этнографъ съ перваго взгляда можетъ опредѣлить, изъ какой долины происходитъ тотъ или другой крестьянинъ. Она-же объясняетъ намъ и отличительныя черты исторіи Подолья въ удѣльный періодъ—единственную пору, когда развитіе каждаго изъ русскихъ поселянъ укладывалось въ такія рамки, какія болѣе всего отвѣчали естественному характеру племени.

Затруднительность сообщенія между отдѣльными долинами послужила причиною тому, что здѣсь удивительно долго сохраняются историческія преданія во всей ихъ чистотѣ, между тѣмъ какъ у насъ, въ степной Украинѣ, гдѣ впечатлѣнія быстро смѣняются, не оставляя прочныхъ традицій, если извѣстное преданіе и сохранится въ народной памяти какихъ нибудь сто лѣтъ, то уже переходитъ къ потомкамъ въ такомъ искаженномъ видѣ, что историку подчасъ невозможно бываетъ опредѣлить, какой фактъ послужилъ основой преданію. Для примѣра укажу на легенду объ основаніи Каменца, которую намъ удалось слышать изъ народныхъ устъ въ Карачковцахъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Вѣроятно Каменецъ, какъ поселеніе, возникъ очень рано, но значеніе одного изъ укрѣпленныхъ центровъ древняго галицкаго княжества онъ получаетъ въ началѣ XIII в. при Даніилѣ Романовичѣ, который, какъ извѣстно, построилъ нѣсколько новыхъ городовъ и укрѣпилъ наиболѣе важные изъ существовавшихъ уже въ его время. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Каменецъ. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ легенда.

„Жили соби два браты, вдовины сыны, панычи. Ниде имъ не можна було ся ужити,—де ся не оселять—скризь ихъ женуть. Одного ранку поихали вони на полюванія, не взявши й хлиба зъ дому. Издили цилый день, дуже ся вморили и выголодали, и ничого не зловили; вже надъ вечиръ загнали лиса межъ камъяни скали у густый лисъ, шчо кругомъ его ричка тече. Тутъ вони й заночували. Другого дня вранци розгледили вдовиченки мисце, тай надумали, шчо гораздъ булобъ тутъ збудовати городъ; а дали поихали до матери, тай ій кажуть, просять поради. А мати имъ одказуе, шчо буде вашъ городъ голодный, бо не взяли-сте хлиба, якъ я вамъ вчора казала. Отже вони не послухали [illegible] городъ и тамъ ся осѣли зъ матирью; а материно слово ся спр[illegible]ило—бувъ той городъ голодный, черезъ те й до сего часу все такъ дорого у тому Каменци."

Нельзя не узнать въ этомъ разсказѣ двухъ братьевъ Романовичей, устроителей галицко-волынскаго княженія, судьба которыхъ изображается въ преданіи совершенно вѣрно исторически, а между тѣмъ дѣло происходитъ почти за 6½ столѣтій. Кажется, мы не сдѣлаемъ ошибки, относя это преданіе къ личности Даніила и Василька Романовичей, извѣстныхъ колонизаторовъ волынско-галицкой земли, тѣмъ болѣе, что и въ нашихъ лѣтописяхъ сохранился совершенно аналогичный разсказъ о постройкѣ этими князьями города Рая, сдѣлавшагося любимой лѣтней резиденціей и мѣстомъ охоты волынско-галицкихъ князей. Подробности однѣ и тѣ-же, только названія городовъ различны.

Населеніе всѣхъ подольскихъ селъ состоитъ изъ мѣстнаго священника, нѣсколькихъ сотъ крестьянъ православнаго и иногда католическаго вѣроисповѣданія и нѣсколькихъ семействъ евреевъ. Число послѣднихъ прямо пропорціонально богатству жителей и доходности ихъ занятій. Въ Карачковцахъ живетъ три еврейскія семьи. Одна, повидимому болѣе зажиточная, держитъ въ арендѣ водяную мельницу, на которой работаютъ крестьяне. Эта семья представляетъ собою мѣстную аристократію. Другая держитъ шинокъ, единственный въ селѣ. Это представители средняго сословія. Третья семья представляетъ собою еврейскій пролетаріатъ въ селѣ. Каждому, входящему въ маленькую комнатку, гдѣ живетъ цѣлая семья и гдѣ буквально повернуться нельзя, бросается въ глаза удивительная чистота и порядокъ: вещей много, но все на своемъ мѣстѣ; въ углу полочка съ книгами, по стѣнамъ священныя картины символическаго содержанія и заграничные портреты знаменитыхъ раввиновъ. По всему видно, что здѣсь живутъ люди интелигентные, видавшіе лучшіе дни. Еврей и его жена занимаются мелочной торговлей и оригинальное впечатлѣніе производитъ на посѣтителя эта лавка, помѣщающаяся въ двухъ-трехъ коробкахъ и содержащая все, что можетъ понадобиться не только крестьянамъ, но и сосѣднимъ лѣсничимъ, случайному путешественнику и вообще представителямъ болѣе привилегированнаго сословія. На печи картонка съ чистымъ товаромъ: иголками, нитками, лентами, памистомъ и т. п.; въ другой картонкѣ—табакъ разныхъ сортовъ, есть даже довольно хорошій, бумага и другія принадлежности; въ третьей—нѣсколько бумажныхъ платковъ и кусковъ самаго дешеваго ситцу. Но настоящимъ музе-

емъ является ящикъ, стоящій подъ кроватью: чего только тутъ нѣтъ! Бутылка съ керосиномъ, *вѣтрови сѣрнички*, мыло, повсемѣстно входящее въ употребленіе, нѣсколько чашекъ, блюдецъ и стакановъ, гвозди и много другихъ предметовъ—всего не припомнишь. Однимъ словомъ эта микроскопическая лавочка представляетъ нѣчто въ родѣ торговаго микрокосма.

Хозяинъ съ грустью разсказываетъ о томъ, какъ еще недавно онъ жилъ въ городѣ и занимался хлѣбными подрядами, но прогорѣлъ, потерялъ все имущество и теперь принужденъ начинать съизнова, кое какъ перебиваясь въ маломъ селѣ, гдѣ приходится продавать на грошъ спичекъ, на два гроша мыла и т. д. Этимъ путемъ онъ надѣется со временемъ на столько поправить свои обстоятельства, чтобы перейти въ большее село, а затѣмъ перенести свою дѣятельность въ мѣстечко и наконецъ можетъ быть снова возвратиться въ городъ. Остается только пожелать успѣха его энергіи и стойкости.

Впрочемъ и крестьяне въ Карачковцахъ занимаются промысломъ, матеріялъ для котораго доставляютъ имъ скальные обрывы окружающихъ горъ. Блуждая по *Сокиль-горѣ*, мы наткнулись на каменоломню, изъ которой крестьяне извлекаютъ плиты бѣлаго известняка и, обтесывая ихъ съ крайнею осторожностью, изсѣкаютъ кресты, достигающіе иногда весьма значительныхъ размѣровъ. Кресты эти покупаются въ качествѣ надгробныхъ памятниковъ или „*фигуръ*", которыми благочестивые жители западной Подоліи украсили всѣ дороги своей области [1]).

Впрочемъ, я уже слишкомъ долго остановился на милыхъ моему сердцу Карачковцахъ; пора извиниться передъ читателемъ и пригласить его, вооружась терпѣніемъ, продолжать прогулку.

---

[1]) Такое-же производство мы встрѣчали еще во многихъ другихъ мѣстахъ, между прочимъ въ Каменцѣ, гдѣ изъ мѣстнаго известняка приготовляются надгробные памятники, отличающіеся большимъ изяществомъ и красотой отдѣлки. Этотъ третичный известнякъ въ отдѣлкѣ очень красивый бѣлый камень съ легкимъ желтоватымъ оттѣнкомъ, но въ короткое время совершенно темнѣетъ; сверхъ того онъ чрезвычайно быстро вывѣтривается, такъ что изображенія и надписи на памятникахъ въ короткое время подвергаются порчѣ и въ нѣсколько десятковъ лѣтъ совершенно сглаживаются. Камень этотъ, идущій и на постройки, имѣетъ еще одно примѣненіе: во многихъ мѣстахъ, гдѣ обнажены известковыя породы, евреи закупаютъ

III.

Мѣстечко Черче; его исторія.—Нѣгинъ.—Пещеры.—Легенда.—Растительность.—Дорога въ Каменецъ.—Привороття.—Земляныя насыпи.—Паневцы, замокъ; его исторія.—Академія и типографія.—Гробница Потоцкаго.—Турецкія и казацкія войны.—Устье; видъ села, Траяновъ валъ.—Колонизація и исторія Устья.

Спускаясь дальше по Смотричу, встрѣчаемъ верстахъ въ шести ниже Карачковецъ мѣстечко Черче, а въ очень близкомъ отъ него разстояніи къ югу—село Залучье и Нѣгинъ.

Мѣстечко расположено въ очень живописномъ уголкѣ, окруженномъ высокими скалами. Въ старину Черче принадлежало къ имѣніямъ каменецкихъ епископовъ. Около половины XVI ст. было до чиста разорено татарами и въ 1578 г. снова возникло по иниціативѣ епископа Мартына Бѣлобрежскаго, выхлопотавшаго у короля Стефана Баторія привилегію на магдебурское право и двѣ ярмарки въ году, съ подтвержденіемъ всѣхъ прежнихъ правъ. Въ концѣ XVIII вѣка мѣстечко поступило въ вѣдомство государственныхъ имуществъ, а въ 1795 г. подарено гетманшѣ Александрѣ Браницкой. Памятникомъ старины остался въ Черчѣ каменный костелъ, въ архивѣ котораго, какъ говорятъ, хранятся важныя рукописи.

Къ югу отъ Черча по лѣвому берегу рѣки начинается цѣлый рядъ пещеръ, которыя тянутся до Залучья и Нѣгина. Существуетъ въ народѣ преданіе, будто это одна пещера, весьма обширная, идущая подъ землей отъ Черча до Нѣгина и имѣющая нѣсколько выходовъ. Не знаю, насколько это вѣрно. Намъ удалось осмотрѣть только нѣгинскія пещеры, расположенныя въ слоѣ силурійскаго известняка, достигающемъ около восьми сажень въ толщину; ихъ три числомъ, всѣ онѣ совершенно самостоятельны и вовсе не соединяются между собою.

Двѣ изъ нихъ скорѣе можно назвать гротами и только третья

у помѣщиковъ на извѣстный срокъ цѣлыя горы, ломаютъ камень и пережигаютъ на известь. Такимъ образомъ уже исчезло значительное количество скалъ. Такъ напримѣръ въ м. Кривчикѣ сломана цѣлая гора, въ которой находились двѣ очень обширныя пещеры съ озеромъ и купальней въ одной изъ нихъ; теперь и слѣда отъ нихъ не осталось. Сохранилась только третья пещера въ противуположной горѣ, служившая повидимому жилищемъ для человѣка въ доисторическую пору, но она недоступна для изслѣдованія, такъ какъ входъ наглухо забитъ камнемъ.

представляется настоящей пещерой съ двумя выходами и множествомъ развѣтвленій. Въ настоящее время, вслѣдствіе частныхъ обваловъ съ одной стороны и наростанія сталактитовъ съ другой, внутренность пещеры представляется въ видѣ нѣсколькихъ развѣтвляющихся корридоровъ, очень узкихъ и до того низкихъ, что во многихъ мѣстахъ приходится пробираться ползкомъ, расчищая себѣ путь между свалившимися сверху камнями. Мѣстами попадаются камеры по нѣсколько аршинъ въ діаметрѣ, въ которыхъ свободно можно ходить; отъ нихъ идутъ радіусами новые корридоры и вообще пещера представляетъ столько рамификацій, что нѣтъ никакой возможности оріентироваться. Мы запаслись компасами, и то непремѣнно заблудились-бы, если-бы по примѣру Тезея не взяли шнурка въ видѣ предосторожности.

Дно пещеры покрыто довольно толстымъ слоемъ напосной земли, переполненной огромнымъ количествомъ звѣриныхъ и человѣческихъ костей. Послѣднія носятъ отпечатокъ различныхъ эпохъ; намъ попалось нѣсколько костей, которыя по своимъ анатомическимъ особенностямъ должны быть отнесены къ самой глубокой древности; другія ничѣмъ не разнятся отъ современнаго скелета. Очевидно здѣсь покоятся остатки цѣлаго ряда поколѣній, населявшихъ берега Смотрича. Подтвержденіемъ тому служатъ находки какъ въ самой пещерѣ, такъ и въ ея окрестностяхъ: здѣсь попадаются съ одной стороны каменныя орудія неолитическаго періода и съ другой польскія монеты XVI и XVII вв.; одну изъ нихъ—полторакъ Сигизмунда III, 1623 г., намъ удалось найти на днѣ одной изъ извилинъ пещеры. По преданію нѣгинская пещера служила для окрестныхъ жителей мѣстомъ убѣжища во время татарскихъ набѣговъ. Разсказываютъ, что однажды въ селѣ праздновалась свадьба, какъ вдругъ налетѣли татары. Всѣ жители Нѣгина укрылись въ пещеру, словно сквозь землю провалились; татары не смотря на всѣ старанія, не могли ихъ найти и принялись грабить хаты. Черезъ нѣсколько времени молодая *„княгиня“* въ барвинковомъ вѣнкѣ вышла изъ пещеры и тотчасъ была убита татарами. Такимъ образомъ убѣжище было открыто; хищники, не будучи въ состояніи проникнуть въ пещеру, завалили входъ деревомъ и зажгли, вслѣдствіе чего всѣ находившіеся тамъ погибли отъ дыму.

Этимъ объясняютъ присутствіе такой массы человѣческихъ костей на всемъ протяженіи подземныхъ корридоровъ.

Въ настоящее время, вѣроятно въ силу такой легенды, гротъ при началѣ пещеры обращенъ въ часовню, стѣны его нѣсколько подтесаны и входъ запирается дверью; селяне снесли сюда нѣсколько старыхъ иконъ и ежегодно, въ день св. Онуфрія, здѣсь служится молебенъ, при чемъ стекаются на богомолье жители окрестныхъ селъ. Въ остальное время года пещера посѣщается только пастухами, укрывающимися тутъ отъ непогоды, да туристами, которые довольно часто пріѣзжаютъ изъ Каменца.

Разсказываютъ, что барвинокъ, украшавшій голову молодой, растетъ понынѣ вѣнкомъ вблизи пещеры. Мѣстный польскій поэтъ, Гославскій, воспользовался этой легендой для весьма художественной поэмы, въ которой указываетъ даже мѣсто, гдѣ была похоронена *„молода княгиня“* и гдѣ на могилѣ росъ еще въ его время знаменитый барвинокъ. Этого барвинку ищутъ на память о нѣгинской пещерѣ всѣ туристы, знакомые съ поэмой, однако намъ не посчастливилось, не смотря на указанія родственника покойнаго поэта, найти ни малѣйшихъ слѣдовъ барвинка; вѣроятно онъ уже истребленъ прежними посѣтителями. Вмѣсто него въ указанномъ мѣстѣ намъ встрѣтилось нѣсколько кустовъ плюща, который въ большемъ количествѣ растетъ по всему лѣсу, покрывающему нѣгинскую гору.

Разъ упомянувши о плющѣ, я позволю себѣ на минуту остановиться на подольской флорѣ. Я не ботаникъ и потому могу говорить только о такихъ особенностяхъ, которыя сами бросаются въ глаза при поверхностномъ наблюденіи.—Всѣ притоки Днѣстра текутъ самыми прихотливыми извилинами, вслѣдствіе того склоны ихъ долинъ обращены поочередно ко всѣмъ четыремъ сторонамъ горизонта. Каждый склонъ имѣетъ свою преобладающую растительность: въ то время какъ на сѣверномъ и восточномъ преобладаетъ чорный лѣсъ, чрезвычайно распространенный въ Подоліи и *„чагарникъ“*, растущій повсюду въ нашихъ мѣстахъ, южный и западный склоны покрыты растительностью, которая своимъ характеромъ нѣсколько напоминаетъ крымскую флору. Здѣсь встрѣчаются цѣлые лѣса изъ настоящаго крымскаго кизилу (въ Подоліи *„дерен“*), который очень хорошо дозрѣваетъ, также какъ и различные

сорта винограду; лѣсной папоротникъ достигаетъ вышины, необыкновенной въ нашихъ мѣстахъ; сверхъ того мнѣ попались два сорта скальнаго папоротника, которыхъ не приходилось встрѣчать въ поднѣпровской Украинѣ. Также, какъ и въ Крыму, въ большомъ количествѣ растетъ въ лѣсахъ плющъ, разводимый у насъ, какъ комнатное растеніе, требующее большаго ухода. Наконецъ здѣсь растутъ въ дикомъ видѣ нѣкоторые виды травъ и цвѣтовъ, встрѣчающіеся у насъ, какъ садовыя растенія.—Конечно, спеціалистъ замѣтилъ-бы несравненно больше особенностей, но вѣдь я не спеціалистъ въ области ботаники, также какъ большинство моихъ читателей.

Изъ памятниковъ старины въ Нѣгинѣ можно указать маленькую деревянную церковь, построенную въ прошломъ столѣтіи, какъ это значится въ надписи, вырѣзанной на церковныхъ дверяхъ. По преданію она выстроена семействомъ мѣстныхъ православныхъ дворянъ Ляховецкихъ; впослѣдствіи этотъ дворянскій родъ сильно размножился, обѣднѣлъ и въ настоящее время представители его приписаны въ крестьянство. Но и теперь члены его отличаются особеннымъ благочестіемъ, о которомъ свидѣтельствуютъ два каменные креста съ распятіемъ, окрашеннымъ въ яркозеленый цвѣтъ, поставленные ими на перекресткахъ въ селѣ.

Отъ Нѣгина до Каменца, опускаясь вдоль береговъ Смотрича, путешественникъ не встрѣтитъ уже ничего замѣчательнаго; поэтому лучше взять земскую почту и ближайшимъ путемъ отправляться въ Каменецъ. Дорога все время проходитъ среди чрезвычайно живописной мѣстности по равнинѣ, обрамленной съ двухъ сторонъ рядами остроконечныхъ горъ съ скальными вершинами, большею частью покрытыхъ лѣсомъ; иногда попадаются *толтры*, едва поросшія травою и усѣянныя обнаженными скалами. Вообще красивый видъ съ дороги на Привороття; самого села не видно, такъ какъ оно расположено въ глубокой долинѣ между двумя высокими *толтрами*, поросшими густымъ лѣсомъ. Обѣ горы сходятся основаніями. У подножья одной изъ нихъ въ разстояніи 2—3 верстъ отъ дороги, очень живописно обрисовывается силуэтъ небольшого замка съ зубчатой стѣной, башенками, бойницами; однимъ словомъ со всѣми атрибутами средневѣковой постройки. Обращаетесь за свѣдѣніями къ ямщику и узнаете, что это зданіе, построенное въ не-

давнее время мѣстнымъ помѣщикомъ, предназначалось для корчмы, которая въ немъ и помѣщалась нѣсколько лѣтъ назадъ; теперь-же корчма не дѣйствуетъ по недостатку практики. Странная идея строить корчму въ видѣ замка, но издали выходитъ очень красиво, а Привороття и безъ того считается однимъ изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ въ уѣздѣ.—Впрочемъ я не берусь описывать красоты подольской природы, для этого нужно обладать тургеневскимъ талантомъ, который, разумѣется не у каждаго бываетъ. Пусть читатель самъ, если захочетъ, представитъ себѣ рядъ прекраснѣйшихъ картинъ, какія только можетъ создать его воображеніе, и онъ не далеко будетъ отъ истины: не даромъ вѣдь называютъ этотъ край Подольской Швейцаріей.—Для интересующихся исторіей и археологіей родного края можно отмѣтить еще одну подробность.

Въ районѣ Каменца, верстъ на 15—20 въ окружности, разсѣяны на поляхъ въ огромномъ количествѣ: земляныя батареи, городища и курганы, единичные и группами. По внѣшнему виду первыя принадлежатъ къ позднѣйшему времени; городища большею частью относятся ко времени польско-турецкихъ войнъ; что касается могилъ, то онѣ ждутъ еще своего изслѣдователя. Мѣстные археологи,—ихъ есть нѣсколько въ Каменцѣ,—могли-бы оказать большую услугу наукѣ, взявшись за изслѣдованіе кургановъ; до сихъ поръ они занимаются большею частью собираніемъ коллекцій изъ случайныхъ находокъ и время отъ времени отсылаютъ свои коллекціи въ краковскую академію.

Не берусь описывать самый Каменецъ; это потребовало-бы слишкомъ много времени и мѣста. Объ исторіи этого города, его памятникахъ и достопримѣчательностяхъ, о его физіономіи и населеніи такъ много написано, что читающая публика, вѣроятно, имѣетъ уже ясное о немъ представленіе. Мои слова будутъ только безполезнымъ и слабымъ повтореніемъ.

Подвигаясь на югъ отъ Каменца, по теченію Смотрича, мы встрѣчаемъ еще два интересные пункта: Паневцы и Устье.

Село Паневцы—верстахъ въ семи отъ Каменца, на полдорогѣ изъ этого послѣдняго въ с. Устье; оно расположено въ глубокой долинѣ на правомъ берегу Смотрича, на полуостровѣ, образованномъ глубокой извилиной рѣки. На противуположномъ берегу находится самый возвышенный пунктъ всего лѣваго берега Смотрича. Полуостровъ, на

которомъ помѣщается село, представляетъ тоже довольно значительную возвышенность съ обросшей лѣсомъ вершиной, постепенно опускающуюся къ рѣкѣ. Почти у самой вершины, на обрывистой скалѣ, висящей надъ берегомъ, очень рельефно обрисовываются развалины громаднаго стариннаго замка. Вблизи развалинъ два огромныя каменныя зданія, построенныя въ одно время съ замкомъ, вполнѣ уцѣлѣвшія снаружи. Нѣсколько ниже расположена красивая помѣщичья усадьба, выстроенная въ новомъ вкусѣ; на средней террасѣ, на самомъ видномъ и красивомъ мѣстѣ,—приходская церковь, а еще ниже, у самаго берега, ряды крестьянскихъ хатъ. Все это окружено обширными фруктовыми садами, украшающими и разнообразящими пейзажъ густой массой зелени. Благодаря своему необыкновенно живописному мѣстоположенію и близости къ городу, Паневцы являются самымъ любимымъ мѣстомъ для загородныхъ прогулокъ каменецкихъ жителей.

Поселеніе это относится къ XVI в. Оно основано Николаемъ Потоцкимъ, генераломъ подольскимъ, получившимъ это мѣсто, по мнѣнію польскихъ историковъ, въ силу конституціи 1589 г. Получивъ пустое мѣсто въ малозаселенномъ краѣ, почти у самыхъ границъ Молдавіи, подверженное всѣмъ случайностямъ частыхъ татарскихъ набѣговъ, Потоцкій, по обычаямъ колонизаціоннымъ того времени, долженъ былъ зазывать поселенцевъ изъ разныхъ мѣстъ, обѣщаніемъ извѣстнаго числа льготныхъ лѣтъ. Такимъ образомъ возникло село Верхніе Паневцы, получивши названіе отъ небольшаго поселенія Нижнихъ Паневецъ, существовавшаго въ недалекомъ разстояніи еще съ начала XVI вѣка. Сынъ и наслѣдникъ Николая, Янъ Потоцкій, воевода Брацлавскій, построилъ здѣсь въ 1590 г. крѣпкій замокъ, обнесенный земляными валами, на высокомъ обрывѣ надъ Смотричемъ. Въ скоромъ времени вокругъ замка образовалось довольно значительное мѣстечко съ предмѣстьями.

Будучи послѣдователемъ реформатскаго ученія, охватившаго съ XVI в. лучшіе умы между дворянствомъ югозападнаго края въ большинствѣ случаевъ подъ видомъ соцініанства и кальвинизма, Янъ Потоцкій одновременно съ замкомъ построилъ въ Паневцахъ кальвинскую часовню и основалъ академію, въ которой преподавателями были извѣстнѣйшіе въ свое время ученые—еретики, какъ ихъ называли современники: между ними особеннымъ значеніемъ пользовался на-

стоятель общины, Янъ Зыгровичъ. Тутъ-же была основана типографія, въ которой этотъ ученый печаталъ свои труды полемическаго характера, направленные противъ католицизма.—Къ сожалѣнію просвѣтительная дѣятельность не имѣла успѣха среди мѣстнаго населенія, состоявшаго главнымъ образомъ изъ православнаго крестьянства и католической шляхты; первые, будучи крѣпостными, не нуждались въ схоластическомъ образованіи, а послѣдніе, хотя и пользовавшіеся всѣми правами свободнаго сословія, слишкомъ фанатически держались за свой католицизмъ и предпочитали лучше оставить своихъ дѣтей совсѣмъ безъ образованія, чѣмъ отдать ихъ въ еретическую школу. Главный контингентъ воспитанниковъ академіи доставляли семейства мелкой шляхты и нѣмецкихъ пушкарей, находившихся въ прямой зависимости отъ Потоцкаго, какъ воеводы и помѣщика. Сверхъ того комплектъ пополнялся желающими изъ Великопольши и даже изъ заграницы. По обычаю того времени академія состояла изъ двухъ отдѣленій—высшаго и низшаго, распадавшихся въ свою очередь на нѣсколько классовъ, съ программою, общею всѣмъ современнымъ академіямъ.

Не долго просуществовали всѣ эти учрежденія. Янъ Потоцкій, принимавшій участіе въ московскомъ походѣ Сигизмунда III, погибъ при осадѣ Смоленска въ 1611 г.; тѣло его было перевезено въ Паневцы, похоронено въ склепу построенной имъ часовни и затѣмъ забыто потомствомъ. Лѣтъ 30 назадъ гробница Потоцкаго найдена была случайно садовникомъ, искавшимъ въ развалинахъ замка удобнаго зимняго помѣщенія для фруктовъ; найденныя въ гробѣ вещи взяты мѣстнымъ владѣльцемъ, кости покойнаго основателя Паневицъ, защищавшаго мѣстечко какъ отъ татарскихъ набѣговъ, такъ и отъ поселенія въ немъ іезуитовъ, зарыты подъ поломъ склепа, а самый склепъ обращенъ въ зимній складъ для яблокъ.

Со смертью Яна Потоцкаго погибло все его дѣло. За отсутвіемъ прямыхъ потомковъ, Паневцы получилъ по боковой линіи племянникъ покойнаго, Станиславъ Реверра Потоцкій, бывшій также кальвинистомъ, но впослѣдствіи вернувшійся къ ученію католической церкви. Новый владѣлецъ началъ съ того, что упразднилъ всѣ протестанскія учрежденія своего предшественника: часовня была закрыта, также какъ и академія, ученики и преподаватели разошлись по свѣту, а типографія перенесена ея начальникомъ въ

другое мѣсто. Зданія академіи и типографіи, по распоряженію наслѣдника, обращены въ сараи, конюшни, загоны для скота и т. п. и, благодаря необыкновенной прочности постройки, до настоящаго времени исполняютъ это назначеніе.—Со времени новаго владѣльца начинается военная слава Паневецъ. Два раза мѣстечко подвергается осадѣ многочисленныхъ турецкихъ силъ и оба раза успѣшно отражаетъ нападеніе. Первый разъ это случилось въ 1621 году, когда султанъ Османъ, послѣ безуспѣшнаго хотинскаго похода, задумалъ овладѣть хоть однимъ изъ подольскихъ замковъ, поставить въ немъ турецкій гарнизонъ и положить этимъ начало своему господству въ краѣ. Потерпѣвши неудачу подъ Каменцемъ, Османъ обратилъ вниманіе на Паневцы; осадилъ мѣстечко, но, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ приступовъ, принужденъ былъ оставить Подолію. Въ другой разъ Паневцы успѣшно выдержали осаду 50,000 турецкой арміи въ 1633 г., когда турки, нарушивши перемиріе, вторглись въ Подолію, но были отражены гетманомъ Конецпольскимъ.

Но во время турецкой войны 1651—52 г., въ которой Богданъ Хмельницкій помогалъ туркамъ, козацкій гетманъ, потерпѣвши вмѣстѣ съ ханомъ неудачу подъ Каменцемъ, направился къ Жванцу и по пути соединенное козацко-татарское войско овладѣло Паневцами и разрушило до основанія мѣстечко, но всѣ сооруженія Яна Потоцкаго уцѣлѣли почти безъ поврежденій. Польскіе источники, не упускающіе случая очернить въ глазахъ современниковъ и потомковъ дѣятельность козаковъ и ихъ предводителя, сообщая о взятіи Паневцевъ, разсказываютъ, будто Хмельницкій вошелъ въ соглашеніе съ начальникомъ гарнизона, Трилятковскимъ, обѣщая ему, въ награду за сдачу крѣпости, званіе полковника войска запорожскаго, но послѣ сдачи замка приказалъ будто-бы казнить коменданта за измѣну и вырѣзать весь гарнизонъ поголовно, а замокъ съ мѣстечкомъ отдалъ козакамъ на разграбленіе[1]).—Послѣ того мѣстечко пришло въ полный упадокъ, почти всѣ его жители разбѣжались и въ началѣ XVIII ст. въ немъ едва насчитывается нѣсколько семействъ. Когда улеглись козацкія волненія, оно снова возвратилось въ родъ Потоцкихъ, которому суждено было

[1]) Wójcicki l. c. II. 165.

колонизовать Паневцы, и начало снова заселяться по стародавнимъ обычаямъ. На этотъ разъ колонизація идетъ менѣе успѣшно: Паневцы остаются въ видѣ трехъ селъ, расположенныхъ другъ противъ друга на обоихъ берегахъ рѣки, и никогда уже не достигаютъ значенія мѣстечка. На правой сторонѣ Смотрича, на полуостровѣ, гдѣ было первоначальное поселеніе, находятся такъ называемые *Старые* или *Мурованые* Паневцы; рядомъ съ ними къ югу—*Нижніе Паневцы* и на лѣвомъ берегу *Вышніе* или *Драчковка*.

Не смотря однако на относительную слабость колонизаціи, по визитѣ 1740 г., въ селѣ съ предмѣстьями числятся двѣ уніатскія церкви и католическая часовня. Всѣ онѣ передѣланы изъ существовавшихъ здѣсь гораздо раньше православныхъ церквей. По мнѣнію мѣстныхъ ученыхъ, занимающихся разработкой исторіи Подоліи, въ старыхъ Паневцахъ существовала церковь съ первыхъ годовъ XVII ст. и съ теченіемъ времени нѣсколько разъ возобновлялась и перестраивалась.

Со времени послѣдней колонизаціи село, въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій, нѣсколько разъ перемѣнило владѣльца; въ 1765 г. оно перешло въ родъ Старжинскихъ, во владѣніи котораго пребываетъ и понынѣ.

Подъ часъ барской конфедераціи паневецкій замокъ на короткое время былъ въ рукахъ конфедератовъ. Теперь онъ лежитъ въ развалинахъ и, не смотря на это, все таки поражаетъ зрителя своею громадностью и необыкновенной прочностью и массивностью постройки; толщина стѣнъ не менѣе $4^1/_2$ аршинъ, а въ иныхъ мѣстахъ и того больше; онъ былъ построенъ съ нѣсколькими башнями, обширными подземными ходами и обведенъ землянымъ валомъ. Зданіе бывшей типографіи въ одинъ этажъ; въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него—огромное двухъ-этажное зданіе академіи съ примыкающей къ нему часовней, поставленной на четырехъ-угольномъ фундаментѣ съ восьмиугольнымъ куполомъ. Обѣ эти постройки снаружи сохранились безъ малѣйшаго поврежденія, что объясняется прочностью кладки и толщиною стѣнъ, достигающею отъ 2 до 3 аршинъ.

О послѣднихъ владѣльцахъ Паневецъ можно еще замѣтить, что одинъ изъ нихъ пользовался въ свое время извѣстностью, какъ поэтъ и esprit fort, другой оставилъ по себѣ память въ потомствѣ

тѣмъ, что путемъ постыднаго обмана отобралъ у мѣстнаго священника его усадьбу вмѣстѣ съ частью церковной земли.

Подвигаясь дальше на югъ по дорогѣ, ведущей въ Бессарабію, верстахъ въ 5—6 отъ Паневецъ встрѣчаемъ село Устье на лѣвомъ берегу Смотрича, при впаденіи этой рѣки въ Днѣстръ. Село расположено на продолговатомъ полуостровѣ, постепенно понижающемся и съуживающемся къ концу,—на одномъ изъ многочисленныхъ полуострововъ, постоянно встрѣчающихся по теченію Смотрича, который въ нижнемъ своемъ теченіи становится особенно извилистымъ.

Грустный видъ представляетъ этотъ уголокъ съ его дикими скалами, едва покрытыми тощей растительностью и представляющими обнаженіе известковыхъ и песчанистыхъ пластовъ силурійской формаціи. Скалы постепенно спускаются къ водѣ, переходятъ въ песчаный берегъ и здѣсь-то, въ самомъ углу между двумя рѣками, пріютилось небольшое, бѣдное село, представляющее такой-же грустный, жалкій видъ, какъ и самый полуостровъ, на которомъ оно расположено. На скалѣ надъ селомъ возвышается маленькая деревянная церковь, постоянно недостроенная или подчиняющаяся; невдалекѣ отъ нея помѣщичій домъ въ швейцарскомъ стилѣ, придающій еще болѣе унылый видъ картинѣ своимъ рѣзкимъ контрастомъ съ бѣдными крестьянскими жилищами.

Такъ видъ Устья съ подольской стороны. Со стороны Днѣстра картина нѣсколько разнообразится длинной узкой полосой земли—фруктовымъ садомъ; на берегу робко пріютились нѣсколько хатъ и корчма у самаго перевоза, состоящаго изъ двухъ паромовъ. За то стоитъ подняться на вершину горы, на большую дорогу и отсюда, при поворотѣ дороги изъ Устья въ с. Свикловцы, лежащее на противоположномъ берегу Смотрича, открывается прекрасный видъ на окрестности.

Съ одной стороны—села: Козя и Свикловцы, расположенныя на двухъ полуостровахъ и раздѣленныя глубокимъ заливомъ, въ который врѣзывается длинный узкій мысъ, принадлежащій къ лѣвому берегу. Красивая, быстрая рѣка съ ея глубокими извилинами, съ высокими скалистыми берегами, въ свою очередь окруженными вѣнцемъ высокихъ горъ, представляетъ чрезвычайно живописную картину, которая дополняется широкой серебристой полосой Днѣ-

стра на горизонтѣ. Говорятъ, что въ старину горы здѣсь были покрыты дремучими лѣсами, въ которыхъ водились разные звѣри; при повсемѣстномъ истребленіи лѣсовъ, отъ нихъ уцѣлѣли одни жалкіе остатки.

Съ другой стороны открывается не менѣе живописный видъ на бессарабскій берегъ. На поляхъ, принадлежащихъ Устью, на лѣвомъ берегу Днѣстра, по вершинѣ возвышенности, параллельной теченію Смотрича, тянется длинный земляной валъ, достигающій отъ семи до девяти саженъ въ ширину и около сажени въ высоту, который спускается къ Днѣстру, переходитъ на другой берегъ и снова продолжается на бессарабской сторонѣ. Это часть такъ называемаго мѣстными книжниками *Траянова вала*, который тянется на нѣсколько сотъ верстъ; мѣстами валъ сильно распаханъ, иногда даже совсѣмъ исчезаетъ, но вскорѣ начинается снова, достигая въ иныхъ мѣстахъ весьма значительныхъ размѣровъ.

На поляхъ на правой сторонѣ Смотрича, въ двухъ верстахъ отъ Устья находится небольшое круглое городище и нѣсколько кургановъ; одинъ изъ нихъ носитъ названіе *Остановой могилы*. По преданію здѣсь похоронены христіане, погибшіе во время турецкихъ и татарскихъ набѣговъ. Можетъ быть это и вѣрно для даннаго случая, но вообще нужно замѣтить, что народныя преданія относятъ всевозможные памятники старины, разсѣянные по всему Подолью, ко времени польскаго владычества и турецкихъ войнъ. Это заблужденіе раздѣляется въ большинствѣ случаевъ интелигенціей, даже относительно такихъ археологическихъ памятниковъ, которые несомнѣнно принадлежатъ болѣе глубокой древности.

Документальныя свѣдѣнія объ Устьи, какъ заселенномъ пунктѣ, начинаются довольно рано—съ начала XV ст. Грамотою 1405 года король Владиславъ Ягайло отдалъ этотъ уголокъ во владѣніе шляхтичу Петру Качорску съ обязательствомъ доставлять трехъ вооруженныхъ воиновъ въ подольскую пограничную стражу. Источники умалчиваютъ о томъ, было-ли Устье уже заселено, или его колонизація началась съ этого времени. Переходя изъ рукъ въ руки и перемѣнивши нѣсколько владѣльцевъ, село въ 1599 г. перешло въ родъ Могилъ, бывшихъ господарей Волошскихъ, вынужденныхъ политическими обстоятельствами оставить свою родную землю.

Въ продолженіе всего XVII ст. судьба Устья была весьма печальна, благодаря его положенію на самой границѣ съ турецкими владѣніями, надъ однимъ изъ семи днѣстровскихъ бродовъ, существующихъ и понынѣ. Почти противъ Устья пролегалъ по правому берегу Днѣстра одинъ изъ такъ называемыхъ *„турецькихъ шляхивъ“*, т. е. путей, по которымъ производили свои набѣги на Подолію и Галичину отряды турокъ и орды бѣлгородскихъ татаръ. Прежде другихъ, конечно, приходилось терпѣть отъ такихъ набѣговъ жителямъ пограничныхъ селъ, лишенныхъ защиты, такъ какъ Рѣчь Посполитая не имѣла достаточно силъ, чтобы охранять свои предѣлы, и войско ея или храбро сидѣло по домамъ, или не менѣе храбро слѣдовало за непріятелемъ на почтительномъ разстояніи. Случалось впрочемъ, что, пропустивъ татаръ въ предѣлы Рѣчи Посполитой, отряды войска или-же вольныя дружины изъ мѣстной шляхты устраивали засады на тѣхъ дорогахъ, по которымъ должны были возвращаться хищники, обремененные плѣнниками и добычей. Польская засада нападала на нихъ въ расплохъ и захватывала въ свою пользу награбленную татарами добычу;—это называли защитой края. Польскіе историки называютъ такія стычки, въ большинствѣ случаевъ имѣвшія цѣлью грабежъ готовой добычи подъ благовиднымъ предлогомъ, геройскими подвигами, возвращавшими краю хоть часть того добра, какое непріятель такъ часто уносилъ изъ беззащитныхъ предѣловъ Подоліи. Съ своей стороны и правительство не оставляло безъ награды героевъ имѣніями или доходными должностями.

Около 1630 г., такой защитникъ появился и въ Устьи въ лицѣ простаго шляхтича, Стефана Хмѣлецкаго, который неоднократно нападалъ съ отрядомъ милиціи на возвращавшихся татаръ и отбивалъ у нихъ добычу. Однажды ему удалось захватить нѣсколькихъ знатныхъ плѣнниковъ, въ числѣ ихъ сына и племянника знаменитаго буджацкаго мурзы Кантемира; первый былъ выставленъ на показъ въ Устьи и затѣмъ обезглавленъ. За такіе рыцарскіе подвиги Хмѣлецкій получилъ во владѣніе мѣстечко Красное и сверхъ того награжденъ званіемъ воеводы и сенатора.

Не задолго до взятія Каменца турками Устье, лишенное всякой защиты, пришло въ полный упадокъ и почти совсѣмъ опустѣло: большинство жителей разбѣжалось, остались только немногіе дер-

жавшіе перевозъ, да тѣ, которые согласились потурчиться. Тогда Устье было обращено турками въ перевозочный пунктъ, черезъ который они переправляли подкрѣпленія и припасы въ Каменецъ. Не будучи въ состояніи возратить себѣ столицу Подоліи, поляки расположились нѣсколькими отрядами вдоль границы, между Окопами св. Тройцы и Устьемъ и отсюда вели съ турками мелкую партизанскую войну, при чемъ главною цѣлью является опять таки захватъ добычи. Наиболѣе удачное столкновеніе случилось около 1694 г., когда поляки, подъ предводительствомъ двухъ гетмановъ, напали на турецкій отрядъ съ подкрѣпленіемъ и обозомъ, во время его переправы черезъ Днѣстръ подъ Устьемъ, обратили его въ бѣгство и преслѣдовали нѣкоторое время. Съ наступленіемъ ночи они прекратили погоню, чѣмъ и дали возможность туркамъ уйти. На другое утро, когда непріятеля и слѣдъ простылъ, поляки снова бросились за нимъ въ погоню, но верстахъ въ шести отъ Устья наткнулись на брошенный турками обозъ и, овладѣвъ имъ, прекратили преслѣдованіе.

Польскіе историки на всѣ лады прославляютъ этотъ походъ, въ которомъ ихъ соотечественникамъ удалось захватить милліонную добычу и въ которомъ они, сами испугавшись случайнаго перевѣса надъ непріятелемъ, во время остановились на ночлегъ. При этомъ они, сверхъ обыкновенія, умалчиваютъ о количествѣ убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ турокъ; вѣроятно ихъ не было.

Съ прекращеніемъ турецкихъ войнъ въ XVIII ст. наступило болѣе спокойное время для пограничныхъ селъ и они начали мало по-малу оправляться. Мало по-малу заселяется и Устье и снова начинаетъ переходить отъ одного владѣльца къ другому.

К. М.

ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ.

Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ-травой
Разстилается!
Ахъ ты степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Черному
Понадвинулась [1]).

.... Витеръ віе—повиває,
По полю гуляе,
На могили кобзарь сидить
Та на кобзи грае...
Кругомъ ёго степъ, якъ море
Широке, синее;
За могилою могила,
А тамъ тилько мріе [2]).

... Иду шляхомъ; сонце сяе,
Витеръ съ травами говоре,
Передъ мною и за мною
Степъ колышетця, якъ море.
А затихне витеръ буйный,—
Степъ, мовъ камень, не двигнетця
И, якъ килимомъ багатымъ,
Весь квитками уберетця.
Онъ пагнулась тирса била,
Звиробой скрутивъ стебельци,
Червоніе материнка,
Якъ зирки горять козельци;
Крикнувъ перепелъ въ ярочку,
Стрепетъ приспувъ надъ тернами,
По кущахъ межъ дерезою
Ходютъ дрохвы табунами.
Тихо всюди; тилько де-де
Витерочекъ пронесетця
Та на землю изъ-подъ неба
Писня жайворонка льетця [3]).

«Малороссія, пространство земли отъ Словечны до Днѣпра, отъ Клевели до Орели и отъ обѣихъ Галицій до Сѣвернаго-Донца, по сознанію всѣхъ путешественниковъ и естествоиспытателей, её посѣщавшихъ, есть одна изъ прекраснѣйшихъ странъ Европы; бо-

[1]) Кольцовъ. Собраніе стихотвореній. Издан. Солдатенкова. М. 1868.стр. 24.
[2]) Шевченко. Кобзарь. Спб. 1883 г., стр. 5.
[3]) Щоголевъ. Ворскло. Харьковъ. 1883 г., стр. 53.

гатая Днѣпромъ и пастбищами, на востокѣ и югѣ она изумляетъ безбрежностію плодородныхъ степей, на сѣверѣ изобилуетъ лѣсами, на западѣ плѣняетъ множествомъ холмовъ, потоковъ и рѣкъ. Цвѣтъ ея неба напоминаетъ путешественникамъ Италію, климатъ ея благорастворенный, растительность изумительная и произведенія земли столь разнообразны, что знаменитый Линней предполагалъ ее «колыбелью послѣ потопа« [1]). »То, что писано современниками объ этой землѣ (Малороссіи), текущей молокомъ и медомъ, представляется нынѣ невѣроятнымъ. Опалинскій говоритъ, что всякое зерно, брошенное въ землю, взрыхленную деревянною сохой, давало урожай баснословный; а Ржончинскій приводитъ одинъ случай, что изъ посѣва 50 корцевъ собрано жита 1500 копъ. Травы были такъ высоки, что огромные волы скрывались въ нихъ почти по самые рога, а плугъ, оставленный на полѣ, въ нѣсколько дней покрывался растительностію. По свидѣтельству того-же писателя, плодородіе земли, душистость злаковъ и обиліе цвѣтовъ до такой степени благопріятствовали въ Украйнѣ пчеловодству, что пчелы водятся тамъ не только въ лѣсахъ и деревьяхъ, но и по берегамъ рѣкъ и просто въ землѣ; что тамъ поселяне истребляютъ скитающіеся рои пчелъ для защиты отъ нихъ роевъ осѣдлыхъ и что образовавшіяся случайно въ землѣ ямы часто бываютъ наполнены медомъ, такъ что огромные медвѣди, допавшись туда, околѣваютъ отъ обжорства. Въ окрестностяхъ Подольскаго-Каменца и Ржончинскій зналъ одного пасѣчника, у котораго 12 ульевъ дали въ одно лѣто 100 роевъ, изъ коихъ 40 было сохранено, а остальные побиты ради меду; а Опалинскій, говоря объ обиліи пасѣкъ въ Червонной Руси, упоминаетъ объ одномъ землевладѣльцѣ, который собираетъ ежегодно по пяти тысячъ бочекъ медовой десятины. Подобнымъ образомъ, по словамъ Опалинскаго, одинъ изъ крупныхъ украинскихъ землевладѣльцевъ собралъ въ одинъ разъ 10 тысячъ воловъ десятины со стадъ; а когда семилѣтній сборъ поголовщины былъ замѣненъ ежегоднымъ, то ему каждый годъ приходилось по тысячѣ воловъ съ его имѣній« [2]). »И бысть намъ сіе путное шествіе печально и уны-

---

[1]) Маркевичъ. Исторія Малороссіи. Москва, 1842 г., стр. 4.

[2]) Кулишъ. Польская колонизація юго-западной Руси. Вѣстникъ Европы, 1874 г., III, II.

ливо, бяше бо видѣти ни града, ни села... Пустыня велія и звѣрей множество: козы дикія, и волцы, лоси, медвѣди... А земля зѣло угодна и хлѣбородна, и овощу всякого много; сады, что дикій лѣсъ: яблоки, орѣхи воложскіе, сливы, дули... Не погрѣшу эту землю назвать златою, понеже всего много въ ней родится«[3]).

Такова была природа Малороссіи. Но что касается собственно Запорожья, то здѣсь природа носила двойственный характеръ: по мѣстамъ она представляла такое же изобиліе, какимъ отличалась вообще вся Малороссія, а по мѣстамъ граничила съ крайнимъ недостаткомъ, свойственнымъ собственно Запорожью. То и другое требуетъ подробнаго разсмотрѣнія. »Славное войско запорожское низовое« занимало одну изъ тѣхъ окраинъ южно-русскихъ степей, гдѣ уже искони вѣковъ носились »киммерійскіе мраки«, волновались »скиѳскія тѣни«, сгущались »половецкіе туманы«, осаживалась »татарская мгла« и гдѣ съ незапамятныхъ временъ происходили ожесточенныя, кровопролитныя боевыя схватки между различными наѣздниками, полу-дикарями, полу-варварами, полу-кочевыми, полуосѣдлыми. Тутъ были уже за XII вѣковъ до Р. Х. киммеріяне-тавры; за VIII вѣковъ—іоняне-греки; за VII вв.—каллипиды, кочующіе и царскіе скиѳы, земледѣльцы, пахари и алазоны (въ теперешнихъ уѣздахъ: александровскомъ, ново-московскомъ и отчасти павлоградскомъ, екатеринославской губерніи); за сто лѣтъ до Р. Х.—геты или даки; во II вѣкѣ по Р. Х.—сарматы: роксолане, северы, алане (въ тѣхъ-же уѣздахъ); къ концу того-же вѣка—готы (собственно остъ-готы); въ IV вѣкѣ—гунны или гуннивары (по китайски іонъ-гю); въ половинѣ V вѣка—венеты или анты (славянскія племена); въ концѣ того-же вѣка—угры и болгары; въ VI в. авары или обры; въ IX вѣкѣ—русскіе словяне (главнымъ образомъ поляне); въ концѣ этого-же вѣка—казары или хазары; въ X вѣкѣ—печенѣги (у нѣмцевъ—пеценаты, у грековъ—пацинакиты, у венгерцевъ—бесы, бессены) и между ними торки или узы, берендеи или черные клобуки (кара-калпаки); въ XI вѣкѣ—половцы или куманы (иначе саркаты) и, наконецъ, въ XIII вѣкѣ—татары. Весь районъ запорожскихъ казаковъ по теперешнему опредѣляется двумя губерніями: екатеринославскою и херсонскою, за исключеніемъ въ этой по-

[3]) Путешествіе въ святую землю свящ. Іоанна Лукіянова. Москва. 1862. 16.

слѣдней уѣздовъ ананьевскаго и тираспольскаго и градоначальства одесскаго. Взятое въ такихъ предѣлахъ, Запорожье называлось у московитовъ Заднѣпровскою Украйной, а у поляковъ—Низомъ или Дикимъ полемъ. Характеръ мѣстности—по преимуществу *степной*. Много оригинальности, своеобразія въ южно-русскихъ степяхъ теперь, но еще больше оригинальности и своеобразія было въ нихъ въ отдаленныя отъ насъ времена. И въ самомъ дѣлѣ. Что такое представляли изъ себя эти степи въ давнемъ прошломъ? Онѣ представляли собой безпредѣльную раскинувшуюся зеленую скатерть, безбрежную шелковистую пелену съ живописными скалами, многоводными рѣками, плодоносными островами и вѣчно зеленѣющими балками или долинами. И сколько здѣсь разнообразія?! Вотъ разстилается логъ, тянется оврагъ [1]); тамъ, по берегамъ рѣкъ, скалы выступаютъ изъ за скалъ; тутъ мелодически журчитъ ручей или живописно изливается чистая, какъ хрусталь, рѣка; вотъ высятся небольшіе пригорки, холмятся курганы или могилы (tumuli), »звучащіе игрой труда и жизни человѣка«; а тамъ, у текучихъ водъ, чернѣютъ дремучіе, дѣвственные густолиственные лѣса. Все это чрезвычайно живописно и величественно, на всемъ этомъ отдыхаетъ взоръ и освѣжается мысль; здѣсь, въ этой необозримой, безкрайной, неподвижной пустотѣ можно расплыться, забыть о самомъ себѣ и любоваться лишь одними красотами природы. »Широко ты, степь, пораскинулась«!... Но при всемъ томъ здѣсь, среди этого моря степей, въ былыя времена лишь изрѣдка можно было встрѣтить слѣды проявленія человѣческой жизни; только изрѣдка, да и то по окраинамъ, изъ за густой »тирсы« и желтаго »бурунчука« показывался здѣсь одиночный скиталецъ—чабанъ и снова невидимо, какъ мимолетный призракъ, скрывался въ ней; изрѣдка-же изъ за высокаго »буркуна« и бѣлаго, какъ морская пѣна, пушистаго ковыля показывалась »чумацкая шапка та довгий батигъ«... Да, это была своего рода terra incognita—невѣдомая земля, это было своего рода bonum nullius—ничье благо, это былъ особаго вида, скажемъ вмѣстѣ съ другими, травяной лѣсъ. Дорогъ здѣсь не было, кромѣ трехъ

[1]) Оврагъ—это длинная долина съ крутыми берегами, въ которой снѣговыя и дождевыя воды держатся не на поверхности, а уходятъ подъ почву, а ключевая вода совсѣмъ не просасывается. Никифоровъ. Очерки александр. уѣзда, херсонской губерніи. 1876 г., ч. I, стр. 2.

новыхъ и двухъ старыхъ, отвѣчныхъ шляховъ. То были: Батуринскій, Изюмскій и Калміусскій шляхи, и Черный (иначе Шпаковъ) съ Муравскимъ шляхомъ[1]). Степи эти отдѣляли тогда собой весь міръ славянскихъ людей отъ міра мусульманскихъ; для татаръ онѣ были естественною и вполнѣ надежною охраною ихъ кочевьевъ, а для русскихъ представляли собой безграничный океанъ зелени, скрывавшій въ себѣ все то, что можетъ приводить въ ужасъ и содроганіе и проникнуть куда мало кто отваживался. Русскому человѣку здѣсь всегда представлялась опасность; здѣсь онъ каждую минуту былъ на сторожѣ, ибо въ каждой балкѣ, подъ каждымъ яворомъ или чернокленомъ, подобно черной гадинѣ, могъ скрываться тайный врагъ, жадно пожиравшій его своими зоркими очами и всегда готовый вонзить въ сердце его, если не калену стрѣлу, то пулю быструю.

Таковы были тѣ степи, которыя достались въ удѣлъ запорожскимъ казакамъ. Границы ихъ, хотя и не ясно, начали обозначаться уже со времени польскихъ королей Казиміра IV (1447—1492) и Сигизмунда перваго (1505—1548). »Въ оныя времена (въ 1471 году, во время Казиміра IV) казаки жили на островахъ, Днѣпромъ окруженныхъ, и были настоящіе морскіе наѣздники... А въ самомъ началѣ XVI ст. (при королѣ Сигизмундѣ первомъ) Дашкевичъ (запорожскій атаманъ) вооружился съ казаками противъ татаръ и нападающихъ на границы украинскія жестоко поражалъ и съ добычами изъ Польши и Россіи бѣгающихъ ловилъ, и въ учрежден-

[1]) Русовъ. Русскіе тракты, карта. Кіевъ. 1876 г., стр. 121. Шляхъ Черный шелъ изъ правобережной Украйны въ Крымъ, по водораздѣламъ между бассейнами Буга и Днѣпра: начинаясь на Волыни, онъ доходилъ до г. Умапя, кіевской губерніи, отсюда шелъ до Балты къ Ольвіополю и до Никитинской переправы на Днѣпрѣ. Онъ назывался Черным по причинѣ опасностей, случавшихся съ ѣздившими по немъ, и Шпаковымъ, по имени чумацкаго атамана Шпака, умѣвшаго благополучно водить по немъ разныя валки. Муравскій шляхъ шелъ по водораздѣлу днѣпровскаго и азовско-донскаго бассейновъ: начинаясь отъ верховьевъ р. Ворсклы, онъ тянулся по. рр. Орели, Самарѣ и Конкѣ, т. е. шелъ изъ глубины Малороссіи въ восточныя степи Запорожья и отсюда въ крымскія владѣнія. Онъ могъ получить свое названіе или отъ имени травы муравы, или-же отъ имени города Моравска (онъ-же Монастыревскъ), извѣстнаго уже въ XII ст., къ которому онъ шелъ чрезъ р. Сѣверный Донецъ. Карамзинъ. Истор. государ. Россійск. Спб. 1818 г., т. II, стр. 290.

ныя мѣста ихъ отсылалъ; за что, въ 1505 году, въ награжденіе той службы козачей, испросилъ отъ короля польскаго, Жигимунда перваго, земли въ кіевскомъ и брацлавскомъ воеводствахъ, для простраливѣйшаго поселенія сихъ воиновъ... При дачѣ имъ земли, одарилъ ихъ вольностями и разными преимуществами, и на то привилегіею своею подтвердилъ« [1]). Въ 1516 году тотъ-же польскій король, Сигизмундъ первый, но только при другомъ казацкомъ гетманѣ, Предславѣ Лянцкоронскомъ, »за услугу казацкую далъ въ прибавокъ имъ (казакамъ) къ прежней, по Днѣпру-жъ на обои стороны и ниже до пороговъ землю, на которую тѣ казаки, кои тамъ промышлять хотѣли, переходили и на то даннымъ отъ короля универсаломъ подтверждено, и наименованы они обоихъ сторонъ рѣки Днѣпра всѣ вообще запорожскими казаками« [2]). Считая себя народомъ вольнымъ, наклоннымъ болѣе къ казакованью, нежели къ хлопской работѣ, избѣгая столкновеній съ поляками, запорожцы все далѣе уходили въ пустыя и пежилыя мѣста и въ степи [3]). Но такъ было до 1562 года: въ 1562 году польская республика, нуждаясь въ запорожцахъ для охраненія своихъ границъ, постаралась привлечь многихъ изъ нихъ изъ-за Днѣпра, съ понизовыхъ мѣстъ, торжественнымъ образомъ приняла ихъ подъ свое покровительство, обязалась выдавать имъ опредѣленное жалованье и отдала для ихъ жительства все пространство земель между рѣками Днѣпромъ и Днѣстромъ къ татарскимъ границамъ, »кои были безъ нихъ опустошены татарскими нападеніями, дабы они тамъ поселились городомъ, въ которомъ-бы имъ собираться всѣмъ обще« [4]). Привилегія 1562 года подтверждена привилегіей и 1569-го, когда на польскомъ престолѣ былъ король Сигизмундъ-Августъ, сынъ Сигизмунда перваго.

Впрочемъ во всѣхъ этихъ королевскихъ привилегіяхъ мы не имѣемъ еще опредѣленныхъ указаній на счетъ границъ запорож-

---

[1]) Ригельманъ. Лѣт. пов. о Малой Россіи. Москва, 1847, стр. 12, 14 и 15. Симоновскій. Краткое описаніе о казац. малор. нар. Москва, 1847 года, стр. 3 и 4.

[2]) Ibid., стр. 16 и 17.

[3]) Ibid., стр. 19; Миллеръ. Кратк. выи. о малор. нар. и о наз. Москва, 1846. 50.

[4]) Ibid., стр. 21 и 22.

скихъ поселеній;—опредѣленность границъ мы находимъ лишь въ 1576 году [1]), въ царствованіе короля Стефана Баторія. »Надаетъ его королевская мосць, говоритъ грамота 20 августа, казакамъ низовымъ запорожскимъ вѣкусте городъ Терехтеміровъ [2]) съ монастыремъ и перевозомъ, опручь складоваго старинаго ихъ запорожскаго города Чигирна и до пороговъ [3]) и отъ того города Терехтемірова *на низъ* по-надъ Днѣпромъ рѣкою, до самаго Чигрина и запорожскихъ степовъ къ землямъ чигринскимъ подойшлыхъ, всѣ со всѣми на тѣхъ земляхъ насаженными мѣстечками, селами и футорами, рыбными по тому берегу въ Днѣпрѣ ловлями и иными угодіи, а *вширь* отъ Днѣпра на степь, якъ тыхъ мѣстечекъ, селъ и футоровъ земли здавна находили и теперъ такъ ся тое въ ихъ завѣданіи мастъ заховаты. Городокъ старинный же запорожскій Самарь съ перевозомъ и землями *въ гору* Днѣпра по рѣчку Орель, а *вызъ* до самыхъ степовъ ногайскихъ и крымскихъ, на десять миль [4]); а черезъ Днѣпръ и лиманы Днѣпровый и Буговый, якъ изъ вѣковъ бувало, по очаковскіе улусы и въ гору рѣки Богу (Бугу) по рѣчку Синюху. Отъ самарскихъ-же земель чрезъ степь до самой рѣки Дону, гдѣ еще за гетмана козацкаго Прецлава Ланцкорунскаго козаки запорожскіе свои зимовники мѣвали, и жебы тое все непорушно въ вѣки при козакахъ запорожскихъ найдовалось, его королевская мосць грамотою своею козакамъ запорожскимъ утвердилъ и укрѣпилъ« [5]).

Такъ опредѣлились границы запорожскихъ владѣній при королѣ Стефанѣ Баторіѣ. Этотъ большой удѣлъ, по теперешнему вся Новороссія, кромѣ ногайской и крымской ея частей, въ общемъ удерживался и въ послѣдующее время запорожцами. »Разсуждая, коль полезны имъ сіи козаки..., польскіе короли наградили ихъ преимуществами и позволили имъ разпространяться вверхъ по

---

[1]) По князю Мышецкому въ 1580. Ист. о каз. запорож., Одесса, 1852 г., стр. 4.

[2]) Теперь это мѣстечко Тахтамировка, кіевской губерніи, черкасскаго уѣзда.

[3]) Слова: »и до пороговъ« добавлены изъ Ригельмана. Лѣт. пов., ч. I стр. 25.

[4]) Слова: »на десять миль« — добавлены изъ Ригельмана, Лѣт. повѣств. ч. I, стр. 25.

[5]) Скальковскій. Ист. нов. Сѣчи, Одесса, 1846 г., ч. I, стр. 30.

Днѣпру отъ Сѣчи даже до Трехтемирова. Съ того времени гетманы запорожскіе съ большею частію народа возлюбили жительствовать въ городахъ малороссійскихъ заднѣпровскихъ, въ Черкасахъ, въ Трехтемировѣ, въ Чигиринѣ и приходящею отовсюду вольницею обоего пола населяли по обѣимъ сторанамъ Днѣпра пустыя мѣста городами и деревнями«[1]). Самъ Богданъ Хмельницкій, по просьбѣ кошеваго атамана Демьяна Барабаша, относительно границъ запорожскихъ казаковъ, дѣлаетъ лишь то, что универсаломъ, даннымъ въ 1655 году, 15 генваря въ Бѣлой-церкви, утверждаетъ грамоту короля Стефана Баторія.

Граница запорожскихъ владѣній измѣнилась лишь съ 1705 года, когда постановлена была, у рѣки Буга, »межевая запись«, заключенная между Россіей и Турціей и учиненная русскимъ посланцемъ Емельяномъ Украинцевымъ и турецкимъ пашею Кочъ-Мегметомъ. Тогда владѣнія запорожскихъ казаковъ опредѣлялись такъ: »Початокъ границы отъ польскихъ концевъ внизъ р. Бугомъ до р. Ташлыка (Чернаго), которая по турецки называется Великій-Конаръ, отъ Великаго-Копара, идучи полемъ поперекъ рѣки Мертвовъ (Мертвыя-воды), а перешедъ Мертвовъ, полемъ чрезъ Еланецъ, который по турецки называется Енгулою[2]), гдѣ впадаетъ въ Великій-Ингулъ; потомъ перешедъ Великій Ингулъ, полемъ до р. Исуни (Висуни), а Исунь поперекъ перешедши, до р. Малаго-Ингульца, а перешедъ Малый-Ингулецъ чрезъ бродъ Бекеневскій, который отъ Кизикерменныхъ пустыхъ мѣстъ въ десяти часахъ, а отъ того брода прямо до устья рѣчки Каменки, гдѣ она впадаетъ въ Днѣпръ. А отъ Кизикирменскихъ пустыхъ мѣстъ до того мѣста четыре мили, и тамъ кончится граница«[3]).

Съ 1709 по 1733 годъ запорожцы живутъ на земляхъ турецкихъ, сперва по балкѣ и рѣчкѣ Каменкѣ, впадающихъ въ Днѣпръ съ правой стороны, въ тридцати верстахъ выше г. Кизикирменя (Бериславa херсонской губерніи), а потомъ въ Алешкахъ (Алешки таврической губерніи), за рѣчками Конкой и Чайкой, съ лѣвой сто-

---

[1]) Миллеръ. Разсужденіе о запорожцахъ. Москва, 1846 г., 39 и 40; см. также стр. 50.

[2]) » Рѣчка Еланецъ или Гнилой-Еланецъ впадаетъ въ Бугъ близъ с. Троицкаго, херсонскаго уѣзда, слѣдственно не можетъ принимать ее въ себя Ингулъ «.

[3]) Скальковскій. Опытъ статистич. опис., Одесса, 1850 г., I, стр. 27.

роны Днѣпра. Это было время, когда запорожцы, во главѣ съ кошевымъ атаманомъ Константиномъ Гордіенкомъ, разсчитавъ, что имъ выгоднѣе примкнуть къ шведскому королю Карлу XII, нежели къ русскому царю Петру I, должны были поплатиться за это лишеніемъ своихъ угодьевъ въ предѣлахъ Россіи и перейти на жительство въ турецко-татарскія земли. Но въ 1734 году запорожцы получили прощеніе и снова водворились на прежнихъ своихъ „вольностяхъ". Тогда, особенно послѣ побѣдъ Миниха и Лассія (1736—1739), они считали своею палестиною весь теперешній новороссійскій край, кромѣ ногайскихъ и крымскихъ его частей, оканчивая свои владѣнія далеко на сѣверѣ: селомъ Старыми-Кайдаками, съ праваго берега Днѣпра, противъ перваго кайдацкаго порога, селомъ Новыми-Кайдаками, по той же сторонѣ, но на 60 верстъ выше, и степью по-р. Самарь, въ 25 верстахъ отъ ея устья [1]). Тогда, съ 1740 года, „инструментомъ, заключеннымъ при Великомъ Ингулѣ" русскимъ уполномоченнымъ Неплюевымъ и турецкимъ мустафою-беемъ-Селихтаромъ Кятибы, послѣ бѣлградскаго трактата, земли запорожскихъ козаковъ опредѣлялись слѣдующимъ образомъ, съ западной стороны: „отъ окончанія польской границы (отъ впаденія р. Синюхи въ Бугъ), внизъ Бугомъ до Ташлыка или Великаго Конара, а отсюда ведена граница полемъ и разстояніемъ отъ онаго (Ташлыка) въ десяти верстахъ перешедъ рѣчку Гарбузинку, тою же линіею до р. Мертвыя воды, а оттуда до старой мечети у р. Громокліи, даже до р. Великаго Ингула, оставляя весь лѣсъ по берегу тоя рѣки державѣ оттоманской; далѣе до Бекеневскаго (бѣлаго) броду (39 верстъ), до р. Исини и оттуда до Малаго Ингульца, въ десяти миляхъ отъ Кизикирмени и наконецъ до устья р. Каменки въ Днѣпрѣ" [2]); съ восточной же стороны: „начавъ отъ устья рѣчки Конскія воды въ Днѣпръ, вверхъ по ея теченію, по рѣчкѣ Мокрой-Маковкѣ и по степи прямою линіею до вершинъ рѣки Берды и по теченію сей послѣдней до устья въ Азовское море" [3]).

---

[1]) Миллеръ. О малор. пар. и о запорожц. Москва, 1846, стр. 23; см. также: Разсужд. о запорожц., стр. 41.

[2]) Скальковскій. Опытъ стат. опис. Одесса, 1850, ч. I, стр. 27. »Бекеневскій бродъ былъ на Ингульцѣ, а не на Висуни«. Тамъ-же.

[3]) Ibid., стр. 31.

Такъ было до 1742 года; когда граница запорожскихъ козаковъ съ юго-восточной стороны была нѣсколько нарушена новымъ „инструментомъ разграниченія земель между Россіей и Портою“: тогда земли „отъ вершины рѣки Конскихъ-водъ до западной вершины рѣки Большой-Берды и между помянутыми рѣками, къ полуденной сторонѣ, остались къ оттоманскому имперію, съ полуночной же стороны—вся земля всероссійскому имперію; рѣка же Конскія-воды, даже до впаденія ея въ Днѣпръ, вмѣсто знаковъ граничныхъ утверждена, отъ впаденія Конскихъ-водъ внизъ рѣки Днѣпра отъ обѣихъ имперій оставлена“ [1]).

Впрочемъ „запорожцы, мало или вовсе не зная о всѣхъ такихъ дипломатическихъ распоряженіяхъ, считали новороссійскія степи своею собственностію и на основаніи жалованныхъ имъ грамматъ, и какъ первые обитатели края (iure primi occupantis). Къ тому же такъ какъ границы актовъ 1705 и 1740 гг. были обозначены только на бумагѣ, а не въ натурѣ, то они, зная край лучше, нежели современные дипломаты и даже межевые коммисары, считали границу свою, и слѣдственно русскую, гораздо дальше къ западу, нежели ее опредѣляли въ трактатахъ; именно доводили ее до самаго Буга отъ впаденія въ него Синюхи или Синей-воды до днѣпровскаго лимана. Этотъ рубежъ былъ и выгоднѣе и точнѣе первыхъ, ибо шелъ по живому и всѣмъ, даже древнимъ географамъ, извѣстному урочищу“ [2]).

Съ этого времени границы запорожскихъ владѣній опредѣлялись слѣдующимъ образомъ, какъ это видно изъ „генеральной land-карты“ инженеръ-подполковника де-Боксета и полковника Каннциста, составленной въ 1740-хъ годахъ. *На сѣверъ*, запорожскія земли шли по-надъ лѣвымъ берегомъ р. Орели и правымъ—рѣки Сѣвернаго Донца, со стороны гетманщины и слободскихъ полковъ; здѣсь граница начиналась отъ устья р. Тясьмина, праваго притока Днѣпра, крайняго пункта польскихъ владѣній и оканчивалась у верховьевъ р. Бахмута, праваго притока р. Сѣвернаго Донца. *На востокъ*, отъ верховьевъ р. Бахмута—по р. Калміусу до самаго Азовскаго моря, гдѣ теперь расположенъ г. Бердянскъ и стоитъ полу-развалившаяся петровская крѣпость, со стороны земли войска

---

[1]) Зап. одес. общ. ист. и древн., т. II, стр. 834 и 835.

[2]) Скальковскій. Опытъ стат. опис., Одесса, 1850, ч. I, стр. 32.

донскаго. *На югъ*, отъ устья р. Калміуса по р. Бердѣ и р. Конкѣ (конскія-воды), отъ верховья и до перваго впаденія ея въ Днѣпръ, нѣсколько ниже острова Хортицы на Днѣпрѣ, со стороны кочевьевъ джедисалской и джамбуйлуцкой ордъ. *На западъ* отъ устья р. Буга, или отъ поста Перевизскаго, вверхъ по рѣкѣ до самаго устья рѣки Синюхи, лѣваго притока Буга, со стороны земель джиджанскихъ и буджацкихъ ордъ и польскихъ воеводствъ.

По съ 1751 и 1753 годовъ границы запорожскихъ земель съуживаются вслѣдствіе появленія на нихъ новыхъ людей, переселенцевъ-сербовъ съ Иваномъ Хорватъ-отъ-Куртичъ и переселенцевъ-задунайскихъ славянъ съ Иваномъ Шевичемъ и Райкомъ-де-Прерадовичемъ во главѣ. Первые осѣлись въ сѣверо-западныхъ запорожскихъ степяхъ и образовали такъ называемую новую Сербію съ крѣпостью св. Елисаветы (теперь Елисаветградъ), названною въ честь импер. Елисаветы Петровны, позволившей имъ выселиться въ Россію; а вторые поселились на сѣверо-восточныхъ степяхъ запорожскихъ, отъ вершины р. Самары, лѣваго притока Днѣпра, и далѣе на востокъ и образовали такъ называемую Славяно-сербію съ крѣпостью Бахмутомъ (теперь уѣздный городъ Бахмутъ), названный по имени рѣчки Бахмута. Тогда отъ земель запорожскихъ козаковъ, съ сѣверо-запада, отошелъ большой уголъ", начавъ отъ устья рѣки Кагарлыка (херсонской губ., бобринецкаго у.) прямою линіею до верховья р. Тура, а отъ верховья Тура по устье р. Каменки, а отъ устья р. Каменки на верховье р. Березовки, а отъ верховья Березовки на вершину Омельники (александрійскаго у.), и по той внизъ даже до устья ея, гдѣ оная въ Днѣпръ впадаетъ, уступя отъ польскихъ границъ на двадцать верстъ" [1]). Самая же граница сѣверо-западная опредѣлена была ново-слободскимъ козачьимъ поселеніемъ, прошедшимъ чертою отъ устья р. Чернаго Ташлыка, вдоль рѣки Сугаклен-Каменоватой (праваго притока р. Ингула), черезъ р. Ингулъ, рѣчку Аджамку (лѣвый притокъ р. Ингула) и между верховьевъ рѣчекъ Каменки и Бешки. Такъ утверждаетъ, по крайней мѣрѣ, „снимокъ" запорожскихъ земель, представленный въ 1758 году геодезистомъ Семеномъ Леонтьевымъ [2]). Съ сѣверо-востока же отъ

[1]) Скальковскій Ист. нов. Сѣчи. Одесса, 1846, ч. II, стр. 168.

[2]) См. планъ, приложенный къ Зап. одес. общ. истор. и древ., т. I.

запорожскихъ земель отошелъ сперва кусокъ земли, заключенный между р. сѣвернымъ Донцомъ и рѣчками: Бахмутомъ и Луганью, а потомъ мало-по-малу запорожцы лишились и всего пространства земли почти до самой вершины р. Самары, лѣваго притока Днѣпра, у которой уже начинались запорожскіе хутора.

Теперь границы запорожскихъ земель установились на долго и въ 1766 году опредѣлялись, по словамъ очевидца, слѣдующимъ образомъ: „земли (запорожскихъ козаковъ), которыя большею частію состоятъ изъ пустой и дикой степи и которыя въ окружности простираются около тысячи семи сотъ верстъ... разпространяются отъ Сѣчи *по правой* сторонѣ рѣки Днѣпра внизъ къ Кизикермену до рѣки Камянки, гдѣ турецкая къ Очакову граница начинается около ста верстъ. Отъ устья сей рѣки Камянки идутъ по рѣкѣ Бугу чрезъ рѣки Ингулецъ, Исунъ (Висунь), Ингулъ, Громоклею, Еланецъ, Солону, Мертвыя-воды, Гарбузенку и Ташлыкъ до Буга, по учрежденной съ турецкою областью границѣ, болѣе ста шестидесяти верстъ. Съ другой стороны Сѣчи, вверхъ по Днѣпру, до устья рѣки Самоткани, по оной и чрезъ степь по границѣ новороссійской губерніи до рѣки Буга, разстояніемъ болѣе пяти сотъ пятидесяти верстъ. *Съ лѣвой стороны* рѣки Днѣпра отъ устья рѣки Конскихъ-водъ вверхъ по Днѣпру, мимо пороговъ, даже до устья рѣки Самары, вверхъ по оной на Волчьи-воды, до вершинъ ихъ, а оттуда чрезъ степь на вершины Калміуса, и по сей рѣкѣ до крымской границы, учрежденной прямою линіею отъ Калміуса до рѣки Берды, вверхъ по оной къ рѣкѣ Конскихъ-водъ, и по-надъ сею до устья оной въ Днѣпръ ниже Каменнаго-затона, который противъ Никитинской заставы, гдѣ запорожскими козаками перевозъ чрезъ Днѣпръ, на крымской дорогѣ держится; въ сей окружности болѣе восьмисотъ пятидесяти верстъ“ [1]).

Въ 1775 году, послѣ Кучукъ-кайнарджинскаго мира Россіи съ Турціей, запорожскія владѣнія увеличились небольшой частицей земли, заключенной между границею 1740 года и рѣкою Бугомъ (около нынѣшняго Ольвіополя). Тогда войско запорожское „разселило людей по всѣмъ впадающимъ въ Днѣпръ и въ Бугъ рѣкамъ,

[1]) Черняевскій. Опис. зап. Сѣчи. Прил. къ Ист. зап. каз. Мышецкаго. Одесса, 1852 г., стр. 80.

почавъ съ самой Тясмины, Синюхи, Ингула, Буга, при Гардѣ, Карабельнѣ, Мертвыхъ-водахъ, Еланчикѣ, Ингульцѣ, Громоклеѣ, Каменкѣ, Подпольной, Бузулукѣ, Саксаганѣ, Чортомлыкѣ и при многихъ иныхъ рѣчкахъ и урочищахъ, и по самому Днѣпру и по рѣкамъ, впадающимъ въ оную: Орелѣ, Самарѣ [1]), Московкѣ, Конскимъ-водамъ, Волчьей и прочимъ рѣчкамъ... Наконецъ простерли себя до Міуса рѣки, а потомъ по рѣкамъ же Калміусу, Кальчику, Бердѣ и по берегу той части Азовскаго моря, и прочимъ тамошнимъ рѣчкамъ" [2]). Тогда же, или около того времени, по словамъ самаго запорожца Никиты Коржа, запорожцы раскинули свои владѣнія: „на полдень отъ Буга по Случь, а внизъ по Днѣпру до великаго лимана, гдѣ теперь Херсонъ и Николаевъ; на полночь по Днѣпру до р. Орели, что впадаетъ въ Днѣпръ около мѣстечка Китай-города (за Орелью уже начиналась гетманщина); на сходъ солнца, отъ рѣки Конки до земли донскихъ козаковъ и крымскихъ и ногайскихъ татаръ" [3]). Съ этимъ и окончили запорожцы свое историческое существованіе въ предѣлахъ Россіи.

Удѣлъ запорожскихъ козаковъ, подъ разными названіями, извѣстенъ былъ уже историкамъ и писателямъ древняго міра: Геродоту, Мелѣ, Плинію, поэту Скимну, безъименному автору Евксинскаго Понта, Прокопію, Валерію Флакку [4]), Птоломею и другимъ. Геродотъ говоритъ собственно о такъ называемой Скиѳіи,—странѣ, лежавшей въ нижней и средней частяхъ бассейна Дуная, Днѣстра, Буга и Днѣпра. Отличительныя черты Скиѳіи—многоводность, плодородіе и въ нижней части, „по переходѣ черезъ Днѣпръ со стороны Буга", лѣсистость. „Когда пройдешь Борисѳенъ (Днѣпръ), отъ

---

[1]) По Орели и Самарѣ, со стороны слободско-украинскихъ поселеній, запорожцы считали ту границу, которая проходила по Касогову валу. См. Шпаковъ: Предсм. позем. борьба Запорожья. »Кіевская Старина«, 1883 г., декабрь, 612.

[2]) Ригельманъ. Лѣт. повѣств. о Мал. Рос., Москва, 1847; прибавленіе, стр. 69 и 70.

[3]) Никита Коржъ, по Стороженку, стр. 131.

[4]) Densior haud usquam, nec celsior extulit ullas
Silva trabes: fessaeque prius redicre sagittae
Arboris ad summum quam pervenere cacumen.

моря, во-первыхъ Гилея. Она находится близъ Бѣга Ахиллова (Тендерская коса) и вся наполнена разнаго рода деревьями" [1]).

Но что-же это такое Гилея, о которой говоритъ Геродотъ? Слово Гилея—чисто греческое; оно означаетъ лѣсистую сторону (по гречески ὕλη—лѣсъ); на языкѣ теперешнихъ по-днѣпровскихъ жителей слово „Гилея" скрывается въ словѣ „плавни". Но изъ всѣхъ днѣпровскихъ плавень Гилеѣ соотвѣтствуютъ собственно тѣ, которыя находятся въ мѣстности около теперешняго города Алешекъ, таврической губерніи, днѣпровскаго уѣзда, въ чемъ убѣждаютъ насъ какъ самое названіе города, такъ и общія соображенія. Алешки, или древне-русское Алешье, есть коренное славянское слово, происходящее или отъ слова „лѣсъ", или-же отъ слова „ольхи, елоха", что въ старинномъ топографическомъ языкѣ означало болото, водяное, поёмное мѣсто, покрытое кустарникомъ и мелколѣсьемъ [2]). „Нынѣ лѣвый, низменный берегъ Днѣпра, на протяженіи около 20 верстъ вокругъ Алешекъ, опутывается нерѣдко болѣе или менѣе густыми кустами лѣсной растительности: дубами, осиной, лозникомъ, а преимущественно ольхой и березою. Безъ сомнѣнія, эти лѣски были настоящими лѣсами въ древности, когда масса водъ въ колоссальномъ бассейнѣ была несравненно обильнѣе, а потому и сила прозябанія береговаго края гораздо могущественнѣе, особенно на луговой сторонѣ рѣки. По мѣрѣ уменьшенія этой силы, разныя породы деревьевъ, нѣкогда здѣсь встрѣчавшіяся, легко могли вывестись, а это тѣмъ скорѣе, что климатъ нашихъ степей подвергся измѣненіямъ еще болѣе ощутительнымъ, чѣмъ перемѣна, происходившая въ ихъ отношеніяхъ гидрографическихъ. Гилея могла представлять въ древности взорамъ путешественниковъ, кромѣ древесныхъ породъ, нынѣ еще тамъ попадающихся, и другія породы, въ настоящее время, быть можетъ, уже совершенно чуждыя этой мѣстности. Къ таковымъ породамъ могли принадлежать европейскія породы хвойныхъ деревьевъ, какъ напримѣръ, ель или сосна, поелику онѣ требуютъ почвы песчаной, а таковою именно отличаются

---

[1]) Геродота Галикарнасскаго бытосказ. книга четвер., надпис. Мельпомена, стр. 18.

[2]) Забѣлинъ. Ист. рус. жизни, Москва, 1876 г., стр. 16.

окрестности Алешекъ [1]). Къ физическимъ причинамъ, измѣнившимъ видъ Гилеи, нужно прибавить еще то, что она въ теченіе столь многихъ вѣковъ подвержена была разрушительному вліянію народовъ, и не однихъ только нагайцевъ, какъ полагаетъ баронъ Тоттъ, который въ проѣздѣ своемъ чрезъ эту мѣстность, узналъ отъ туземцевъ, что она нѣкогда была покрыта густымъ лѣсомъ. Такъ какъ остатки сего лѣса, тому назадъ болѣе ста лѣтъ, безъ сомнѣнія, были значительнѣе, нежели теперь, то и легко объясняется, почему турки могли сказать, что запорожцы, которые послѣ сраженія при Полтавѣ искали убѣжища въ Алешкахъ, поселились въ „лѣсѣ братьевъ“. Въ среднихъ вѣкахъ лѣсъ этотъ долженъ былъ занимать еще болѣе пространства и поэтому могъ соотвѣтствовать тому, въ которомъ переночевалъ Бургундскій рыцарь Гильбергъ-де-Ланнуа, въ своемъ путешествіи изъ Монкастро въ Кафу, въ 1421 году. Лѣсъ не могъ не обратить на себя вниманіе современныхъ рыцарю итальянскихъ промышленниковъ, посѣщавшихъ Черное море и образовавшихъ рядъ поселеній на берегахъ его, равно какъ и при рѣкахъ, въ него изливающихся, и въ томъ числѣ при нижнемъ Днѣпрѣ, столь важномъ, съ давнихъ поръ, по рыбной ловлѣ, которая въ немъ производилась“ [2]).

„Есть поводъ думать, замѣчаетъ по этотъ счетъ г. Иловайскій, что европейская Скиѳія въ древнія времена не была такою почти безлѣсною степью, какъ въ наше время, а потому и не страдала такимъ недостаткомъ влаги, какъ теперь. Глубокія балки, въ настоящее время сухія, когда-то были прорыты водными потоками и служили ложбинами для многочисленныхъ рѣчекъ и ручьевъ. Хотя Геродотъ указалъ на величественныя рѣки и недостатокъ лѣса, какъ на отличительныя черты Скиѳіи, однако онъ упоминаетъ о лѣсистой ея части, которая называлась Гилея и лежала, по его словамъ, къ востоку отъ Днѣпра, на разстояніи трехъ или четырехъ дней пути отъ его устья. Эта лѣсистая и довольно холмистая по-

[1]) Это подтверждается между прочимъ и тѣмъ, что у Стефана Византійскаго Гилея называется Ἀβιεγή,—страна елей: »abies« съ латинскаго на русскій значитъ »ель«.

[2]) Брунъ. О позднѣйш. назв. древней Гилеи.—Зап. одес. об. ист. и др., IV, 236—239.

лоса повидимому простиралась отъ нижняго теченія Днѣпра почти до береговъ Азовскаго моря. Остатки лѣсовъ, разсѣянные по холмамъ, видѣлъ еще въ XIII в. латинскій монахъ Рубруквисъ на пути своемъ въ Татарію. Іосафатъ Барбаро, итальянскій путешественникъ XV вѣка, говоритъ о значительныхъ лѣсахъ на нижнемъ теченіи Дона и Волги и вообще въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ представляется голая степь. Очевидно, что густые лѣса средней Россіи въ древности простирались на югъ гораздо дальше, чѣмъ въ наше время, и посылали отъ себя отдѣльныя группы до самыхъ береговъ Понтійскихъ и Каспійскихъ [1]).

Но какъ-бы далеко ни распространялась Гилея, каковы-бы ни были породы ея деревьевъ, во всякомъ случаѣ можно одно лишь сказать, что то былъ очень большой лѣсъ. О величинѣ его можно судить уже по тѣмъ окаменѣлымъ остаткамъ, которые находятся теперь въ Днѣпровской долинѣ: остатки показываютъ, что настоящіе Днѣпровскіе лѣса суть только ничтожная пародія того исполина-лѣса, который нѣкогда своею могучею головою осѣнялъ широкій Днѣпръ.

Но одной Гилеей запорожскіе лѣса не исчерпывались: въ разныхъ мѣстахъ запорожскаго края росли и разныя породы лѣсовъ, теперь уже и много повыведенныя и много поизмельчавшія. Нельзя, конечно, сказать того, чтобы тамъ росли сплошные лѣса, но нельзя съ тѣмъ вмѣстѣ и утверждать, чтобы ихъ было очень мало или почти не было: много было истребителей запорожскаго лѣснаго царства въ видѣ степнаго пожара, скота, плуга и топора. Дикіе кочевники выжигали запорожскіе лѣса, частію изъ опасенія какой-либо засады со стороны враговъ, частію-же изъ желанія добыть для своего скота подножный кормъ; въ послѣднемъ случаѣ они выжигали собственно сухую степную траву, препятствовавшую расти свѣжей, а отъ травы загорался и самый лѣсъ. Польскія войска и русскія рати истребляли запорожскіе лѣса, когда предпринимали продолжительные военные походы на козацкій югъ. Первые поселенцы, которые появились въ степи послѣ паденія Сѣчи, много уничтожили запорожскаго лѣса на хозяйственныя постройки. Строители Екатеринослава, Херсона, Николаева, Одессы и другихъ городовъ и крѣпостей

[1]) Разысканія о началѣ Руси. Москва, 1876 г. стр. 6 и 7.

также произвели достаточное опустошеніе между козацкими лѣсами; сами помѣщики, получившіе на югѣ дарственныя земли, много повизвели запорожскихъ лѣсовъ, и вслѣдствіе неправильнаго веденія хозяйства, и вслѣдствіе послѣдовательной передачи своихъ имѣній наслѣдникамъ: переходя изъ рукъ въ руки, отъ поколѣнія къ поколѣнію, многіе изъ запорожскихъ лѣсовъ раздробились на самые мелкіе участки, до десяти и даже до пяти десятинъ, составляя при этомъ принадлежность нѣсколькихъ лицъ". Мѣстами степными часто называются и такія, въ которыхъ лѣса немного менѣе по количеству всей земли, чѣмъ въ губерніяхъ, называемыхъ нестепными... Безъ сомнѣнія здѣсь не было сплошныхъ и большихъ лѣсовъ, но настоящее присутствіе ихъ доказываетъ, что они были въ достаточномъ для края объемѣ, а названія рѣкъ, рѣчекъ и другихъ урочищъ, заимствованныя отъ разныхъ породъ лѣсныхъ, указываютъ, гдѣ лѣса были. Сверхъ того, присутствію ихъ ничто не могло и не можетъ мѣшать: ибо почва для нихъ удобна, кромѣ, можетъ быть, ближайшихъ мѣстъ къ поморью; а волнистая поверхность края, съ глубокими и частыми балками, гораздо, кажется для нихъ удобнѣе плоскихъ пространствъ самыхъ лѣсистыхъ мѣстностей кіевской, волынской и многихъ среднихъ губерній" [1]). „Слѣды бывшихъ въ степи лѣсовъ есть во множествѣ и въ окаменѣлыхъ кускахъ дерева и въ корняхъ, которые и теперь начинаютъ расти, какъ скоро заборъ защититъ ихъ отъ порчи скота" [2]).

Общее положеніе, высказанное о запорожскихъ лѣсахъ, подтверждается частными свидѣтельствами многихъ путешественниковъ XVI и XVII вѣковъ. Французскій инженеръ Боплант указываетъ на существованіе многихъ лѣсовъ въ запорожскихъ предѣлахъ: по берегамъ р. Самоткани, которая называется у него Замокапомъ, на островахъ Конскомъ и Хортицкомъ, по р. Бугу, но особенно по р. Самарѣ, притокѣ Днѣпра съ лѣвой стороны. „Окрестности Самары замѣчательны чрезвычайнымъ богатствомъ... въ строевомъ лѣсѣ, такъ что едва-ли какое-либо мѣсто можетъ сравниться съ ней въ этомъ. Оттуда доставляемъ былъ лѣсъ для построекъ на

[1]) Струковъ. О новор. лѣс., Ж. М. Г. И. 1853 г., февр., стр. 170, 167 и 169.

[2]) Княжевичъ. Зап. одес. общ. истор. и древ., т. I, стр. 488.

Койдакѣ [1]). Тоже подтверждаютъ и русскіе путешественники, стольникъ Василій Тяпкинъ и дьякъ Никита Зотовъ: „вѣдомо да будетъ впредь ходящимъ тѣмъ путемъ, такъ посламъ, яко и ратемъ царскаго величества, дубовыя и прочія деревья и вся угодья до того помянутаго стану (на р. Самарѣ) кончились. А отъ того стану даже до Крыма, по рѣкамъ и по рѣчкамъ и по угодіямъ, многіе тальники и терники, гдѣ звѣря и птицъ и рыбъ множество есть, и по нуждѣ, безъ большихъ простоевъ, великимъ ратемъ дровами проняться можно. На тѣхъ Овечьихъ-водахъ (притокъ Днѣпра, ниже Конки) и на всѣхъ вершинахъ Конскихъ и Самарскихъ и Орельскихъ и на степяхъ дубравы (суть) великія, и лѣса, и терники, и тальники, и камыши, и звѣрь въ лѣсахъ, и рыбы въ водахъ, и кормовъ конскихъ всюды множество, и пашни можно завести великіе“ [2]). Но еще подробнѣе о лѣсахъ запорожскихъ говоритъ писатель XVIII ст., Василій Чернявскій. По словамъ Чернявскаго, лѣса осѣняли какъ правый берегъ Днѣпра въ запорожскихъ предѣлахъ, такъ одинаково и лѣвый; справа они начинались отъ устья Каменки къ Бугу и тянулись по рр. Ингульцу, Ингулу, Громоклеѣ и „по другимъ въ оные впадающимъ рѣчкамъ и боеракамъ есть небольшія лѣсныя угодья“. Слѣва лѣса шли „знатные“, состоящіе изъ сосны и дуба, по р. Самарѣ, на Хортицкомъ островѣ, въ Великомъ лугу и по разнымъ степнымъ рѣчкамъ, каковы: Волчьи-воды, Калміусъ и другія, впадающія „въ сіи и въ Днѣпръ; прямою-же линіею, отъ устья р. Самары вплзъ по берегу Днѣпра до Каменки и Кизикерменя“ (теперешняго города Берислава херсонской губерніи) [3]). Какъ и Боплапъ, Чернявскій утверждаетъ, что

[1]) Опис. Украйны. Спб., 1832 г., стр. 16, 18, 25, 30. Гильомъ ле-Вассеръ-де-Боплапъ, родомъ французъ, въ званіи старшаго капитана артиллеріи и польскаго королевскаго инженера, служилъ въ Украйнѣ семнадцать лѣтъ, отъ 1620 по 1637 г. Онъ хорошо познакомился съ бытомъ казаковъ, не разъ проѣзжалъ по запорожскимъ степямъ до нынѣшняго г. Александровска, екатеринославской губерніи, и составилъ послѣ себя безсмертное сочиненіе: »Description d'Ukraine—Описаніе Украйны«.

[2]) Василій Тяпкинъ и Никита Зотовъ отправлены были русскимъ правительствомъ, въ 1680 году, въ Крымъ для заключенія съ турками Бахчисарайскаго договора и по возвращеніи въ Москву представили »Статейный списокъ посольства«, во многихъ отношеніяхъ весьма характерное сочиненіе.

[3]) Василій Чернявскій занималъ должность секретаря московской иностранныхъ дѣлъ коллегіи; въ 1760 году онъ посланъ былъ къ запорожцамъ для раз-

изъ всѣхъ запорожскихъ лѣсовъ особенно большіе были лѣса по р. Самарѣ: „изъ сихъ лѣсовъ, а главнѣйше изъ находящихся по р. Самарѣ,.. запорожскіе козаки не только дома и зимовники свои созидали, но и въ 1756 году, послѣ пожара, который большую часть Сѣчи въ пепелъ обратилъ, главные курени, козацкіе, купеческіе и мастеровые дома вновь построили и всегда на огрѣваніе и на прочія свои потребности дрова употребляютъ". Но уже тотъ-же Чернявскій говоритъ и о страшномъ опустошеніи запорожскихъ лѣсовъ хищными татарами: „во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ (отъ устья р. Конскихъ-водъ и выше) лѣса крайне разорены, не только огрѣваніемъ отъ строгости зимы, кормленіемъ скота, порубленными верхушками и вѣтвями деревъ, употребленіемъ на постройку для скота загородовъ, и вывозомъ въ аулы не малаго числа лѣсу, не обходя и садовыя деревья; но и насильнымъ забраніемъ при нѣсколькихъ зимовникахъ заготовленныхъ на строеніе колодъ, брусьевъ и досокъ, которые они въ свои степные аулы, подъ прикрытіемъ татаръ, провозили" [1]).

Самое расположеніе лѣсной растительности запорожскаго края показываетъ, что она держалась главнымъ образомъ и по преимуществу въ мѣстахъ низменныхъ, наиболѣе влажныхъ, и только здѣсь достигала большихъ размѣровъ. Таковы были, напримѣръ, лѣса, росшіе по рѣкамъ Самарѣ и Конскимъ-водамъ: ихъ густота и обширность такъ были велики, что тамъ расхаживали только одни хищные звѣри да дикія птицы, а человѣкъ, даже вооруженный, едва за нѣсколько верстъ могъ свободно объѣзжать ихъ. Поражающею густотою отличались и многіе изъ тѣхъ запорожскихъ лѣсовъ, которые росли по такъ называемымъ балкамъ, т. е. широкимъ долинамъ, окаймленнымъ сверху покатыми возвышенностями и на днѣ увлаженнымъ ключевыми и атмосферными водами. И здѣсь лѣсъ разростался нерѣдко до того, что человѣку не было никакой возможности пробраться чрезъ него: одни звѣри да птицы господствовали въ немъ.

бора взаимныхъ жалобъ между козаками и татарами, по поводу пограничныхъ владѣній; возвратясь въ Москву, онъ представилъ »Описаніе Запорожской Сѣчи въ четырехъ раздѣленіяхъ«. Приложеніе къ »Исторіи запорожскихъ козаковъ«. Мышецкаго. Одесса, 1852 г., стр. 83—85.

[1]) Истор. о каз. запорож., Одесса, 1852 г. стр. 85.

Остатки запорожскихъ лѣсовъ существуютъ и въ наше время въ разныхъ мѣстахъ екатеринославской и херсонской губерній. Въ екатеринославской губерніи извѣстны лѣса днѣпровскіе, находящіеся въ разныхъ мѣстахъ около р. Днѣпра, начиная отъ верхняго и до нижняго предѣла его; то лѣса, по преимуществу, мягкой породы: осокорь, ива, лоза, шелковица и другія; есть также лѣса по р. Самарѣ, особенно возлѣ самарскаго монастыря и уѣзднаго города Ново-Московска; далѣе, по р. Волчьей, особенно около села Дибривки, александровскаго уѣзда; по р. Ганчулу, главнымъ образомъ у деревни Богодара, имѣнія землевладѣльца Ѳ. И. Михеева; по р. Кушуму, притоку Днѣпра съ лѣвой стороны, у селъ Балабина-Петровскаго, Кушугумовки, Малой Катериновки, Царицына Кута и Васильковки; далѣе, по р. Чортомлыку, правому притоку Днѣпра, въ разныхъ мѣстахъ, но особенно у дер. Капуливки, екатеринославскаго уѣзда; по рѣчкѣ Подпольной, правому притоку Днѣпра, около села Покровскаго того-же уѣзда; по р. Конкѣ, тамъ, гдѣ она въ первый разъ впадаетъ въ Днѣпръ; по разнымъ островамъ Днѣпра, на Монастырскомъ островѣ, противъ г. Екатеринослава; на Становомъ, ниже Монастырскаго, противъ предмѣстья г. Екатеринослава, Мандрыковки; на Кайдацкомъ островѣ, у перваго днѣпровскаго порога; по оврагамъ лѣваго берега Днѣпра, отъ впаденія въ него р. Самары и внизъ до порога Ненасытецкаго, особенно противъ камня „Богатыря“, гдѣ, по преданію, въ 972 году былъ убитъ печенѣгами русскій князь Святославъ; въ урочищѣ Сагайдакѣ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, ниже колоніи Кичкасъ; на островѣ Хортицѣ, у г. Александровска; на островѣ Томаковкѣ, у села Чернышевки или Красногригорьевки, екатеринославскаго уѣзда и проч.

Остатки запорожскихъ лѣсовъ видны теперь и въ херсонской губерніи. Такъ, въ херсонскомъ уѣздѣ, близъ впаденія рѣчки Громоклеи въ рѣку Ингулъ, у деревни Полковничьей или Воеводской, есть лѣсъ, состоящій изъ четырехъ сотъ десятинъ, извѣстный уже съ 1740 года, когда заключенъ былъ »пограничный инструментъ« между Россіей и Турціей, и занесенный въ 1770 году на карту Риччи-Заннони, подъ названіемъ Соколиной дубравы. Въ херсонскомъ-же уѣздѣ, небольшіе лѣса около устья р. Базавлука, у села Грушевки; по р. Каменкѣ, у деревни Консуловки или Разоровки,

имѣніи землевладѣльца М. Ѳ. Огаркова; наконецъ, въ разныхъ мѣстахъ долины Днѣпра, его острововъ, и между городами Крыловомъ, Елисаветградомъ, Ново-Миргородомъ, Ново-Архангельскомъ и Александріей; здѣсь, въ восточной половинѣ александрійскаго уѣзда, между многими мелкими лѣсами, находится *Большой* лѣсъ, отличающійся особеннымъ ростомъ и густотой своихъ деревьевъ; кромѣ Большаго лѣса—лѣса *Чута* и *Черный*, въ сѣверо-западной половинѣ александрійскаго уѣзда, изъ коихъ послѣдній занимаетъ тысячу пятьсотъ десятинъ земли.

Есть полное основаніе думать, что всѣ эти лѣсныя рощи, теперь разбросанныя, въ старину представляли изъ себя одно сплошное пространство, въ которомъ лѣса Чута и Черный занимали лишь ничтожную долю. Тоже можно сказать и о лѣсахъ, растущихъ по верховьямъ рѣкъ Ингула и Ингульца; по преданію народа и по указанію карты Боплана, здѣсь въ прошлое время также были сплошные большіе лѣса, превращенные теперь въ мелкія кустарныя рощи. Кромѣ всѣхъ названныхъ лѣсовъ, по разнымъ балкамъ херсонской губерніи встрѣчаются еще небольшіе лѣса, называемые здѣсь татарскими словами »байраками и чагарниками«[1]); а по теченію рѣкъ Тясьмина, Выси, Синюхи и Днѣстра значительныя пространства покрыты рощами, въ коихъ преобладаетъ дубъ.

Таковы лѣса запорожскіе. Относительно самой флоры лѣсной нужно сказать, что въ запорожскихъ владѣніяхъ росли почти всѣ тѣ породы деревьевъ, которыя свойственны Сѣверной Америкѣ, что происходитъ, быть можетъ, отъ сходства климата той и другой страны: суровая зима, палящее лѣто, вѣтреная и непостоянная погода обусловливали и извѣстные виды древесной растительности, изъ коихъ господствующими здѣсь были: липа, кленъ, грабъ, вязъ, дубъ, ясень, дикая груша (ручня, malus silvester), берестъ (илимъ, ulmus campester), чернокленъ, глодъ (боярышникъ), кизиль (cornulus mascula), кожевенное дерево (rhus coriaria), желтинникъ (rhus cotinus), крушина (rhamnus frangula), бружмель (evonimus europaeus), жостеръ (rhamnus catharticus), толокнянка (arbutus unedo, arbutus

[1]) »Байракъ или буэракъ—небольшой лѣсъ, тоже что гай, но только съ болѣе толстыми и тяжелыми деревьями; а чагарникъ—лѣсъ, выросшій на мѣстѣ срубленнаго. Въ Крыму чагарами татары зовутъ лѣсныя огороженныя плетнемъ дачи.

uva ursi, или autostaphylos, raisin d'ours), таволга (sipiraca crenata), бузина (sambucus nigra), вязовникъ (sambucus ebulus), пищальникъ sambucus racemosa), гордовое дерево (viburnum lantana), верба (salix triandra, salix aurita, salix caprea), лоза (salix purpurea), шиповникъ, ива, яворъ (чинаръ, нѣмецкій кленъ, acer pseudoplatanus), шелковица, терновникъ, осокорь, яблонь, дули, барбарисъ, вишни, калина и др.

Но если страна запорожскихъ казаковъ, говоря вообще, не могла назваться богатою въ отношеніи лѣса, то за то въ отношеніи воды она была несравненно счастливѣе. Представляя изъ себя обширную равнину, наклонную къ морю, въ разныхъ направленіяхъ изрѣзанную оврагами и только въ одномъ—съ сѣвера на югъ—разграниченную балками, страна запорожскихъ казаковъ въ томъ-же направленіи, но почти чрезъ самую средину свою, пропускала одну изъ бо̀льшихъ на всемъ русскомъ югѣ рѣкъ, рѣку Днѣпръ со множествомъ большихъ и малыхъ притоковъ его, несущихъ въ него свои воды, начиная отъ самыхъ значительныхъ, Самары и Буга, и кончая самыми мелкими, въ родѣ Каменки и Мамай-Сурки, коихъ число

Зъ устя Дніпра та й до вершины—
Симъ сотъ річокъ ще й чотыри.

Съ него и начнемъ мы очеркъ водной системы Запорожья.

Д. Эварницкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ ВОПРОСУ О ЦАРСКИХЪ СКИѲАХЪ.[1]

Вниманіе къ скиѳамъ, нѣкогда и долгое время занимавшимъ нашъ югъ, въ послѣдніе годы замѣтно усилилось. Явленіе это вполнѣ согласуется съ оживленіемъ научнаго интереса къ старинѣ вообще, съ тѣмъ оживленіемъ, которое изъ сферъ научныхъ распространяется и на значительную часть образованнаго общества, что доказывается между прочимъ усиленнымъ спросомъ со стороны этого послѣдняго на такіе труды, которые посвящаются изслѣдованію различныхъ сторонъ матеріальной и духовной культуры первобытныхъ народовъ или отдаленныхъ предковъ народовъ историческихъ.

Благодаря новому, болѣе широкому методу изслѣдованія, подобные труды получаютъ въ наши дни сверхъ историческаго и интересъ современности; они нерѣдко проливаютъ яркій и часто неожиданный свѣтъ не только на прошлое того или другаго народа, но и на его настоящее. Дѣло въ томъ, что образованное общество, усвоившее себѣ и продолжающее усвоивать плоды науки и гражданственности, то есть весьма незначительное меньшинство населенія любой европейской страны, живетъ въ такой средѣ, которая во многомъ остается вѣрною чертамъ быта и воззрѣніямъ, давно *пережитымъ* образованнымъ меньшинствомъ. Если такимъ образомъ многія черты глубокой старины являются въ образованной средѣ лишь въ видѣ спорадическихъ остатковъ, такъ называемыхъ переживаній (survivals), то въ огромномъ большинствѣ населенія они представляютъ все еще живую современность, а потому интересъ къ нимъ

[1]) Читано въ годичномъ собраніи »Истор. общества пр. Нестора лѣтописца«.

научный и общественный есть въ сущности интересъ къ современному положенію народныхъ массъ, къ разностороннему уясненію не только прошлой ихъ жизни, но и современной.

Вотъ почему мы рѣшились предложить нѣкоторыя свои соображенія объ одномъ изъ древнѣйшихъ и давно исчезнувшихъ племенъ южной Россіи вниманію не ученыхъ спеціалистовъ только, но и образованной публики.

Въ виду сказаннаго насъ не могутъ не интересовать всѣ, даже мелкія на видъ подробности существованія, если, быть можетъ, не предковъ нашихъ по крови, по происхожденію, то во всякомъ случаѣ нашихъ предшественниковъ на занимаемой нами территоріи. Въ этого рода изслѣдованіяхъ никакая подробность не можетъ быть признана не заслуживающею серьезнаго вниманія, потому главнымъ образомъ, что въ большинствѣ случаевъ мы не знаемъ того, какое мѣсто займетъ та или иная черта въ общей картинѣ прошлаго быта, которую, можетъ быть, когда либо удастся возстановить съ достаточною полнотою. Съ другой стороны нерѣдко случается, что какая-либо повидимому незначительная подробность находится въ органической связи съ чертами быта дѣйствительно существенными и характеристическими. Поэтому изслѣдователя старины интересуютъ въ болѣе или менѣе одинаковой степени и топографія и этнологія населенія, его физическое строеніе, данныя языка, матеріальной культуры, общественнаго устройства, памятники и извѣстія о его религіозныхъ и иныхъ воззрѣніяхъ.

Къ сожалѣнію, въ занимающемъ насъ вопросѣ достигаемые результаты могутъ имѣть лишь цѣну значительной вѣроятности или отвѣчаютъ на слишкомъ частные вопросы. Виною такого положенія дѣла слѣдуетъ признать прежде всего общія свойства свидѣтельствъ древнихъ писателей, не исключая и Геродота. Вообще они мало интересовались варварскими народами, съ которыми приходили въ соприкосновеніе; не заботились о знакомствѣ съ варварскими языками, о точной передачѣ ихъ именъ и иныхъ словъ; интересъ ихъ къ нравамъ, обычаямъ, культамъ варварскихъ народовъ имѣетъ вообще слишкомъ мало общаго съ тѣмъ систематическимъ, строгимъ отношеніемъ къ предмету, которое отличаетъ новѣйшихъ европейскихъ путешественниковъ—ученыхъ. Поэтому сообщаемыя древними свѣдѣнія носятъ на себѣ обыкновенно характеръ отрывочныхъ,

случайныхъ замѣтокъ, обращенныхъ почти исключительно на явленія поразительныя, совершенно чуждыя собственнымъ воззрѣніямъ и быту древнихъ повѣствователей.

Едва-ли не наименѣе надежными свидѣтельствами въ трудахъ древнихъ писателей являются передаваемыя ими имена варварскихъ народовъ, какъ собственныя, такъ и нарицательныя. Если греческіе писатели позднѣйшаго періода нерѣдко искажаютъ до неузнаваемости названія тѣхъ народовъ, въ сосѣдствѣ съ которыми они жили продолжительное время, свои наблюденія надъ которыми они могли легко провѣрять многократными показаніями очевидцевъ, то, разумѣется, тѣмъ менѣе можно полагаться на ихъ лингвистическія данныя о народахъ далекихъ, совершенно имъ неизвѣстныхъ, каковыми были и скиѳы для Геродота, Ѳукидида, Страбона и другихъ. Вотъ почему уцѣлѣвшія немногія свидѣтельства языка о скиѳахъ, находимыя нами преимущественно у Геродота, подаютъ поводъ въ наше время къ самымъ разнорѣчивымъ толкованіямъ и къ такого же свойства основаннымъ на нихъ заключеніямъ. Брунъ сожалѣетъ о томъ, что берлинскій академикъ Мюлленгофъ [1]), главный авторитетъ въ рѣшеніи вопроса о національности скиѳовъ въ смыслѣ иранства ихъ, не подвергаетъ критической оцѣнкѣ этимологіи тѣхъ-же самыхъ именъ, приводящихъ другихъ изслѣдователей къ заключенію о монгольствѣ или вообще о туранствѣ скиѳовъ. Г. Кипертъ, одинъ изъ авторитетнѣйшихъ современныхъ ученыхъ въ области исторической географіи, не придаетъ выводамъ Мюлленгофа рѣшающаго значенія. Признавая вмѣстѣ съ симъ послѣднимъ за нѣкоторыми скиѳскими именами безспорно арійскій характеръ, онъ находитъ возможнымъ заимствованіе этихъ именъ скиѳскими племенами отъ арійскихъ, именно иранскихъ народовъ, съ которыми онѣ долгое время жили на иранскомъ плоскогорьѣ [2]). »Что скиѳскія имена«, замѣчаетъ онъ, »тождественныя съ ѳракійскими и персидскими, просто заимствованы изъ этихъ языковъ и потому не имѣютъ никакой доказательной силы въ вопросѣ о національности скиѳовъ, это доказывается вполнѣ совершеннымъ

[1]) *Ueber Herkuft und Sprache der pontischen Skythen und Sarmaten. Monatsber. der Berl. Akad.* 1866.

[2]) *Lehrbuch der alten Geographie.* Leipz. 1878 г., стр. 344 сл.

отсутствіемъ діалектическихъ особенностей: съ такимъ самымъ правомъ можно было-бы приписывать семитическое происхожденіе нынѣшнимъ османамъ и другимъ тюркскимъ племенамъ на основаніи почти исключительнаго употребленія у нихъ арабскихъ личныхъ именъ« [1]). Гораздо большее значеніе въ рѣшеніи подобнаго вопроса имѣютъ свидѣтельства древнихъ писателей о бытѣ народа и особенно о его физическомъ строеніи. Но и эти данныя толкуются и въ значительной степени не могутъ не толковаться различно. Рѣшающую силу данныя такого рода получаютъ лишь тогда, когда онѣ имѣются въ болѣе или менѣе достаточномъ количествѣ и касаются различныхъ сторонъ быта. Преимущество ихъ передъ данными лингвистическими обусловливается болѣе всего тѣмъ, что здѣсь невозможно такое искаженіе и такая неточность въ описаніи, какія отличаютъ передачу варварскихъ именъ древними писателями. Возможность заимствованій впрочемъ слѣдуетъ допускать и здѣсь: вспомнимъ только о тѣхъ вліяніяхъ, какія имѣли семитическіе культы на древне-греческіе.

Вообще по вопросу о расѣ геродотовыхъ скиѳовъ ученые раздѣляются на двѣ главныя категоріи; одни считаютъ ихъ арійцами, другіе уралъ-алтайцами, или туранцами. Первые въ свою очередь раздѣляются на славянистовъ и германистовъ; въ рядахъ послѣднихъ одни считаютъ ихъ монголами, другіе турками, третьи финно-венграми. Арійское происхожденіе скиѳовъ защищаютъ или принимаютъ Гриммъ, Клапротъ, Цейссъ, Раулинсонъ, Мюлленгофъ, Бергманъ, Линднеръ, изъ русскихъ ученыхъ: Брунъ, Иловайскій, Забѣлинъ, Вс. Миллеръ, Боннель; въ числѣ представителей урало-алтайства скиѳовъ находятся имена Нибура, Гаммеръ-Пургшталя, Ганзена, Карла Неймана, Киперта, отчасти Васильевскаго и другихъ. Отъ времени до времени появляется въ литературѣ мнѣніе, что и у Геродота терминъ »скиѳы« имѣетъ не столько этнографическое, сколько географическое значеніе, что понятіе геродотовыхъ скиѳовъ— коллективное, и что подъ этимъ терминомъ слѣдуетъ разумѣть нѣсколько народностей, различныхъ по происхожденію и по степени культуры. Наиболѣе рѣшительно мнѣніе это высказывается Фридр.

---

[1]) *Ibid.*, стр. 315.

Мюллеромъ [1]), Овелакомъ (Hovelaque) [2]) и въ послѣднее время г. Вамбери [3]). Рѣшительнымъ противникомъ его является К. Нейманъ въ своемъ капитальномъ трудѣ: «Еллины въ странѣ скиѳовъ» (1855. Стр. 101). Онъ обращаетъ вниманіе на то, что греческій историкъ ясно и категорически отличаетъ скиѳовъ, какъ особый народъ, отъ сосѣднихъ не-скиѳскихъ народовъ, указывая при этомъ и на нѣкоторыя точки соприкосновенія между ними. Но, кажется, главнымъ мотивомъ у нѣмецкаго ученаго для отрицательнаго отношенія къ этому мнѣнію служитъ то обстоятельство, что, принимая такое мнѣніе, слѣдовало бы считать вопросъ о національности геродотовыхъ скиѳовъ неразрѣшимой загадкой [4]). Съ своей стороны мы, говоря вообще, раздѣляемъ основное воззрѣніе Фр. Мюллера и Вамбери на смѣшанный составъ скиѳскаго населенія южной Россіи и убѣждены, что только этимъ путемъ можно согласить разнорѣчивыя показанія древнихъ писателей о скиѳахъ и примирить между собою два лагеря новѣйшихъ изслѣдователей геродотовскихъ скиѳовъ. Но мы никакъ не можемъ согласиться съ Вамбери въ томъ, что онъ изъ числа скиѳовъ—не аріевъ исключаетъ прежде всего царскихъ скиѳовъ наравнѣ съ скиѳами—земледѣльцами. Царскіе скиѳы, какъ мы увидимъ ниже, кочевники по преимуществу; отъ остальныхъ скиѳскихъ племенъ они отличаются большею грубостью нравовъ, болѣе первобытнымъ бытомъ [5]). Авторъ не упоминаетъ вовсе о томъ,

---

[1]) *Allgemeine Ethnographie.* Wien. 1873 г., стр. 35 сл.

[2]) *Лингвистика.* Переводъ со втор. изд. Спб. 1881 г., стр. 142.

[3]) *Der Ursprung der Magyaren.* Leipz. 1882 г., I.

[4]) »Wenn diese Behauptung richig wäre, so würden die ernsten Forschungen bedeutender Historiker ein so trauriges Bild fruchtlosen Bemühens darstellen, dass ein zweiter Polygnot auf einem neuen Gemälde der Unterwelt für ein thörichtes, unerspriessliches Unterfangen kein bezeichnenderes Symbol finden könnte als einen Gelehrten, den über die Abstammung der Skythen schreibt«. Opus. cit., стр. 101.

[5]) О. с., стр. 11. Положеніе свое авторъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: »jener Theil des herodotschen Skythiens, der sich vom Mäeotischen See in nordöstlicher Richtung gegen die Wolga erstreckte, von Völkern Ural—altaischer Rasse, sehr warscheintlich von Türken bewohnt war, wobei jedoch die Möglichkeit nicht ausgeschlossen ist, dass sich einzelne Fractionen dieser Rasse oder des letzterwähnten Volks schon inmitten der sogenannten pontischen Skythen befunden haben«. Стр. 12. Въ нѣсколько иномъ видѣ таже мысль высказана немного дальше. Стр. 19 сл.

что къ сѣверо-востоку отъ Меотиды, приблизительно въ нынѣшней оренбургской губерніи, обитала часть царскихъ скиѳовъ, по Геродоту будто бы отдѣлившаяся отъ своихъ соплеменниковъ въ причерноморскихъ земляхъ. По остроумному замѣчанію К. Неймана [1]), въ восточныхъ царскихъ скиѳахъ слѣдуетъ видѣть остатокъ скиѳскаго приволжскаго населенія, занимавшаго этотъ край вмѣстѣ съ исседонами, до занятія понтскаго побережья. Наконецъ Вамбери на непонятномъ для насъ основаніи помѣщаетъ царскихъ скиѳовъ, несогласно съ Геродотомъ, между Дунаемъ и Днѣстромъ, на Герросѣ и Меотидѣ, тогда какъ по ясному смыслу греческаго текста царскіе скиѳы жили по ту сторону Герроса, т. е. къ востоку отъ днѣпровскихъ пороговъ до р. Дона и Азовскаго моря; на югъ жилища ихъ простирались до Таврики, до того рва, который отдѣляетъ восточную оконечность крымскаго полуострова къ керченскому проливу. Нельзя также безусловно принять мнѣніе венгерскаго ученаго, будто исторія не знаетъ никакого иранскаго народа въ кочевомъ состояніи.

Самъ Геродотъ раздѣляетъ скиѳовъ на нѣсколько племенъ, причемъ первое мѣсто по многочисленности и могуществу отводитъ царскимъ или царственнымъ скиѳамъ. Имъ подвластны скиѳы-земледѣльцы и скиѳы-пахари, а также »номады«. Занимающіяся земледѣліемъ скиѳскія племена обитаютъ по Гипаниссу и Гипакирису, а »кочевники« къ сѣверо-западу отъ Азовскаго моря. Сами себя скиѳы называли сколотами, по имени царя, замѣчаетъ Геродотъ; у персовъ они назывались саками.

Что Геродотъ зналъ »царскихъ« скиѳовъ, βασιλήιοι, а не барсилеевъ, какъ-то кажется Вивьену Сенъ-Мартену, Хвольсону и Н. Веселовскому, не подлежитъ сомнѣнію [2]); что не онъ далъ одному изъ скиѳскихъ племенъ такое наименованіе, но что онъ принялъ его готовымъ отъ своихъ свидѣтелей, прежде всего конечно отъ черноморскихъ грековъ, и въ этомъ нельзя сомнѣваться. Подтвержденіе тому и другому содержится въ самомъ трудѣ греческаго

---

[1]) *О. с.* стр. 128.

[2]) Срвн. нашу статью въ »Университетскихъ Извѣстіяхъ«, 1883 г. май: »Опыты этнологіи съ помощью этимологіи«.

историка. Такъ, въ одномъ мѣстѣ царскихъ скиѳовъ онъ называетъ »храбрѣйшими, многочисленнѣйшими и почитающими остальныхъ скиѳовъ своими рабами« [1]). Ихъ однихъ онъ называетъ свободными (IV, 110). Въ другой главѣ (59) той-же книги Геродотъ объ этихъ самыхъ скиѳахъ замѣчаетъ: »*такъ называемые* царскіе скиѳы« [2]); слѣдовательно названіе это было употребительно и до Геродота. Страбонъ, относящійся, какъ извѣстно, весьма скептически къ Геродоту, считающій показанія его менѣе достовѣрными, нежели гомеровскія, упоминаетъ однако о тѣхъ-же самыхъ скиѳахъ съ прибавленіемъ »такъ называемые« [3]). Съ полною увѣренностью можно отнести къ геродотовымъ царскимъ скиѳамъ слѣдующее замѣчаніе поздпѣйшаго географа, только распространяющаго характеристику ихъ у Геродота: »кочевники скорѣе воины, нежели разбойники, и воюютъ они изъ-за податей; ибо, предоставивши владѣніе землею тѣмъ, которые желаютъ обработывать ее, они довольствуются взиманіемъ за нее установленной подати, умѣренной, идущей не на роскошь, но на удовлетвореніе повседневныхъ насущныхъ потребностей; если тѣ податей не уплачиваютъ, кочевники идутъ на нихъ войною«.

Послѣ сказаннаго едва-ли можетъ быть рѣчь о томъ, будто Геродотъ въ начертаніи имени царскихъ скиѳовъ (Σ. βασιλήιοι) допустилъ описку, которая впослѣдствіи и получила право гражданства въ древней литературѣ; описка состояла будто-бы въ томъ, что вмѣсто »барсилеи« историкъ написалъ »басилеи,« опустивши букву ρ. »Замѣтимъ по адресу не одного только Иловайскаго«, говоритъ Н. Веселовскій, »а и многихъ другихъ, что никакихъ царскихъ скиѳовъ не было. У Геродота просто описка, которая указана довольно давно. Геродотъ (или его переписчики, или издатели—что все равно) выпустилъ одну букву ρ послѣ α (Βασιλικοί вм. Βαρσιλικοί), т. е. скиѳы барзилійцы. А народъ барзилійцы извѣстенъ намъ и

---

[1]) Σκύθαι οἱ ἄριστοί τε καὶ πλεῖστοι καὶ τοὺς ἄλλους νομίζοντες Σκύθας δούλους σφετέρους εἶναι. IV, 20.

[2]) οἱ δὲ καλόμενοι βασιλήιοι Σκύθαι.

[3]) οἱ δὲ καλεομενοι Βασίλειοι. VII, 4 7. p. 312.

[4]) VII, 4, 6. p. 311.

по другимъ источникамъ, какъ извѣстно и названіе страны Барзиліи, или Берзиліи« [1]).

Правда, нѣкоторое основаніе для такой поправки геродотова текста содержится въ извѣстіи историка, что отъ общей массы царскихъ скиѳовъ отдѣлился отрядъ, занявшій мѣстности приблизительно въ западной части оренбургской губерніи, на нынѣшнихъ земляхъ башкировъ и киргизовъ. По замѣчанію Хвольсона, почти на томъ-же самомъ мѣстѣ жили барзулы Ибнъ-Даста, или барзилеи Моисея Хоренскаго [2]). Но основаніе это кажется намъ слишкомъ недостаточнымъ для того, чтобы отвергнуть единогласную традицію древнихъ текстовъ, оправдываемую кромѣ того самымъ положеніемъ одного изъ скиѳскихъ народцевъ относительно остальныхъ. Шаткость этого основанія слѣдуетъ особенно изъ того, что географическія свѣдѣнія Геродота объ этой части Сарматіи были весьма скудны и сбивчивы.

Какъ назывался этотъ скиѳскій народецъ самими скиѳами, мы не знаемъ; вѣроятнѣе всего, это и было то сильнѣйшее скиѳское племя, по имени котораго названы были остальные скиѳы, т. е. народцы, подчиненные царскимъ скиѳамъ. Въ названіи »царскіе«, βασιλήιοι, К. Нейманъ усматриваетъ искаженное варварское имя собственное, въ чемъ убѣждаетъ его колебаніе рукописей въ начертаніи этого имени и употребленіе его у Страбона въ качествѣ собственнаго имени [3]). Но незначительное разночтеніе рукописей наблюдается нами въ сущности лишь въ одномъ мѣстѣ текста, а эпитетъ »базилеи« встрѣчается у Геродота нѣсколько разъ.

Если въ повѣствованіи о скиѳахъ Геродотъ оставляетъ далеко за собою не только предшественниковъ, но и послѣдующихъ историковъ и географовъ, то въ его разсказахъ объ отдѣльныхъ племенахъ скиѳскихъ все-же остается не мало пробѣловъ, много не яснаго и спутаннаго. Названіе скиѳовъ встрѣчается впервые у Гезіода, имѣвшаго разумѣется лишь самыя смутныя представленія о нашемъ югѣ и его обитателяхъ. Ближайшіе предшественники отца исторіи, Гекатей изъ Милета и Гелланикъ изъ Митилены,

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1882 г., сент.

[2]) Ж. М. Н. Просв. 1868 г., 12, стр. 702—703.

[3]) О. с., стр. 179.

употребляютъ названіе скиѳовъ въ слишкомъ широкомъ, неопредѣленномъ смыслѣ народовъ, жившихъ къ сѣверу отъ Чернаго моря: меланхлены, исседоны, меоты относились ими къ скиѳамъ. У Страбона терминъ этотъ также имѣетъ болѣе широкое значеніе, нежели у галикарнасскаго историка V вѣка до Р. Х. Сравнительно со всѣми этими писателями Геродотъ сдѣлалъ значительный шагъ впередъ въ различеніи народностей нашего юга задолго до начала нашей эры.

Исходнымъ пунктомъ въ опредѣленіи взаимныхъ этническихъ отношеній между скиѳскими племенами, которыя неясно различаются у Геродота, должно служить то положеніе, что въ описаніи скиѳскихъ правовъ, образа жизни, религіозныхъ представленій греческій историкъ имѣетъ въ виду прежде всего царскихъ скиѳовъ. Обусловлено это тѣмъ, что царскіе скиѳы были настоящими господами остальныхъ, и что весь бытъ ихъ представлялъ наиболѣе рѣзкія и любопытныя особенности сравнительно съ соотечественниками греческаго историка.

Войну съ Даріемъ ведутъ собственно царскіе скиѳы, раздѣленные ради военныхъ цѣлей на три отряда. »Это была одна часть царскихъ скиѳовъ«, замѣчаетъ историкъ, »направившаяся тою дорогой, о которой я сказалъ; двѣ другія части царскихъ, большая подъ предводительствомъ Иданѳирса, (меньшая) третья подъ предводительствомъ Таксакиса« и проч. [1]). Тѣ-же царскіе скиѳы называются (VI, 84) общимъ именемъ номадовъ: »скиѳы номады послѣ того, какъ Дарій вторгся въ ихъ страну, рѣшились ему отмстить«. О нихъ-же, какъ о номадахъ, говоритъ Артабанъ Ксерксу передъ походомъ царя въ Элладу [2]). Иданѳирсъ, одинъ изъ вождей царскихъ скиѳовъ, называетъ свой народъ не имѣющимъ ни городовъ, ни обработанной земли [3]).

Очевидно къ господствующимъ скиѳамъ относится замѣчаніе историка, что они »не имѣютъ ни городовъ, ни укрѣпленій, что дома свои носятъ съ собою, сражаются на лошадяхъ, живутъ не хлѣбопашествомъ, но скотоводствомъ, жилища свои перевозятъ на

[1]) IV, 120.
[2]) VII, 10 (1).
[3]) IV, 127.

повозкахъ и потому непобѣдимы и недоступны« [1]). Въ самомъ началѣ IV книги историкъ говоритъ, что скиѳы не пахари, но кочевники. Страбонъ въ приведенномъ выше мѣстѣ приписываетъ черты кочевой жизни именно царскимъ скиѳамъ; у географа они изображаются народомъ бѣднымъ, нуждающимся въ дани на удовлетвореніе первыхъ жизненныхъ потребностей и потому отдающимъ свои земли какъ-бы въ аренду сосѣднимъ племенамъ, занимающимся земледѣліемъ. На крайнюю бѣдность указываетъ и Геродотъ [2]). Скиѳовъ-кочевниковъ Геродотъ ясно отличаетъ отъ скиѳовъ земледѣльцевъ. Упомянувши объ этихъ послѣднихъ, историкъ замѣчаетъ, что скиѳы-кочевники »ничего не сѣютъ и не пашутъ« [3]).

Едва-ли позволительно сомнѣваться, что всѣ эти черты не могутъ быть распространяемы на скиѳовъ-земледѣльцевъ и пахарей. Откуда-бы ни происходило названіе этихъ скиѳскихъ народцевъ, было-ли оно искаженіемъ туземныхъ скиѳскихъ именъ, или нарицательнымъ греческимъ именемъ по роду занятій ихъ, во всякомъ случаѣ ему не могъ не соотвѣтствовать земледѣльческій образъ жизни, слѣдовательно по крайней мѣрѣ полукочевой, если не вполнѣ осѣдлый. Да и самъ историкъ замѣчаетъ объ одномъ изъ этихъ племенъ, что оно сѣетъ хлѣбъ не только для собственнаго употребленія, но и на продажу [4]). Въ этомъ отношеніи онъ сближаетъ ихъ съ каллипидами, называющимися у него еллинами-скиоами, и съ алазонами; первые представляли смѣшанное греко-скиѳское населеніе. Историкъ категорически отличаетъ царскихъ скиѳовъ отъ остальныхъ поклоненіемъ морскому божеству, названному Геродотомъ Посейдономъ, и почитаніемуся у царскихъ вмѣстѣ съ прочими божествами другихъ скиѳовъ [5]).

Прежде всего царскимъ скиѳамъ приписываетъ отецъ исторіи чувство національной исключительности. Дѣйствительно, жертвами этой исключительности являются Анахарсисъ и Скилесъ, оба изъ среды царскихъ скиѳовъ. Анахарсисъ былъ дядя Иданѳирса со

---

[1]) IV, 46. Сравни II, 167. IV, 97. 121. 123.
[2]) IV, 83.
[3]) IV, 19.
[4]) IV, 17: Σ. ἀροτῆρες, οὐ οὐκ ἐπὶ σιτήσι σπείρουσι, ἀλλὰ ἐπὶ πρήσι.
[5]) IV, 59.

стороны отца (πάτρως), того самаго Иданѳирса, который командовалъ однимъ изъ отрядовъ въ войнѣ съ даріевыми полчищами: »Иданѳирсъ былъ сынъ Савлія, а Савлій былъ убійцею Анахарсиса«. Аріапейѳъ, отецъ Скилеса, былъ также царемъ скиѳовъ [1]). Что скиѳскіе народцы не всѣ относились съ такою нетерпимостью къ чужеземцамъ, особенно къ еллинамъ, что нѣкоторые изъ нихъ легко сближались съ сосѣдними греками, не возбуждая тѣмъ преслѣдованія противъ себя со стороны скиѳскихъ царей, свидѣтельствуетъ самый фактъ существованія еллино-скиѳовъ, или каллипидовъ.

Мы полагаемъ, что почитаніе Арея, сверхъ животныхъ, человѣческими жертвами и выдѣленіе его такимъ образомъ изъ пантеона скиѳскихъ божествъ болѣе всего приличествовало народу военному съ наиболѣе грубыми нравами. Въ честь Арея закалались плѣнники, одинъ отъ каждой сотни. »Людей рѣжутъ надъ сосудомъ«, разсказываетъ Геродотъ, »совершивши предварительно возліяніе виномъ на головы жертвъ; потомъ, отнесши кровь убитыхъ на кучу хворосту, выливаютъ ее на мечъ. Это относятъ они на верхъ, а внизу у святилища совершаютъ слѣдующее: всѣмъ умерщвленнымъ людямъ отрѣзываютъ правыя плечи и бросаютъ ихъ въ воздухъ; покончивъ съ принощеніемъ остальныхъ животныхъ, удаляются« [2]). Такой культъ Арею вполнѣ согласовался съ обычаемъ скиѳскихъ воиновъ выливать кровь перваго убитаго врага; божество получало въ жертву ту самую пищу, которая высоко цѣнилась самими почитателями [3]). Аналогичное чествованіе бога войны тѣломъ военноплѣнныхъ Палласъ находитъ у монгольскихъ народовъ, при чемъ мѣстомъ жертвоприношенія служитъ вершина холма, а копье, на которое натыкается трупъ убитаго врага, представляетъ собою, подобно мечу скиѳовъ, божество войны [4]). Кочевой образъ жизни царскихъ скиѳовъ, положеніе ихъ, какъ господствующей части населенія, поддерживаемое войною и набѣгами, отвѣчаетъ варварскому почитанію меча съ человѣческими жертвами. Мы видѣли, что Страбонъ, предпочитая названіе царскихъ скиѳовъ воинами, полемизируетъ съ тѣми

[1]) IV, 78.
[2]) IV, 62.
[3]) IV, 64.
[4]) Sammlung histor. Nachrichten über die mongol. Völkerschaften. II, 326 сл.

свидѣтелями, которые считали ихъ просто разбойниками. Сомнительно, чтобы подобный культъ согласовался съ земледѣльческимъ бытомъ остальныхъ скиѳовъ, подвластныхъ войнолюбивымъ хищнымъ »царямъ«.

Разумѣется, нельзя отрицать того, что строгое различіе въ культахъ между разными скиѳскими народцами не имѣло мѣста во время Геродота. По всей вѣроятности, долговременное господство царскихъ скиѳовъ въ причерноморскихъ земляхъ наложило въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ печать единства на тамошнее скиѳское населеніе вообще; при этомъ нѣкоторые нравы и обычаи господъ могли перейти и къ ихъ подчиненнымъ, нѣкоторыя черты грубости менѣе культурной, но сильнѣйшей части населенія могли распространиться на болѣе культурную, но слабѣйшую часть жителей. Совершеннымъ безлѣсьемъ Скиѳіи греческій историкъ объясняетъ одну изъ подробностей скиѳскихъ жертвоприношеній, состоявшую въ томъ, что жертвенное животное варилось на горящихъ костяхъ, а не на древесныхъ прутьяхъ; подробность, не согласовавшаяся съ свойствами лѣсныхъ частей Скиѳіи, занятыхъ скиѳами не царскими. Далѣе, предпочтительнымъ жертвеннымъ животнымъ у скиѳовъ была, по словамъ того-же историка, лошадь. Годъ спустя послѣ смерти скиѳы чествовали умершаго царя закланіемъ въ память его пятидесяти пригоднѣйшихъ слугъ и такого-же числа лошадей. Удавленныхъ юношей они усаживали особеннымъ способомъ на убитыхъ лошадей, устраивая такимъ образомъ почившему жертвоприношеніе всадниками [1]), т. е. такое, которое могло быть особенно желательно и пріятно скиѳу-номаду. Нейманъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи »Эллины въ землѣ скиѳовъ« [2]) упоминаетъ объ аналогичномъ обычаѣ у монголовъ, а Бастіанъ въ своемъ трудѣ »Человѣкъ въ исторіи« [3]). Почти тождественный обычай сообщается Леббокомъ относительно патагонцевъ, на что обращаетъ вниманіе г. Воеводскій въ изслѣдованіи: »Чаши изъ человѣческихъ череповъ и тому подобные примѣры утилизаціи трупа« [4]).

---

[1]) IV, 72.

[2]) Стр. 232 сл.

[3]) Der Mensch in d. Geschichte. 1860. II., стр. 335.

[4]) Одесса 1877 г., стр. 35 сл.

Съ давняго времени и по настоящее геродотовы скиѳы отождествляются съ тѣмъ дикимъ кочевымъ народомъ, который въ пророчествѣ Іезекіиля и Іереміи носитъ названіе Гогъ (Gôg), и опустошительные набѣги котораго представлялись израильскимъ пророкамъ величайшимъ бѣдствіемъ. Объ этомъ-же вторженіи скиѳовъ въ переднюю Азію разсказываетъ Геродотъ [1]), причемъ описанное имъ событіе и со стороны хронологіи, и со стороны направленія скиѳскаго похода совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, которое изображено у израильскихъ пророковъ и относится приблизительно къ половинѣ VII вѣка до Р. Х. Операціоннымъ базисомъ скиѳовъ въ этомъ походѣ служила Арменія, та именно часть ея, которая отъ нихъ получила названіе Сакасены. Объ этомъ-же говоритъ и Страбонъ въ слѣдующихъ словахъ: »саки совершали набѣги, подобные вторженію киммерійцевъ и треровъ, одни болѣе отдаленные, другіе менѣе далекіе. Они заняли Бактріану, а другой разъ завоевали лучшую часть Арменіи, которой и оставили имя Сакасены. Оттуда они проникли въ Каппадокію, главнымъ образомъ въ ту часть, которая касается Евксинскаго Понта и называется теперь Понтикой« [2]). Въ 38 и 39 главахъ Іезекіиля читатель находитъ мрачную картину опустошеній въ Палестинѣ, предвѣщаемыхъ своему народу пророкомъ и причиняемыхъ ордами Гогъ. Варвары спускаются съ сѣвера и изъ сосѣднихъ странъ, увлекая за собою всѣ народы, жившіе между Кавказомъ и Месопотаміей. Варварскія полчища состоятъ главнымъ образомъ изъ всадниковъ, искусно владѣющихъ лукомъ. На появленіи варваровъ съ сѣвера неоднократно настаиваетъ и Іеремія. »Вотъ съ сѣвера наступаетъ народъ«, восклицаетъ пророкъ, »движется великій народъ съ окраинъ земли. Они несутъ лукъ и копье; они жестоки и немилосердны; голосъ ихъ напоминаетъ ревъ моря; они ѣдутъ на лошадяхъ, вооруженныхъ также, какъ и воины. Противъ тебя, дочь Сіона! При вѣсти о наступленіи ихъ руки наши слабѣютъ, тревога овладѣваетъ нами, какъ женщиною, которая раждаетъ. Не выходите въ поля, не показывайтесь на дорогахъ, вездѣ мечъ непріятеля, всюду царитъ ужасъ. Дочь моего народа! Накройся вретищемъ и повергнись въ прахъ, облекись въ трауръ,

[1]) I, 103—106.

[2]) XI, 8, 4. p. 551.

какъ по единственномъ сынѣ, изливай горькія жалобы! Ибо разоритель наступитъ на насъ внезапно« [1]).

»Когда Геродотъ«, замѣчаетъ Фр. Ленорманъ, »и другіе древніе писатели разсказываютъ о жестокости скиѳовъ, ихъ алчности и грабительствѣ, то они употребляютъ почти тѣ-же самыя выраженія, въ какихъ Іезекіиль описываетъ воинство Гогъ« [2]). Подобно этому послѣднему народу скиѳы сражались только на лошадяхъ, вовсе не имѣли въ своихъ рядахъ пѣхоты, были на столько совершенными стрѣлками изъ лука, что ихъ называли изобрѣтателями этого вооруженія и конными лучниками (ἱπποτοξόται).

Едва-ли позволительно сомнѣваться въ томъ, что подобныя черты варварства и дикости не могутъ быть безъ крайней натяжки пріурочены къ скиѳамъ-земледѣльцамъ,—онѣ вполнѣ согласуются лишь съ нравами и образомъ жизни царскихъ скиѳовъ-воиновъ, которые и въ геродотовой Скиѳіи жили войною и грабежемъ. Геродотомъ записаны такія проявленія власти скиѳскихъ царей, которыя по грубости не имѣютъ ничего общаго съ извѣстными намъ чертами владыкъ арійскихъ народовъ. Священнѣйшая клятва у скиѳовъ совершается во имя пенатовъ царя ихъ. »Когда царь заболѣваетъ«, разсказываетъ Геродотъ [3]), »онъ призываетъ къ себѣ трехъ славнѣйшихъ гадателей; они обязаны назвать лицо, ложно поклявшееся пенатами (Tabiti) царя и тѣмъ причинившее ему болѣзнь; обвиняемаго тотчасъ схватываютъ, приводятъ къ царю и допрашиваютъ. Если обвиняемый упорно запирается, то царь призываетъ шесть другихъ гадателей, и если эти послѣдніе показываютъ одинаково съ прежними, то виновнаго обезглавливаютъ на мѣстѣ, а состояніе его раздѣляютъ между тремя первыми гадателями. Если-же шесть призванныхъ гадателей оправдываютъ подсудимаго, то вызываютъ все новыхъ и новыхъ гадателей. Если большинство гадателей высказывается за оправданіе, три первые

---

[1]) Переводъ Ленормана: *Les origines de l'histoire d'apres la Bible. Paris. 1882.* II. стр. 449 и слѣд. Здѣсь-же читатель найдетъ подробный разборъ извѣстій о разорительномъ вторженіи скиѳовъ въ Палестину.

[2]) *Ibid.*, стр. 439.

[3]) *Ibid.* IV, 68. 69.

гадателя должны поплатиться смертью. Ихъ привязываютъ къ повозкамъ, запряженнымъ быками и наполненнымъ хворостомъ, и зажегши хворость, отдаютъ гадателей на жертву пламени и изступленію быковъ«. Многіе быки сгораютъ вмѣстѣ съ гадателями; другіе убѣгаютъ съ обжогами, когда сгоритъ дышло. Такимъ-же образомъ цари сожигаютъ гадателей и за другія вины, уличая ихъ въ ложномъ гаданіи. Царь казнитъ не только виновныхъ, онъ умерщвляетъ и дѣтей ихъ, истребляя все мужское поколѣніе«. Такою-же грубостью, которой не находимъ у арійскихъ народовъ, хотя извѣстія о нѣкоторыхъ изъ нихъ восходятъ за нѣсколько вѣковъ до Геродота, отличались похороны скиѳскихъ царей, сопровождавшіеся между прочимъ избіеніемъ слугъ. Если къ этому прибавить нѣкоторыя другія черты быта скиѳовъ, прежде всего, разумѣется, царскихъ, общія имъ съ нынѣшними монголами, напр. употребленіе въ пищу конскаго мяса, сыру и кумысу (ὀξύγαλα), окуриваніе въ паровыхъ баняхъ конопляннымъ сѣменемъ и т. п., то мы получимъ такую совокупность бытовыхъ особенностей нѣкоторыхъ частей скиѳскихъ обитателей южной Россіи, что сравнительно съ ними данныя языка, объясняемыя въ смыслѣ Мюлленгофа, получаютъ лишь весьма относительное значеніе. Съ другой стороны, по изслѣдованіямъ Фр. Леормана, страна Mâgóg, откуда вышли орды Góg, оставалась свободною отъ вліянія арійства не только въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, но и гораздо позже. Онъ категорически отвергаетъ всякія попытки объяснить имена Góg и Mâgóg изъ арійскихъ языковъ и этимологію этихъ именъ, предлагаемую Тухомъ и Кнобелемъ и принимаемую Боннелемъ, по которой послѣднее изъ этихъ словъ складывается изъ двухъ разноязычныхъ элементовъ, называетъ просто чудовищною.

Краснорѣчивѣйшимъ подтвержденіемъ нашихъ соображеній, основанныхъ главнымъ образомъ на чертахъ быта скиѳовъ царскихъ и вообще кочевыхъ, служатъ категорическія извѣстія добросовѣстнѣйшаго греческаго изслѣдователя, почти современника галикарнасскаго историка. Мы говоримъ о Гиппократѣ (460—377 до Р. Х.). Знаменитый греческій врачъ пораженъ былъ необыкновеннымъ внѣшнимъ видомъ скиѳовъ, отдѣлявшимъ ихъ отъ другихъ извѣстныхъ ему народовъ и скрывавшимъ для него индивидуальныя черты различныхъ представителей этого народа: »они похожи только на

самихъ себя«, замѣчаетъ онъ, »и нисколько на другихъ«. Цвѣтъ кожи скиѳовъ, по словамъ того-же ученаго, желтый, тѣло ихъ тучное; отсутствіе бороды уподобляетъ мущинъ женщинамъ [1]).

Въ виду всего сказаннаго выше мы считаемъ невозможнымъ не признать въ средѣ геродотовыхъ скиѳовъ туранскихъ [2]) или точнѣе урало-алтайскихъ племенъ. То обстоятельство, что Геродотъ ничего не говоритъ о физическомъ строеніи скиѳовъ, находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что онъ или не наблюдалъ лично собственныхъ скиѳовъ, или не обратилъ вниманія на такія черты, которыя не могли укрыться отъ болѣе испытаннаго въ этомъ отношеніи глаза Гиппократа.

Что населеніе геродотовой Скиѳіи не было однородно, видно уже изъ раздѣленія его на скиѳовъ-землевладѣльцевъ и кочевниковъ. Оно становится еще яснѣе въ виду такихъ отзывовъ о скиѳахъ у древнихъ писателей, которые менѣе всего соотвѣтствуютъ военному хищническому строю и образу жизни скиѳовъ царскихъ. Гомеръ называетъ »долителей кобылицъ« (ἱππομόλγοι) справедливѣйшими людьми [3]). Въ отрывкѣ, сохраненномъ намъ Страбономъ [4]), Эсхилъ называетъ скиѳовъ народомъ благонравнымъ. Тотъ-же трагикъ въ своемъ »Промееѣ« изображаетъ скиѳовъ мирнымъ наступескимъ народомъ [5]). Страбонъ сохранилъ изъ »Исторіи Ефора« нѣкоторые отрывки, относящіеся къ скиоамъ и сарматамъ. »Савроматы и скиѳы«, замѣчаетъ историкъ, »далеко не одинаковы по образу жизни; иные до такой степени свирѣпы, что ѣдятъ человѣческое мясо, напротивъ другіе воздерживаются даже отъ употребленія въ пищу животныхъ. Многіе писатели разсказываютъ объ ихъ дикости, писатели, которымъ лично приходилось наблюдать страшное, удивительное и поразительное; но, прибавляетъ онъ, слѣ-

[1]) *De aëri, aquis et locis*. 91. 94. τὰ εἴδεα ὁμοῖα αὐτὰ ἑωυτέοισί εἰσι. 97. 98—10 2.

[2]) Терминъ »туранство« вслѣдствіе своей неопредѣленности долженъ наконецъ уступить мѣсто другимъ болѣе точнымъ.

[3]) *Ibid.*, XIII, 5.

[4]) VII, 3 6.

[5]) Стр. 709 сл.

дуетъ показать и примѣры противнаго. Между кочевниками скиѳами есть народы, которые питаются только кумысомъ и отличаются при этомъ замѣчательною честностью и справедливостью«[1]). Впрочемъ у самого Геродота имѣются свидѣтельства подобнаго рода. Такъ, онъ отличаетъ скиѳовъ отъ невѣжественнѣйшихъ народовъ Понта и говоритъ о мудрости ихъ[2]). Въ разсказѣ о дарієвомъ походѣ онъ называетъ скиѳовъ народомъ мирнымъ.

Всѣ подобныя черты, несогласныя съ общимъ характеромъ царскихъ скиѳовъ, понятны, если мы перенесемъ ихъ на земледѣльческіе скиѳскіе народцы, сливпіеся съ первыми въ одно политическое цѣлое. Скиѳы-земледѣльцы отличались отъ царскихъ не только по степени культуры и образу жизни, но и по національности. Въ противномъ случаѣ трудно допустить, чтобы одинъ только Гиппократъ сохранилъ намъ извѣстія о физическомъ строеніи скиѳовъ—разумѣются царскіе,—о строеніи, выдѣлявшемъ ихъ, по словамъ греческаго врача, въ народъ совершенно особый.

Мы не знаемъ ни одного серьезнаго аргумента противъ принимаемаго нами раздѣленія скиѳскихъ обитателей южной Россіи въ V в. до Р. Х. Напротивъ, наше мнѣніе согласуется съ общимъ движеніемъ народовъ изъ Азіи въ Европу и съ топографіей скиѳскихъ народцевъ, извѣстной намъ по Геродоту. Скиѳы царскіе, какъ пришедшіе сюда послѣ земледѣльческихъ, заняли земли къ востоку и сѣверу лежащія отъ ихъ предшественниковъ на скиѳской территоріи. Урало-алтайскія орды покорили древнее арійское населеніе, понизили его культуру, утвердили деспотическій политическій строй, стараясь къ тому-же оградить себя отъ всякихъ иноземныхъ вліяній. Эти послѣднія усилія не увѣнчались полнымъ успѣхомъ: арійская часть Скиѳіи уступала вліянію греческой культуры, она выдѣлила изъ себя каллипидовъ, смѣшавшихся съ греческими колонистами и образовавшихъ еллино-скиѳовъ.

Неразрѣшимымъ остается вопросъ о томъ количественномъ отношеніи, въ какомъ соединены были въ геродотовой Скиѳіи племена арійскія и не-арійскія. Правда, у Геродота есть одно замѣчаніе, изъ котораго позволительно заключить, что господствующіе

---

[1]) VII, 3, 9. р.

[2]) IV, 4 6.

скиѳы не составляли по крайней мѣрѣ значительнаго большинства въ общемъ скиѳскомъ населеніи. »Численности скиѳовъ«, замѣчаетъ историкъ, »я не могъ узнать; но слышалъ объ этомъ различныя мнѣнія, потому что ихъ и очень много, и мало, *какъ скиѳовъ*«[1]). Само собою разумѣется, названіе скиѳовъ употреблено здѣсь въ смыслѣ геродотовыхъ скиѳовъ, а не въ общемъ смыслѣ всѣхъ варварскихъ народовъ, жившихъ къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Чернаго моря. Слѣдовательно самъ историкъ готовъ понимать подъ своими скиѳами то одну часть ихъ, конечно, скорѣе всего царскихъ скиѳовъ, то всѣ народцы, названные имъ общимъ именемъ. Производствомъ провѣрки населенія, сдѣланной Аріантою, царь имѣлъ въ виду привести въ извѣстность всѣхъ плательщиковъ податей въ его владѣніяхъ; таковыми были прежде всего подчиненныя царскимъ скиѳскія племена; они-то и увеличивали до значительной цыфры количество скиѳовъ. Самый памятникъ общенародной переписи Геродотъ видѣлъ не въ странѣ царскихъ скиѳовъ, что по ту сторону Герроса, но въ Ексампаѣ, въ землѣ скиѳовъ-пахарей, по сю сторону Гипаниса (Буга). Весьма вѣроятно впрочемъ, что ближайшими по расѣ къ царскимъ были такъ названные у Геродота скиѳы-номады, названіе, несомнѣнно представляющее передѣлку на греческій ладъ какого-либо туземнаго народнаго имени. Во всякомъ случаѣ названію этому долженъ былъ отвѣчать вполнѣ кочевой образъ жизни этого народца, являющагося у греческаго историка какъ-бы номадами по преимуществу.

Слѣдовательно, если Геродотъ превосходилъ своихъ предшественниковъ и нѣкоторыхъ изъ преемниковъ въ географической и этнографической точности описанія Скиѳіи, то все-таки свѣдѣнія его объ этой странѣ и ея населеніи были не на столько достаточны, чтобы дать намъ вѣрное представленіе о составѣ того населенія, которое по имени господствующей расы получило общее наименованіе скиѳовъ.

Въ заключеніе намъ остается разсмотрѣть доводы почтеннаго московскаго профессора, Всев. Ѳед. Миллера въ пользу иранства скиѳовъ[2]). »Изъ всѣхъ догадокъ«, говоритъ онъ, »предложенныхъ о

[1]) IV, 60.

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1882 г., авг. Стр. 191—207.

національности сарматовъ и скиѳовъ, до сихъ поръ наибольшаго вниманія заслуживаетъ гипотеза Цейсса и Мюлленгофа, которые на основаніи данныхъ языка (разбора собственныхъ именъ) видятъ въ этихъ народахъ иранцевъ, нѣкогда тронувшихся вмѣстѣ съ другими индо-европейскими народами въ Европу и затѣмъ затертыхъ въ южной Россіи другими уже не индо-европейскими народами, постоянно надвигавшимися съ востока. Мы думаемъ, что эту гипотезу слѣдуетъ ограничить въ томъ смыслѣ, что имена *скиѳъ* и *иранецъ* не покрываютъ другъ друга; мы считаемъ вѣроятнымъ только то, что подъ именемъ скиѳовъ скрывались племена индо-европейскія, и въ числѣ ихъ въ восточныхъ частяхъ Скиоіи, по сѣверному побережью Понта, главнымъ образомъ въ бассейнѣ Дона, были и иранцы«.

Вс. Ѳ. Миллеръ, извѣстный между прочимъ изслѣдованіями объ осетинахъ, подкрѣпляетъ предположеніе свое ссылкою на нѣкоторые обычаи осетинскаго народца, принадлежащаго къ иранцамъ, сходные съ обычаями геродотовскихъ скиѳовъ. Такъ, въ народныхъ осетинскихъ сказаніяхъ сохранились слѣды скальпированія, напоминающіе тотъ же обычай у скиѳовъ. Но между двумя народами замѣчается въ этомъ отношеніи и не маловажная разница, опускаемая почтеннымъ ученымъ: въ сказаніи объ осетинскомъ героѣ Созрыко шубы сшиваются изъ кожъ ближайшихъ родственниковъ: отцовъ, братьевъ, мужей, тогда какъ у скиѳовъ жертвами скальпированія были только враги. Подобный обычай не чуждъ и уралоалтайскимъ народамъ, а также дикарямъ сѣверной и южной Америки [1]).

Далѣе почтенный ученый обращаетъ вниманіе на способы гаданія осетиновъ, аналогичные скиѳскимъ, записаннымъ у Геродота [2]), именно, посредствомъ палочекъ и липовыхъ лентъ, приготовленныхъ изъ лубка и наматываемыхъ на пальцы. Но второй способъ извѣстенъ также калмыкамъ, а первый гораздо ближе къ способу гаданія шамановъ, записанному Гмелинымъ въ его путешествіи по Сибири [3]). »Послѣ непродолжительнаго тихаго бормотанія«, замѣ-

---

[1]) K. Neumann, *O. c.*, стр. 304. Л. Воеводскій, *O. c.*, стр. 26 сл.

[2]) IV, 67.

[3]) Gmelin, *Reise durch Sibirien*. I, 290. Neumann, *O. c.*, стр 265.

чаетъ путешественникъ, »колдунъ бралъ пучокъ мелкихъ палочекъ, какъ бы сѣрныхъ лучинокъ. Въ такомъ пучкѣ содержится 49 палочекъ, подобно тому, какъ гадатели черемисскіе, чувашскіе и вотякскіе имѣютъ (для этой цѣли) 49 бобовъ. Вскорѣ послѣ этого онъ выбиралъ изъ пучка пять палочекъ и клалъ ихъ особо. Съ остальными онъ игралъ, бросая ихъ то туда, то сюда, а затѣмъ вытягивалъ то одну, то другую. Процедура длилась не долго, и колдунъ произносилъ гаданіе«. У Геродота гадатели, которыхъ у скиѳовъ было много, кладутъ на землю большіе пучки палочекъ, развязываютъ ихъ, раскладываютъ по одной палочкѣ порознь и произносятъ прорицанія; потомъ опять собираютъ ихъ по одной и складываютъ въ пучки.

Въ похоронныхъ обрядахъ осетиновъ участвуютъ не одни родственники покойнаго, но весь аулъ его или даже вся окрестность, какъ у скиѳовъ. Погребеніе сопровождается обильнымъ угощеніемъ; поминки по умершемъ повторяются въ теченіи перваго года послѣ смерти до двѣнадцати разъ; при погребеніи обязательно для ближайшихъ родственниковъ выраженіе сильнѣйшей скорби и горя, а въ прежнее время, о чемъ свидѣтельствуютъ надгробные памятники, съ покойникомъ погребали коня и различные нужные для него предметы.

Всѣ эти черты, разумѣется, близко напоминаютъ скиѳскіе похороны [1]). Но дѣло въ томъ, что аналогіи болѣе многочисленныя и болѣе полныя содержатся въ трудахъ новыхъ ученыхъ о монгольскихъ народахъ [2]).

Вс. Ѳ. Миллеръ упоминаетъ еще о богатырской чашѣ, слѣды употребленія которой сохранились въ осетинскихъ сказаніяхъ. Это— чаша, подобная той, въ которой правитель каждой скиѳской области (νομάρχος) ежегодно замѣшивалъ вино; причемъ изъ чаши имѣли право пить только тѣ скиѳы, которые убивали непріятелей; никого не убившіе не допускались къ чашѣ и сидѣли въ отдаленіи [3]).

Впрочемъ вообще мы полагаемъ, что придавать большое значеніе сближенію геродотовыхъ скиѳовъ съ нынѣшними осетинами нельзя; нельзя и пользоваться этимъ сближеніемъ для подкрѣпле-

[1]) IV, 71—73.

[2]) I. C. F. Baehr. *Herodotos*. Примѣчанія къ главамъ, сюда относящимся.

[3]) IV, 66.

нія гипотезы объ иранствѣ скиѳовъ. Во-первыхъ, далеко недостаточно извѣстны прошлыя судьбы этого небольшаго горнаго народа, его отношенія въ прошломъ къ другимъ народамъ, отличнымъ отъ него по расѣ и языку. Во-вторыхъ, на настоящей своей территоріи, въ горныхъ ущельяхъ Кавказа, осетины стиснуты многими народцами никакъ уже не-арійскаго, но скорѣе всего урало-алтайскаго типа, каковы: чеченцы, грузины, кабардинцы и др. Самъ г. Миллеръ замѣчаетъ, что »многія имена нартовъ—богатырей общи у кабардинцевъ, балкарцевъ и осетинъ: всѣ три народа знаютъ нартовъ Хамица, Сосруко, Батраза, Сирдона и хитроумную богатыршу Сатáну«. Между тѣмъ главнѣйшія черты быта осетиновъ, сближаемыя авторомъ съ скиѳскими обычаями, заимствуются имъ изъ сказаній о богатыряхъ Сосруко и Батразѣ. Авторъ самъ предостерегаетъ изслѣдователей дѣлать обобщенія относительно прошлой исторіи осетинъ на основаніи ихъ эпоса, детальная разработка котораго до сихъ поръ еще не начиналась даже; онъ самъ оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, какой именно изъ сѣверо-кавказскихъ народовъ создалъ главные типы нартовъ; онъ даже дѣлаетъ догадку, что кабардинскій эпосъ сильно повліялъ на осетинскій, а послѣдній и кабардинскій на сказанія балкарцевъ; но ни кабардинцы, ни балкарцы не принадлежатъ къ иранцамъ, ни вообще къ арійской семьѣ народовъ.

Въ виду этого трудно, если не совсѣмъ невозможно отрицать многообразныя вліянія урало-алтайскихъ народцевъ на иранскихъ осетиновъ; тѣмъ менѣе возможно полагаться на нѣкоторыя отдѣльныя черты сходства между геродотовыми скиѳами и нынѣшними осетинами въ доказательство иранства первыхъ.

Положеніе и бытъ осетиновъ въ виду занимающаго насъ вопроса представляется поучительнымъ въ другомъ смыслѣ: судьба этого иранскаго народца показываетъ намъ, какъ племя высшее по расѣ и по способности къ культурѣ можетъ при извѣстныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ уступить вліяніямъ племенъ низшей расы, въ особенности, если эти послѣднія подобно царскимъ скиѳамъ Геродота оказываются въ положеніи господъ. Присутствіе арійскихъ иранцевъ въ геродотовой Скиѳіи, занимавшихся земледѣліемъ, отличавшихся миролюбивымъ характеромъ и охотно сближавшихся съ греческими поселенцами, весьма вѣроятно; но едва-ли можетъ под-

лежать сомнѣнію, что господствующею частью населенія Скиѳіи были орды урало-алтайскаго типа, нѣкоторыя физическія черты котораго засвидѣтельствованы для насъ писателемъ, не уступающимъ по добросовѣстности и достовѣрности отцу исторіи, именно Гиппократомъ. Можно сказать съ увѣренностью, что Геродотъ съ своими пріемами изслѣдованія, съ своимъ знаніемъ варварскихъ языковъ не исключилъ бы осетиновъ изъ общей группы кавказскихъ народцевъ, какъ онъ соединилъ однимъ именемъ скиѳовъ-аріевъ и скиѳовъ—урало-алтайцевъ.

Такимъ образомъ мы пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) отецъ исторіи замѣнилъ прежнее слишкомъ общее *географическое* названіе скиѳовъ терминомъ *политическимъ* и тѣмъ ограничилъ географическое понятіе скиѳскихъ народовъ; но политическое единство скиѳовъ и недостаточность пріемовъ наблюденія помѣшали ему различить въ составѣ скиѳскаго населенія племена различныя по расѣ, арійскія и урало-алтайскія; 2) къ арійскимъ слѣдуетъ причислять каллипидовъ, алазоновъ, скиѳовъ-земледѣльцевъ и пахарей, остававшихся въ томъ полукочевомъ-полуосѣдломъ образѣ жизни, къ которому перешли общіе арійскіе предки индо-европейскихъ народовъ еще до разселенія ихъ на отдѣльныя мѣста жительства въ Азіи и Европѣ; 3) къ урало-алтайской группѣ принадлежали скиѳы-кочевники, прежде всего царскіе скиѳы, пришедшіе сюда послѣ арійскихъ народцевъ и раньше тѣхъ не скиѳскихъ племенъ, которыя въ описаніи Геродота ограничиваютъ скиѳское населеніе юга Россіи съ запада, сѣвера, востока, и отчасти съ юга (арійскіе народцы не чуждались еллинской культуры и содѣйствовали распространенію ея дальше къ сѣверу отъ греческихъ колоній, между тѣмъ скиѳы-урало-алтайцы отличались крайнею нетерпимостью ко всему чужеземному) и 4) терминъ »царскихъ« скиѳовъ долженъ быть удержанъ въ греческомъ текстѣ, такъ какъ къ замѣнѣ »базилеевъ« »барзилеями« у насъ нѣтъ достаточныхъ основаній.

В. Мищенко.

ЗАПИСКИ
Петра Димитріевича Селецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 годъ.

(Продолженіе)[1]).

VIII.

Въ Лейпцигъ я пріѣхалъ утромъ; городъ былъ очень оживленъ и многолюденъ; я въ немъ пробылъ нѣсколько дней, познакомился съ нѣкоторыми студентами, съ Феликсомъ Мендельсономъ Бертольди, у котораго провелъ два вечера и былъ очарованъ его любезностью и игрою на фортепьяно. Блестящи были импровизаціи и фантазіи Листа, но и Мендельсоновы немногимъ уступали имъ. Въ игрѣ Мендельсона было болѣе мягкости, нѣжности; она не потрясала, но глубоко проникала въ душу, и необыкновенно удачное сочетаніе оригинальной гармонизаціи съ нѣжучей мелодіей ласкало слухъ и приводило слушателя въ самое пріятное настроеніе. Отлично образованный, умный и въ высшей степени симпатичный, Мендельсонъ пріобрѣлъ во мнѣ искренняго поклонника своему геніальному таланту. Онъ просматривалъ мои музыкальныя со-

[1]) См. „Кіевская Старина", 1884 г., апр. кн., стр. 609—633.

чиненія, нашелъ ихъ очень удовлетворительными для любителя, далъ нѣсколько дѣльныхъ совѣтовъ, и рекомендовалъ мнѣ въ Дрезденѣ Рейсигера для инструментовки и Дотцауера для уроковъ контрапункта. Жена Мендельсона, милая и привѣтливая дама, весьма не дурная собою, произвела на меня пріятное впечатлѣніе.

Дрезденъ.

Изъ Лейпцига я переѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Дрезденъ, Городъ этотъ мнѣ очень понравился: незатѣйливыя, но красивыя зданія, узкія, но чисто содержимыя улицы, спокойствіе и миръ, въ немъ царствовавшіе, патріархальный образъ жизни, простота и дешевизна были мнѣ по сердцу. Я нанялъ маленькую, уютную квартиру въ двѣ комнаты въ Marien-strasse, въ домѣ, гдѣ жилъ извѣстный скрипачъ Липинскій, познакомился съ нимъ, а у него съ Рейсигеромъ и Дотцауеромъ, и началъ съ ними прерванные въ Берлинѣ музыкальные уроки. Какъ тотъ, такъ и другой излагали свои предметы точно, ясно и занимательно, и въ короткое время я инструментировалъ довольно порядочно мои сочиненія, написанныя для фортепьяно, постигъ всю премудрость фуги и перешелъ къ канону. У Липинскаго каждую недѣлю, по средамъ, собирались музыкальныя знаменитости Дрездена, исполняли квартеты. Первую скрипку игралъ всегда почти хозяинъ, вторую Шубертъ, на віолончели попеременно игрывали Дотцауеръ и Куммеръ. Высокое наслажденіе доставляли мнѣ эти квартетные вечера, я не пропускалъ ни одного, и постоянно вращался въ артистическомъ тѣсномъ кругу. Расположеніе духа было печальное, но спокойное; безмятежное существованіе и музыкальныя развлеченія помирили меня съ моимъ положеніемъ. Каждое воскресенье я отправлялся въ католическую церковь слушать превосходное исполненіе церковной музыки. Дирижировалъ всегда Рейсигеръ. Раза два, три въ недѣлю бывалъ въ нѣмецкой оперѣ въ новомъ отлично отдѣланномъ театрѣ.

Дрезденскій королевскій оркестръ считался лучшимъ въ Европѣ въ то время, и дѣйствительно состоялъ изъ первоклассныхъ артистовъ. Достаточно сказать, что первымъ капельмейстромъ былъ Рейсигеръ, кто-

рымъ Р. Вагнеръ, первыми скрипками: Липинскій и Шубертъ, віолончелями: Дотцауеръ и Куммеръ, валторной: Леви, кларнетомъ: Бекманъ, флейтой: Фюрстенау. Хоры были превосходны; первыя роли исполнялись: г-жею Шредеръ-Девріенъ, дѣвицей Тучекъ, гг: Ботигеромъ и Тихачекъ. Постановка была весьма удовлетворительная. Въ особенности хорошо шли: Фрейшюцъ Вебера, жившаго въ двадцатыхъ годахъ въ Дрезденѣ и дирижировавшаго оперой, Гугеноты Мейербеера и Різнци Вагнера. Самое зданіе театра, вновь построенное и отдѣланное, не очень велико, но чрезвычайно красиво.

Съ Вагнеромъ я познакомился у Рейсигера. Личность замѣчательная, и въ высшей степени талантливая. Онъ самъ написалъ либретто къ своей операѣ и инструментировалъ ее оригинально. Многимъ не нравилась шумная трескотня духовыхъ инструментовъ въ оркестровкѣ и излишняя речитативность въ композиціи; но тогда уже въ немъ проглядывала геніальность. Вагнеръ былъ пріятнымъ и любезнымъ собесѣдникомъ во всемъ, что не касалось политики; но если заходила рѣчь о политическихъ или соціальныхъ вопросахъ, онъ становился довольно непріятенъ своими рѣзкими выраженіями и слишкомъ либеральнымъ, радикальнымъ образомъ мыслей. Въ этихъ вопросахъ я велъ съ нимъ ожесточенную борьбу. По рожденію, воспитанію и національности я былъ консерваторомъ и не могъ равнодушно слушать крайнихъ убѣжденій Вагнера, совершенно противоположныхъ моимъ. Впрочемъ мы оставались добрыми друзьями.

Кромѣ увѣдомленія Кранаха, что письмо мое передано, другихъ извѣстій изъ Берлина не имѣлъ.

Послѣ мирнаго шестинедѣльнаго пребыванія въ Дрезденѣ, судьба свела меня съ однимъ соотечественникомъ, близкимъ сосѣдомъ по полтавской деревнѣ, отставнымъ гвардіи поручикомъ З., раненымъ на Кавказѣ въ грудь пулею на вылетъ. З. лѣчился въ Германіи болѣе года и пріѣхалъ на зиму въ Дрезденъ. Хотя я мало былъ съ нимъ знакомъ на родинѣ, но за границей русскіе легко сближаются другъ съ другомъ, и мы вскорѣ сдѣлались пріятелями. З. предложилъ мнѣ нанять общую квартиру просторнѣе моей, отыскалъ очень удобное помѣщеніе помѣсячно въ гостинницѣ »Zum goldenen Hirsch«,

и мы тамъ поселились. Имѣли четыре комнаты; переднюю, довольно большую гостинную, и двѣ спальни, обзавелись лакеемъ и получали столъ отъ содержателя гостинницы, весьма не дурной, и за умѣренную условленную плату; пріобрѣли много знакомыхъ; если не отправлялись въ театръ, по вечерамъ бывали дома и принимали посѣтителей; изъ нихъ я въ особенности полюбилъ стараго моего знакомаго Вальтера, лѣчившаго З., и Ганса Ганфестенгеля, талантливаго живописца. Докторъ Вальтеръ начиналъ имѣть уже небольшую практику у русскихъ путешественниковъ, а Ганфестенгель занимался тогда литографированіемъ замѣчательнѣйшихъ картинъ дрезденской галлереи. Онъ нѣсколько разъ сопровождалъ меня въ галлерею и останавливалъ вниманіе на знаменитыхъ произведеніяхъ живописи. Изъ нихъ особенное впечатлѣніе произвела на меня Сикстинская Мадонна Рафаэля; каждое посѣщеніе галлереи не обходилось безъ того, чтобы я не посвятилъ нѣсколько времени этому геніальному произведенію; потомъ — св. ночь Корреджіо и Cristo della moneta Тиціана; часто любовался я также великолѣпными пейзажами Рюйздаля.

Вскорѣ наши вечерніе пріемы обратились въ пирушки; ужины съ шампанскимъ, по русскому обычаю, заканчивали вечера, продолжавшіеся иногда далеко за полночь, вопреки принятымъ въ Дрезденѣ обычаямъ. Тамъ обѣдывали въ часъ; въ десятомъ всякое движеніе по улицамъ прекращалось и въ десять всѣ уже покоились. Насъ начали считать богатыми иностранцами съ большими причудами. Собранія эти впрочемъ развлекали меня и разнообразили пустоту дрезденской жизни и домашняго быта. З. очень скоро надоѣлъ мнѣ своими претензіями на умъ и образованность: въ существѣ это былъ не глупый, но довольно пошлый господинъ, не умѣвшій правильно писать по русски и понимавшій французскій языкъ по своему; получивъ воспитаніе въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, онъ гордился своею ученостью, но считалъ нужнымъ дополнить образованіе путешествіями и чтеніемъ; читалъ постоянно французскіе романы и въ нихъ почерпалъ звучныя фразы, которыми старался украсить свою рѣчь; никогда не забуду, какъ онъ потѣшилъ меня однажды. Окончивъ чтеніе »Людовика XIV« Александра Дюма, З. увѣрялъ меня, что Людовикъ XIV обладалъ необыкновен-

нымъ аппетитомъ, потому что у него было два желудка, какъ ни старался я ему объяснить, что выраженіе: double capacité вовсе не означаетъ двухъ желудковъ, а двойную способность одного желудка, З. не хотѣлъ мнѣ вѣрить, началъ спорить и остался при своемъ убѣжденіи.

Подобное товарищество по квартирѣ не разъ заставляло меня пожалѣть объ Алларѣ и мысленно переноситься въ Берлинъ.

Образъ Наимы часто представлялся моему воображенію, нерѣдко помышлялъ я о возвращеніи въ Берлинъ, но долгъ чести останавливалъ меня. Ни разу ей не писалъ, и въ прощальномъ письмѣ не говорилъ о предположенномъ мѣстопребываніи, да и самъ не зналъ, куда поѣду и сколько гдѣ проживу.

Я началъ писать симфонію для оркестра, первое мое произведеніе въ этомъ родѣ; и говорить нечего, что оно принадлежитъ вполнѣ Наимѣ. Первая часть: Allegro agitato въ F-хольномъ тонѣ заключаетъ въ себѣ оригинальный мотивъ, которому я старался придать еврейскій характеръ; вторая: Andante con moto, As dur, чисто въ рускомъ стилѣ и напоминаетъ одну изъ велукорусскихъ пѣсень; третья Scherzo Allegro, минорная, но игривая мелодія, потомъ Trio въ мажорномъ тонѣ; четвертая: Finale Allegro не богатая музыкальными идеями, но тщательно разработанная и испещренная контрапунктомъ. Окончивъ симфонію, я показалъ ее Рейсигеру; онъ исправилъ два-три мѣста въ инструментовкѣ, одобрилъ разработку мелодіи и строгое исполненіе симфоническихъ правилъ и сказалъ, что симфонія моя можетъ быть исполнена королевскимъ оркестромъ. Каждый имѣлъ право требовать исполненія музыкальныхъ своихъ и другихъ сочиненій отъ королевскаго оркестра въ свободное отъ его обязательныхъ занятій время, съ платою по 25 талеровъ за два часа въ кассу вдовъ и сиротъ музыкантовъ, служившихъ въ оркестрѣ. Эта плата въ концѣ года составляла довольно порядочную сумму. Содержаніе-же оркестра вообще не обходилось дорого. Достаточно сказать, что такая знаменитость, какъ Лининскій, получалъ всего двѣ тысячи талеровъ въ годъ, Фюрстенау полторы тысячи, Дотцауэръ и Куммеръ по шестисотъ; чрезъ 25 лѣтъ службы жалованье обращалось въ пенсію.

Исполненіе моей симефоніи было назначено въ 11 часовъ утра, въ пятницу на пятой недѣлѣ великаго поста. Первый разъ ее сыграли безъ репетиціи: дирижировалъ Рейсигеръ, музыканты наговорили мнѣ множество любезностей, во второй разъ Рейсигеръ заставилъ меня дирижировать. Какъ ни былъ я слабъ въ этомъ родѣ музыкальныхъ упражненій, съ артистами королевскаго оркестра дирижированье собственнаго сочиненія не представляло большихъ трудностей и исполненіе вышло удачнѣе перваго, въ особенности второй части симфоніи, гдѣ русская мелодія подъ мановеніемъ моей капельмейстерской палочки очертилась рельефнѣе и произвела большой эффектъ. Но съ комплиментами выразилось и недовѣріе къ моему творчеству. Первый гобоистъ подошелъ къ Дотцауэру и до меня долетѣли слова: не могу допустить, чтобы вся симфонія была написана молодымъ русскимъ,—она такъ гармонизована, что требуетъ глубокихъ познаній въ контрапунктѣ, и я не сомнѣваюсь, что вы принимали большое участіе въ этой композиціи. Дотцауэръ увѣрялъ скептика, что не перемѣнилъ въ моей симфоніи ни одной ноты, но что Рейсигеръ дѣйствительно исправилъ мѣстами оркестровку.

Ганфстенгель познакомилъ меня съ польскимъ семействомъ отставного полковника наполеоновскихъ войскъ Z. Вполнѣ онѣмеченное семейство состояло изъ отца, матери и двухъ дочерей. Старшая, очень красивая блондинка, была въ разводѣ съ мужемъ, меньшая, очень не красивая, но умная и привѣтливая, была дѣвицей.

Ганфстенгель бывалъ у нихъ часто, но ничего не говорилъ мнѣ о своихъ отношеніяхъ къ старшей дочери Z. Однажды, въ вечеру, за чашкой чая, я разсказывакъ имъ, какъ мы съ Ганфстенгелемъ пріятно провели вечеръ у Шарлотты Гагенъ, извѣстной актрисы. Замѣчаю, что старшая дочь Z. то блѣднѣетъ, то краснѣетъ, наконецъ падаетъ въ обморокъ. Когда ее привели въ чувство, мы ушли, Гаписъ сталъ укорять меня въ неумѣстной шуткѣ, полагая, что давно долженъ былъ догадаться о его интригѣ съ красивой блондинкой. Я его увѣрялъ въ противномъ, пожурилъ за излишнюю скромность и мы разстались совершенными друзьями.

На вербной недѣлѣ я получилъ деньги изъ дому; переводъ тогда дѣлался чрезъ домъ Штиглица въ Петербургѣ, и кредитива прислана

на мое имя для полученія денегъ въ Дрезденѣ у банкира К. Сходство фамиліи этого банкира съ фамиліей отца Наимы меня поразило. Отправляюсь въ контору и узнаю, что дрезденскій банкиръ двоюродный братъ берлинскому К. Я изъявилъ желаніе съ нимъ видѣться, и въ дрезденскомъ представителѣ богатаго банкирскаго дома нашелъ двойника отца Наимы, только помоложе. Тотъ-же не красивый еврейскій типъ, та-же непривѣтливость. Я съ нимъ переговорилъ о курсѣ, о будущихъ переводахъ денегъ и откланялся. Курсъ стоялъ тогда для насъ очень выгодный, за сто рублей плотили сто десять талеровъ. О знакомствѣ съ семействомъ Наимы я умолчалъ; въ банкирѣ было что-то отталкивающее и не располагающее къ дальнѣйшему знакомству.

Въ вербное воскресенье въ зданіи стараго театра назначено было исполненіе ораторіи Мендельсона: Paulus и 3-й симфоніи Бетховена. Дожидали пріѣзда Мендельсона; онъ долженъ былъ дирижировать. Я запасся билетами какъ на генеральную репетицію, такъ и на исполненіе ораторіи. З. не пожелалъ слушать серьёзной, но очень скучной, по его понятіямъ, музыки.

Мое мѣсто было въ ложѣ бель-этажа на оба вечера; къ генеральной репетиціи пріѣхалъ Мендельсонъ, но я его не видѣлъ и не слышалъ его замѣчательнаго Паулуса; подлѣ моей ложи, съ лѣвой стороны, точь въ точь какъ въ Гарнизонъ-кирхѣ въ Берлинѣ, сидѣла Наима, а за нею Лея и незнакомый мнѣ господинъ. Появленіе ихъ въ сосѣдней ложѣ, показалось мнѣ сначала призрачнымъ видѣніемъ, но я вскорѣ убѣдился въ счастливой дѣйствительности. Наима заговорила со мной. Голосъ ея дрожалъ, она была взволнована, глаза свѣтились такимъ выраженіемъ сочувствія и любви, что я не помнилъ себя отъ радости; въ антрактахъ мы говорили довольно громко, и она представила мнѣ своего родственника, сына дрезденскаго банкира; во время репетиціи мы перешептывались. Что мы говорили другъ другу, вспомнить не могу: я находился въ слишкомъ возбужденномъ состояніи духа, но не забуду никогда заключительныхъ словъ Наимы: знай, что я твоя, на вѣкъ твоя, чтобы ни случилось.

Мы сговорились видѣться на слѣдующій день въ картинной галереѣ, гдѣ провели цѣлое утро, удаляясь въ комнаты менѣе посѣщае-

мыя публикой. Здѣсь Наима сообщила мнѣ, что пріѣхала съ Леей погостить накороткѣ у банкира К. и затѣмъ располагала ѣхать съ сестрой въ Малагу, что жизнь въ Берлинѣ стала ей невыносимой съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ и отецъ узналъ о ея привязанности ко мнѣ, а скрывать эту привязанность, послѣ неожиданнаго моего отъѣзда, она была не въ силахъ, часто плакала, постоянно грустила. Рѣшились послать ее въ Малагу въ надеждѣ, что время и путешествіе разсѣятъ ее. Разговоръ не могъ быть послѣдовательнымъ; намъ мѣшали.

Въ вечеру мы опять были вмѣстѣ на исполненіи ораторіи Мендельсона, и условились сойтись на другое утро въ »Hôtel de saxe«, гдѣ я долженъ былъ приготовить комнату съ особеннымъ входомъ. Принять меня у своего родственника, банкира К. Наима не могла, а переговорить съ ней безъ свидѣтелей было необходимо.

Рано утромъ, въ понедѣльникъ, я былъ уже на ногахъ, отправился къ содержателю „Hôtel de saxe“, съ которымъ былъ знакомъ, посѣщая иногда знакомыхъ въ его гостинницѣ, и условился съ нимъ на счетъ отдѣльнаго помѣщенія на короткое время для родственницы моей.

Съ 10 часовъ утра я ждалъ Наиму на площади не далеко отъ Саксонской гостинницы. Волненіе, нетерпѣніе, смутное ожиданіе длили время, оно казалось мнѣ безконечнымъ; около 11-ти часовъ я замѣтилъ даму, всю въ черномъ, съ опущеннымъ вуалемъ, приближающуюся медленнымъ, но твердымъ шагомъ къ гостинницѣ; я подошелъ, то была Наима; я ей подалъ руку, и мы отправились въ приготовленный номеръ.

Она подняла вуаль, сняла шляпку и я остолбенѣлъ отъ удивленія и восторга. Никогда еще Наима не представлялась мнѣ такою красивою, такою величественною. Матовая блѣдность ея лица была оживлена яркимъ румянцемъ, огненный взглядъ, въ которомъ выражалась непреклонная сила воли, придавалъ какую-то особенную, чарующую прелесть ея чуднымъ глазамъ. Невольно я опустился на колѣна и палъ къ ея стопамъ. Въ безмолвіи, въ упоеніи наслаждался я дивною ея красотой, впивался взглядомъ въ ея правильныя, тонкія черты. Она наклонилась, напечатлѣла на челѣ моемъ жгучій поцѣлуй и приподняла меня. Я бросился къ ней, обнялъ и продолжительный поцѣлуй въ уста

скрѣпилъ наши чувства навсегда. Вѣчно памятный день! Съ нимъ взошла новая заря моей жизни, предстала будущность, полная счастія и любви.

Два часа просидѣли мы въ Саксонской гостинницѣ и переговорили обо всемъ. Не обошлось безъ борьбы въ великодушіи. Наима рѣшилась оставить сестру и слѣдовать всюду за мною, прервать всѣ связи съ семействомъ и отдать мнѣ все, что было дорого ея сердцу, съ однимъ условіемъ, чтобы между нами никогда не былъ возбуждаемъ религіозный вопросъ,—какъ ни старался я убѣдить ее, что съ соблюденіемъ послѣдняго условія, я не считалъ-бы себя вправѣ воспользоваться ея рѣшимостью и не могъ-бы взамѣнъ громадныхъ жертвъ, ею приносимыхъ, дать ей моего имени.

Насъ благословитъ Богъ, отвѣтила Наима; одинъ Богъ на небесахъ, и предъ Нимъ я буду твоею женою, а ты моимъ мужемъ; даю Ему обѣтъ вѣчно любить тебя и принадлежать тебѣ; въ твоей любви не сомнѣваюсь.

Кто-бы устоялъ противъ этого искренняго, высокаго проявленія чувства? Я впрочемъ не пошелъ на сдѣлку съ своей совѣстью и далъ также обѣтъ осуществить завѣтную мою мечту не только предъ Богомъ, но и предъ людьми. Время, обстоятельства, думалъ я, поколеблютъ непреклонность Наимы въ религіозномъ отношеніи, и дадутъ мнѣ возможность назвать ее по праву моей супругой.

Меня затруднялъ еще одинъ вопросъ—вопросъ о Леи. Я очень любилъ и уважалъ сестру Наимы, она всегда была благосклонно ко мнѣ расположена, и мнѣ казалось неделикатнымъ, недостойнымъ да и не возможнымъ скрыть отъ нея наше рѣшеніе.

— Не безпокойся, сказала Наима, я переговорила съ Леей. Она сначала употребила все свое краснорѣчіе и всю свою привязанность, чтобы отговорить меня отъ свиданія съ тобою здѣсь, и удержать отъ принятаго рѣшенія; но когда увидѣла, что я непреклонна, объявила, что препятствовать мнѣ не будетъ, пожелавъ счастья, въ которомъ впрочемъ убѣждена, зная твой благородный характеръ; обѣщала даже скрыть до поры до времени мое отсутствіе изъ ея дома отъ отца и тетушки.

Послѣ этого всѣ сомнѣнія мои разсѣялись, и на другой день сговорились мы собраться въ Саксонской гостинницѣ утромъ, съ тѣмъ, чтобы въ вечеру уѣхать изъ Дрездена въ Италію.

Весь день провелъ я въ приготовленіяхъ къ отъѣзду, наскоро уложилъ необходимыя въ путешествіи вещи, остальныя сложилъ въ сундукъ и отправилъ на храненіе содержателю Саксонской гостинницы. Ночь провелъ безъ сна: избытокъ счастья, близкое осуществленіе несбыточныхъ надеждъ волновали меня. Къ этому прибавилось безпокойство, какъ объяснить матери моей мои отношенія къ Наимѣ, какъ склонить ее на согласіе благословить со временемъ бракъ нашъ и принять въ домъ мою жену. Затрудненія эти устранялись любящимъ сердцемъ: мнѣ казалось, какой то тайный голосъ нашептывалъ мнѣ, что когда увидятъ мою Наиму, когда узнаютъ ее—препятствія исчезнутъ сами собою.

Во вторникъ утромъ я простился съ З., сказавъ ему, что уѣзжаю съ однимъ знакомымъ французомъ въ Парижъ; мы разстались довольно холодно: его самолюбіе не могло извинить моихъ правильныхъ толкованій смысла французской рѣчи и указаній на его ошибки въ русской орфографіи. Разсчитавшись съ содержателемъ »Золотаго Оленя« и слугой, я убѣдился, что у меня оставалась еще довольно значительная сумма для путешествія вдвоемъ.

Въ 11 часовъ я сидѣлъ съ Наимой въ Саксонской гостинницѣ, мы занимались составленіемъ нашего маршрута. Пришла Лея. Ея появленіе привело меня въ смущеніе. Но вскорѣ ласковый тонъ этой превосходной женщины успокоилъ меня.

Я пришла не для того, сказала она, чтобы нарушать ваше спокойствіе и препятствовать вашему счастію, въ этомъ отношеніи я покаряюсь волѣ Провидѣнія, хотя и сдѣлала все, что зависѣло отъ меня, чтобы удержать Наиму; но привязанность ея къ вамъ сильнѣе всѣхъ родственныхъ чувствъ. Будьте счастливы надолго и на столько, сколько можетъ этого желать любящее сердце сестры! Pierre, вы позволяете назвать васъ моимъ братомъ?

Я осыпалъ руки Леи горячими поцѣлуями, увѣрялъ ее въ искренней, постоянной къ ней привязанности, которая въ настоящее время еще болѣе скрѣпляется драгоцѣнными залогами любви и дружбы и отвѣтилъ, что считаю себя счастливымъ возможностью назвать ее моею сестрою. Потомъ Лея объявила намъ, что велѣла перенесть въ нашъ

номеръ всѣ свои вещи вмѣстѣ съ вещами Наимы, чтобы не безпокоить вечернимъ отъѣздомъ своихъ дрезденскихъ редственниковъ, и взяла мѣсто до Праги въ дилижансѣ, отходящемъ въ 9 часовъ вечера, а оттуда располагаетъ ѣхать на Линцъ и Клагенфуртъ до Тріеста, а изъ Тріеста на параходѣ въ Марсель, изъ Марселя моремъ въ Малагу.

Мы ей сообщили наши предположенія. Въ десятомъ часу вечера располагали уѣхать по желѣзной дорогѣ въ Лейпцигъ, оттуда въ дилижансѣ чрезъ Альтенбургъ, Байрейтъ, Нюренбергъ и Регенбургъ до Мюнхена, а изъ Мюнхена чрезъ Инспрукъ и Верону въ Венецію.

Лея и Наима пошли проститься съ своими дрезденскими родственниками; онѣ возвратились въ три часа, къ заказанному мною и сервированному въ номерѣ обѣду. Въ началѣ обѣдъ былъ очень оживленъ, къ концу намъ всѣмъ взгрустнулось.

Послѣ обѣда Лея взяла меня въ сторону и спросила, имѣю ли достаточныя средства для путешествія. На утвердительный мой отвѣтъ, она сказала, что уѣзжая изъ Берлина надолго, просила отца выдать Наимѣ капиталъ, который слѣдовалъ ей отъ матери, въ виду возможности устроить будущность Наимы въ Испаніи, и передала мнѣ, съ паспортомъ сестры, вексель на Ротшильдовъ въ пятьдесятъ тысячъ талеровъ.

Возьмите это, прибавила она, на всякій случай. Въ векселѣ заключается четвертая часть имущества Наимы, тетушка назначаетъ ей столько-же, а по распоряженію отца сй достанется еще сто тысячъ. Довѣріе Леи тронуло меня до глубины души. Я спряталъ паспортъ и передалъ Наимѣ вексель.

Въ восемъ часовъ мы простились съ Леею; разставанье было трогательное: всѣ плакали,

Не прощаюсь съ вами, повторяла Лея, а говорю: до свиданія! Пріѣзжайте ко мнѣ на мою виллу въ Гренадѣ, осенью.

Въ десять часовъ мы мчались скорымъ поѣздомъ, въ отдѣльномъ купе, по дорогѣ въ Лейпцигъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.)

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) [1]).

II.

Харитонъ Моссаковскій не выждалъ и »сорочинъ по батькови« Справивъ *девятины*, онъ пріодѣлся, подбрился, надѣлъ новые, правда простые сапоги, подстригъ не много курчавые свои волосы, запрегъ плохенкую лошаденку и поѣхалъ въ Чайки къ Онисѣ Прокоповичевнѣ...

На той-же недѣлѣ былъ въ Богуславѣ ярмарокъ. На ярмаркѣ были отецъ и мать Прокоповичи. Здѣсь встрѣтили они сосѣдей и сосѣди, какъ по писанному, разсказали имъ всю »гарбузовую« исторію, какую продѣлала дочь ихъ съ академистомъ Балабухою.

Прокоповичи пріѣхавъ домой, накинулись на Онисю »мокрымъ рядномъ«.

— Гарбузуй, гарбузуй, дочко! вычитывала мать. Догарбузуешься скоро, що зовсимъ одкинутця одъ тебо женыхи.

— Не бійтесь, мамо, не одкинутця! Мене ще нихто рябымъ конемъ не объихавъ. А хотьбы й объѣхавъ, то я того не боюсь. А вашого Балабухи таки не люблю: бо винъ гопоровитый, дивиться на мене згорда, та верзе щось таке, що я й не розберу:

---

[1]) См. »Кіевская Старина« 1884 г., янв. кн., стр. 83—110.—На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1876 г. о малорусскомъ правописаніи, въ малорусскомъ текстѣ этой повѣсти и другихъ статей, вм. буквы *і*, употреблявшейся нами при переходѣ въ этотъ мягкій звукъ *ѣ*, равно *о*, *е* и *у*, мы будемъ ставить всегда *и*, отличая эту букву надстрочнымъ знакомъ *ѝ* лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это необходимо для устраненія сбивчивости произношенія и смѣшенія понятій, напр. *йду* (ѣду), а не *идѝ*, *имъ* (ѣмъ), а не *имъ* и проч.—Ред.

кви-кви-кви! кувикае по якомусь, нечистый ёго зна, по якому! Незнаешъ, чи винъ тебе хвалить, чи зъ тебе сміется!

Только что кончила Онися, какъ на дворѣ залаяли собаки. Въ сѣняхъ кто-то спрашивалъ у наймички: чи батюшка й матушка дома? А панна дома?

Въ свѣтлицѣ скрипнули двери: то входилъ Харитонъ Моссаковскій.

Харитонъ принарядился, причесался. На немъ былъ длинный, до верху застегнутый сюртукъ темносиняго сукна, съ роговыми пуговицами; этимъ исчерпывался весь его костюмъ, и только широкій воротъ чисто вымитой рубахи, привольно покрывавшій сюртучный воротникъ, да ярко красная шелковая застежка пріятно оттѣняли симпатичное лице Харитона. Тогдашній дьячекъ нашъ еще не успѣлъ выродиться въ ту типичную церковную фигуру, въ длинноломъ кафтанѣ и съ косичкой назади, какая давно уже красовалась на лѣвой сторонѣ Днѣпра, и казалъ изъ себя мѣщанина средней руки или шляхтича низшаго разряда. Ровно подстриженные русые волосы Харитона густыми кудрями вились вокругъ его шеи. Высокій, стройный, съ легкимъ станомъ, съ бѣлымъ матовымъ лицемъ, съ свѣтлосиними глазами, Моссаковскій представлялъ изъ себя изящную, неопредѣленнаго типа, фигуру блондина, и только загорѣлыя, широкія руки его, огрубѣвшія въ тяжелой работѣ, выдавали его невысокое соціальное положеніе. Не большіе усы, ровныя, темныя брови очень шли къ его свѣтлосинимъ очамъ и довершали общую пріятность его лица.

Не смотря на свое скромное положеніе дьячка, Моссаковскій не пошелъ предварительно въ кухню, но прямо вошелъ въ свѣтлицу: въ тѣ поры не было еще такой разни между священниками и дьячками, какая установилась впослѣдствіи, и дьячки не выстаивали еще по цѣлымъ часамъ въ кухнѣ или на крыльцѣ, въ ожиданіи, пока доложатъ батюшкѣ объ ихъ приходѣ.

Старикъ Прокоповичъ поспѣшилъ къ гостю изъ »кимнаты« гдѣ шла семейная бесѣда. Мать и дочь стояли за дверями и прислушиваясь къ начинавшемуся въ свѣтлицѣ разговору, въ свою очередь перекидываясь словами.

— Це прыйхавъ дякъ зъ Карапишивъ, Моссаковскій, сынъ покойного священника вильшаницького, — чуть слышно проговорила

къ своей дочери мать и, настроенная раньше на тонъ укора, прибавила: їздили до тебе академисты, а теперъ почали вже дяки.

— Дяки дурнисинько будуть їздити. И вже я дячихою та не буду,—еще тише отозвалась Онися.

Но любопытство взяло свое. Между дверью и верхней притолкой была значительная щель, во всю ширину двери. Онися приставила стулъ, стала на немъ и принялась глядѣть въ щелку на гостя. Мать кивала ей пальцемъ, грозила кулакомъ, что-то грозно шептала, дергала Онисю за одежу, а Онися стояла и внимательно разсматривала Харитона. Наглядѣвшись вдоволь, она тихонько, какъ кошка, сползла со стула.

— А що-жъ? якій? Чи молодый, чи старый? не удержалась Прокоповичка, чтобъ не спросить у дочери.

— Молодый, билявый, высокій, тонкій и говоритъ дуже несьмиливо та тихо,—шептала Онися матери надъ ухомъ: але черта-зъ-два! За дяка не пиду. Въ насъ високи пороги для дякивъ.

Вскорѣ Прокоповичъ выглянулъ изъ свѣтлицы и шепнулъ женѣ подать водки и закуски, а Онисѣ сказалъ, чтобы она сама вынесла все это въ свѣтлицу.

— А вже-жъ! Чого я до ёго выйду? Не бачила зроду дякивъ. Нехай йіде де инде! сказала Онися.

— Та его вильшаницька громада обибрала на свою парахвію за сьвященика. Оце думають їхати въ Кыивъ до владыки зъ прошеніемъ. Ты лишъ, дочко, не дуже кирпу задирай, та мерщій выходь до гостя.

— Хиба такъ! якъ буде священикомъ, та ще й въ Вильшаныци, то може й выйду, сказала Онися.

— Прибирайся, дочко, та йди! Въ Вильшаници церковного поля, левадъ, синокосивъ конемъ не объихати за цилый день. Парахвія велика!

— Потривай-же лишень, мамо, роздивлюсь на жениха. Не вамъ йти за ёго замижъ, а мени,—сказала Онися.

Немного погодя, Онися вышла разомъ съ матерью. Моссаковскій низко поклонился и покраснѣлъ, какъ макъ. Онъ давно уже не видѣлъ Ониси и теперь она показалась ему въ десять разъ милѣе, чѣмъ даже въ ту пору, когда она въ первый разъ поразила его своею красотою.

Всѣ усѣлись. Моссаковскій, положивъ руки на колѣни, сидѣлъ неподвижно, точно татарскій божокъ, опустивъ глаза внизъ. Онъ не рѣшался взглянуть даже на Онисю. Онися окинула его быстрымъ взглядомъ и онъ съ перваго-же глаза показался ей гораздо красивѣе Балабухи.

— Чи винъ смирный, чи тилько вдае зъ себе тихого, думала Онися, пристально глядя на его лицо, брови, усы, губы.

Для завязки разговора, хозяинъ выпилъ рюмку »до гостя«, приподнесъ и ему. Гость выпилъ полъ-рюмки, робко поставилъ на столъ и не закусывая, снова усѣлся на стулъ, опустивъ глаза внизъ и положивъ обѣ руки на колѣни; при этомъ онъ протянулъ пальцы во всю ихъ длину, что означало уже нѣкоторую степень развязности и то, что гость входилъ такъ сказать нѣсколько въ себя и какъ-бы набирался духу. Прокоповичъ завелъ рѣчь о покойномъ отцѣ гостя, припомнилъ, гдѣ вмѣстѣ они встрѣчались, о чемъ говорчли и еще кое-что въ томъ-же родѣ,—гость едва поднималъ свои тихія очи, едва вставлялъ слово въ рѣчь хозяина.

Разговоръ прервался, настала тишина. Прокоповичка сожалѣла о Балабухѣ и видимо отбывала, какъ панщину, молчаливое сидѣнье на канапкѣ.

— Чи вы нашъ були коли въ нашій церкви?—неожиданно прервалъ томительное молчаніе Прокоповичъ. Чи бачили нашн нови образы?

— Дай, старый, покій зъ образами! прервала его матушка. Не встигли выпити по чарци...

— А, то-бъ то по другій? Добре, що нагадала. То мы й по другій.

И онъ проворно потянулся къ фляшкѣ, выпилъ вновь до дна и поднесъ гостю, но тотъ едва губы обмокнулъ. Прокоповичъ не упрашивалъ; онъ радъ былъ чѣмъ нибудь разшевелить молчаливаго гостя, а еще болѣе тому, что есть предъ кѣмъ похвалиться своими заботами о церкви, и поспѣшилъ увлечь Харитона въ церковь. Тутъ онъ показалъ ему всѣ новые образа, даже Неопалимую купину въ алтарѣ: послѣдняя картина представляла огромный кустъ дикой розы, или терновника; кустъ весь объятъ былъ пламенемъ, а около него стоялъ Мойсей на одной ногѣ, обутой въ сапогъ, другую-же, босую, онъ протянулъ къ купинѣ и точно пригрѣвалъ ее около огня; въ рукахъ у него торчалъ большой мужичій сапогъ съ длин-

нымъ голенищемъ, а поверхъ купины виднѣлись Рось и церковь м. Богуслава.

— Ой дивни-жъ ваши образы! Господи, яка краса!—непритворно отзывался Харитонъ и набожно крестился передъ каждымъ новымъ образомъ.—Якъ стану на парахвіи, то покличу того самого маляра, щобъ и мени намалювавъ и купину, и пекло, и того пророка, що на коняхъ огнястихъ.

— Колибъ вы знали, яки тамъ апостолы въ бани! якій тамъ Андрей Первозванный! я вамъ скажу, такого и въ Лаври нема. Шкода, що дуже высоко. Якъ-бы драбина, то можна-бъ полизты, та близько придивитись,—хвалился старый Прокоповичъ, оглядываясь по сторонамъ и ища глазами, нѣтъ-ли гдѣ драбины.

Харитонъ немного встревожился: у него кружилась голова, когда ему приходилось подниматься на какую нибудь высоту, напр. на стогъ сѣна, или скирду хлѣба, а тутъ отказаться было-бы не ловко, такъ какъ въ силу жениховскаго своего положенія онъ долженъ былъ казать изъ себя молодца; ему нужно было притомъ подлаживаться подъ вкусъ отца невѣсты, чтобы заслужить его расположеніе.

— Гляньте, якій огонь въ пекли. Ну, таки горить, горить, неначе чорты дровъ пидкидають! продолжалъ Прокоповичъ.

— Ой Господи! якъ горить, горить! зовсимъ горить, вторилъ Моссаковскій и перекрестился предъ изображеніемъ ада.

— А якихъ чортивъ повыдумувавъ капосный маляръ! Вы, пане дяче, тильки придивиться: отой, що пре въ пекло нагайкою блудниць въ червоныхъ намистахъ, вгадайте, на кого похожый?

— Не вгадаю. Неначе на богуславського станового,—не рѣшительно промолвилъ Моссаковскій и—покраснѣлъ.

— Та це-жъ винъ самый! Це й нисъ его, неначе бульбашка, и очи вытрищкувати, тильки маляръ поставивъ ёму на голови роги, та причепивъ ззаду куцого хвоста.

— А отой, що лупить киемъ шинкарив, не вгадаете, на кого похожый? сказалъ Прокоповичъ.

— Цёго вже не вгадаю, отвѣчалъ Моссаковскій, хотя и догадывался, на кого мѣтилъ Прокоповичъ.

— Не вже не вгадаете? Це-жъ нашъ письмоводитель духовного правленія. Якось я проговорився передъ маляромъ: намалюй, кажу ты отого хапурника въ пекли, на самому дни, пидъ Іудою, щобъ

винъ знавъ, яка ему буде на тимъ свити честь. Коли дивлюсь, а винъ его й перерядывъ на чорта, та ще й кія ему въ руку давъ. Гляньте, якъ працюе, бидораха.

— Дивно, дивно,—повторялъ, какъ заученное, Моссаковскій.

Прокоповичъ былъ вполнѣ доволенъ, что нашелъ добраго цѣнителя художествъ, въ которыхъ посторонняя кисть воплотила не только занимавшія его, но такъ сказать личныя его идеи; но, выйдя изъ церкви, онъ вспомнилъ, что не все еще показалъ своему гостю и, взявъ за руку Моссаковскаго и отведя его отъ церкви подъ ограду, ткнулъ пальцемъ на церковные купола.

— А придивиться лишень, заговорилъ онъ, до нашихъ бань? Що тамъ намалёвано! Ото-жъ маете тамъ дванадцять пророкивъ малихъ и чотыри велыкихъ. Тильки шкода, що нема драбины! Отъ якъ бы вы вылизли хочъ за опасаня та придивились, якъ винъ намалювавъ тихъ пророкивъ! Дивно, дивно!

Прокоповичъ оглянулся вокругъ, ища лѣстницы. У Моссаковского задрожали ноги. Тяжелая лѣстница лежала въ травѣ тутъ же въ оградѣ. А что если старикъ вздумаетъ приставить лѣстницу и заставитъ лѣзть »до опасаня«, а пожалуй и за опасаня!—промелькнула мысль къ головѣ Моссаковскаго.

Прокоповичь дѣйствительно бросился къ лѣстницѣ и сталъ поднимать ее, но онъ былъ старъ, и малъ, и слабъ, и какъ ни силился, долженъ былъ бросить лѣстницу въ траву.

Моссаковскій не только не рѣшился помочь ему, но старался отклонить его отъ безпокоившаго его самого намѣренія.

— Не пиднимайте, говорилъ онъ, бо пидвередитесь. Та сказать правду, я трохи боюсь лазити высоко, совсѣмъ уже откровенно признался Моссаковскій.

— Оце! Такій-же зъ васъ парубокъ. Моя Онися лазила выще опасаня; а якъ була малою, то зъ хлопцями, було, по латахъ лазыть въ клуни горобцивъ выдирать, якъ та кишка, було, лизе, ажъ спидничина на ій гойдается,—неожиданно для гостя закончилъ говорливый старикъ и повелъ Моссаковскаго »до покою«. Тамъ ихъ ждали уже давно. Мать не спускала очей зъ Онисн: она боялась, чтобъ та опять и новому жениху не положила въ возъ »гарбуза«.

— А що, дочко, якъ тоби показався цей дякъ? спросила мать.

— Винъ кращій одъ Балабухи, и такій тихій, спокійный. Я люблю тихихъ та добрихъ людей, сказала Онися.

— И вже й ты! Балабуха чоловикъ здоровый, сильный, ще й до того вченый. А це якійсь простакъ, сказано: дякъ.

— Я тихъ вченыхъ не дуже люблю, бо я й сама проста. Балабуха ще присилувавъ-бы мене говорити полатынськи, а я й по московськи не вмію.

Онися наклонилась къ окну и взглянула по направленію къ саду, а тамъ по тропинкѣ рядомъ съ отцомъ шелъ Моссаковскій. Высокій, тонкій, стройный, онъ показался ей сквозь стекло еще краше и милѣе.

— Дивиться, мамо, чимъ-же винъ поганый? Очи сини, якъ небо, брови тонки.....

— Уже й брови! знайшла красу. Та винъ зовсимъ безъ бривъ, сказала мать: отъ у твого батька, такъ правда, що брови,—прибавила она, глядя издали на взбитыя и крючковатыя брови стараго своего мужа.

— Тикайте, мамо, бо насъ видно знадвору, сказала Онися, отступая отъ окна, но не переводя съ него глазъ.

— Тикай бо дочко, бо винъ близько вже,—вглядить, сказала мать, отклоняя плечи, но не лице.

Прокоповичь вошелъ зъ гостемъ въ свѣтлицу. Снова стали наливать и выпивать по чаркѣ. Моссаковскій сидѣлъ неподвижно, положивъ руки на колѣни и едва осмѣливался приподнять рѣсницы и вскинуть глазами на Онисю. Та въ свою очередь почувствовала, что ее оставила природная ея смѣлость. Она сидѣла молча и сама опустила глаза къ низу. Другихъ жениховъ она сама затрогивала въ разговорѣ, говорила съ ними смѣло, игриво шутила, даже подшучивала надъ ними; теперь она чувствовала, что не можетъ слова произнесть.

— Що це зо мною? думала Онися: чи вже-жъ оце я злякалась оцёго дяка?

Старый Прокоповичь, выпивъ чарокъ съ десять, началъ затягивать »на гласы«. Моссаковскій сидѣлъ молча, не смѣя рта раскрыть, голосомъ повести. Онъ посидѣлъ, помолчалъ и предъ вечеромъ попрощался и домой поѣхалъ.

— Чи прыйде, чи не прыйде вдруге? проговорила сама къ себѣ Прокоповичка.

Онися развела руки, поставила указательные пальцы другъ противъ друга; зажмуривши глаза, повертѣла пальцами въ воздухѣ и разведя ихъ далеко, стала быстро сводить, загадавъ притомъ: чи прыйде, чи не прыйде? Пальцы сошлись ногтями. Прыйде! крикнула она и подскочила.

— Побачимо, сказала мать: їздили до тебе академисты, а теперъ почали їздити дяки.

Пошли дни за днями. Онися чувствовала, что она ждетъ Моссаковскаго, что онъ не выходитъ у нея изъ ума. Прошло дней шесть; настала суббота. Онися принялась сама подмазывать да прибирать въ »покояхъ«, вытерла желтымъ пескомъ полъ, помыла окна, повытирала образа, повѣшала на образа самые лучшіе шитыя полотенца; на окнахъ поставила стклянки съ цвѣтами. Насталъ воскресный день. Онися встала чуть свѣтъ, нарядилась въ новую плахту, старательно причесалась, надѣла на голову всѣ ленты и цвѣты и пошла въ церковь. Ей почему то, казалось, что Моссаковскій пріѣдетъ въ церковь, что она тамъ его увидитъ...

Обѣдня отошла, а Мосаковскій не пріѣхалъ: Онися пасмурная пошла домой.

Сѣли обѣдать; она ѣла какъ-бы не ѣла, а послѣ обѣда ушла въ садъ. Гуляя по горѣ, Онися все посматривала на синій лѣсъ, на поля за лѣсомъ, густо покрытыя копнами, на дорогу изъ села Карапишей, что черной змѣйкой извивалась среди полей...

— Чого це я єго жду? Не вже я люблю єго? думала Онися, ходя по саду. Ея руки, помимо ея воли, протягивались къ цвѣтамъ, и она срывала найлучшіе изъ нихъ и закладывала за ленты на головѣ, за складки косъ. Долго ходила она по саду, пока солнце не ударило косымъ пламенемъ по горѣ и не проникло на сквозь садокъ, раскинутый по крутымъ бокамъ горы. Онися прислушивалась, не застучитъ-ли возъ за Росью, около парома, либо въ дворѣ. А на дворѣ было тихо, тихо и душно. Онися вернулась въ »покои», сѣла на канапѣ и смутно склонила голову.

— Оце, нема съ кимъ по чарци выпить,—сказалъ старикъ отецъ: колибъ прыйхавъ хочъ карапишаньскій дякъ.

Онися вспыхнула. Блѣдныя щеки ея покрылись румянцемъ. Не успѣлъ отецъ произнести эти слова, какъ на дворѣ послышался легкій стукъ богуславскаго возка, залаяли собаки.

— Отже Богъ гостей несе! сказалъ Прокоповичъ, выглянувъ въ окно.

Онися встревожилась. У нея задрожали ноги и она не имѣла силъ, чтобы вскочить, какъ прежде, подлетѣть къ окну и посмотрѣть, кто пріѣхалъ.

— Онисю! ставай колупати пичъ! [1]) прийхавъ Мосаковскій та ще й съ братомъ, певне съ сватомъ, отозвался отецъ.

Онися испугалась и поблѣднѣла, какъ мѣлъ. Она вся затряслась, застыла и стояла неподвижно на одномъ мѣстѣ. Но когда раздался скрипъ дверей, на нее напалъ такой страхъ, что она кинулась бѣгомъ въ спальню, а оттуда въ садъ.

— Боже мій! чого це я такъ злякалась? Я не боялась академиста, а злякалась цёго молодого хлопця,—думала Онися, пробуя возвратить свою природную смѣлость. Но смѣлость не приходила къ ней.

Онися стояла надъ горою, вперила свой взоръ, свои испуганныя, горящія глаза въ зеленѣвшую подъ нею бездну, въ зеленое марево, разлитое надъ старыми деревьями сада, глядѣла и ничего не видѣла. Зеленый свѣтъ дрожалъ въ ея очахъ, переливался, какъ вода въ Роси, сновалъ, какъ густая зеленая мошка роями. Онися стояла, ничего не сознавая. Солнце кинуло горячій свѣтъ подъ яблоню, близь нея стоявшую. Свѣтъ упалъ на щеку Ониси, облилъ ея лице яркимъ пламенемъ, а она ничего не чувствовала и все глядѣла въ зеленую бездну, будто въ рѣку глубокую.

— Онисю! Онисю! де це ты счезла? крикнула мать, выходя изъ за яблони. Чого це ты стоишъ, якъ стовпъ? Ходи лишень до гостей. Вони не до мене, а до тебе прыйхали.

Онися точно проснулася. Она тихо пошла въ хату за матерью, какъ малое дитя.

— Оце гарно! Глузувала съ академыстивъ, а одъ цёго жениха втикаешъ у садокъ. Великій страхъ! Не бачила зроду женыхивъ. Онъ уже ихъ перекипулась цила метка. Йди та кажи имъ, що хочешъ.

---

[1]) Ковыряютъ лучинкой печь крестьянскія дѣвушки-невѣсты, чтобы этимъ занятіемъ прикрыть неловкость своего положенія при собственномъ сговорѣ.

Онися вошла въ свѣтлицу, сложивъ руки, какъ праведница. У нея въ рукахъ былъ шитый платочекъ. Она подвела глаза, примѣтила священника и поцѣловала его въ руку, но не успѣла повернуться, какъ Моссаковскій наклонился и поцѣловалъ ее въ руку. Она ощутила прикосновеніе къ ея рукѣ полныхъ, мягкихъ, горячихъ губъ и покраснѣла, какъ маковка.

Онися отошла и сѣла на стулѣ. Она едва приподняла глаза на Моссаковскаго и разглядѣла его тихія, свѣтлосинія очи, матовобѣлое лицо, на которомъ вспыхнулъ чрезвычайно нѣжный румянецъ. Свѣтлыя кудри блестѣли, насквозь пронизываемыя золотистымъ лучемъ солнца, проходившимъ чрезъ окно, у котораго сидѣлъ Моссаковскій. Онъ не сводилъ глазъ съ Ониси. Она ощущала на своемъ лицѣ его ласкающій взоръ, не знала, что дѣлать и начала щипать цвѣточки, вышитые на платкѣ. Красныя и синія нитки сыпались съ платка на ея красную запаску.

— Не скуби, дочко, хустки, бо грихъ! Сёгодня недиля,—сказала мать, слегка тронувъ дочь пальцами по рукѣ.

Онися съ трудомъ прервала это нервное невольное дерганье, но чрезъ минуту снова посыпались съ неповиннаго платочка красныя и синія нитки.

Хозяинъ разговаривалъ о семъ—о томъ съ пріѣзжимъ священникомъ. Матушка надулась и сидѣла молча: ей не хотѣлось отдавать дочку за дьячка. Но вотъ сватъ, братъ жениха, повелъ рѣчь о приближающихся »сороковинахъ« по ихъ отцѣ и закинулъ о томъ, что вотъ-де громада ольшаницкая, послѣ похоронъ старика, избрала »на парафію« Харитона. Лице матушки при этихъ словахъ прояснилось; она навострила уши, замѣтно повеселѣла, весело заговорила, стала привѣтливѣе и послала Онисю принести наилучшей наливки. Гости примѣтили, что хозяйка стала добрѣе и сами какъ-то разшевелились. Харитонъ весело поднялъ глаза и вернулъ нѣсколько словъ въ общій разговоръ, но лично Онисѣ онъ не осмѣлился промолвить и слова и только любовно глядѣлъ то на ея брови, маленькія алыя губки, то на красную запаску.

— Якъ Богъ поможе, сказалъ сватъ, то мы оце вырядимо Харитона до Кыива. Громада вже налагодилась посылати до владыки прошение, щобъ Харитонъ зостався священникомъ на батькивській парафіи. Якъ тильки владыка поблагословить, то мы заразъ, спра-

вивши по батькови сорочины, оженимо нашого Харытона, та й уберемо ёго въ рясу.

— Отъ и добре! Слава Богу! отозвался Прокоповичъ: будемо блызькими сусидами.

— Та намъ хотилось-бы бути не тильки вашими блызькими сусидами, а навить ще блызчими людьми: мы хочемо пориднытись зъ вами, сказалъ сватъ: у васъ дочка на выданни, а въ насъ, бачите, женихъ.

Блѣдное лице Ониси вспыхнуло яркимъ румянцемъ. Она покраснѣла и опустила глаза внизъ. Руки замерли на платочкѣ, красныя и голубыя нитки перестали летѣть на запаску. Харитонъ и самъ покраснѣлъ, какъ барышня, и не зналъ, куда дѣвать руки.

— Якъ же вы думаете, отець Степанъ? спросилъ сватъ.

— Я зъ дорогою душею, але треба спитати и матери, и дочки, сказалъ Прокоповичъ, посматривая на мать и дочь. Що ты, паниматко, скажешъ?—спросилъ онъ, обращаясь къ женѣ.

— Я.... якъ дочка скаже, то такъ и я, едва отозвалась Прокоповичка съ неохотою: ей очень, очень жаль было Балабухи, но она была увѣрена, что тотъ больше не пріѣдетъ.

Доходило до Ониси. Она едва удержалась на стулѣ. Ей хотѣлось схватиться съ мѣста и уйти въ садъ.

— Якъ же ты скажешъ, дочко? заботливо спросилъ у дочери отецъ.

— Я згожуюсь, съ усиліемъ проговорила Онися, не поднимая глазъ.

— Коли такъ, закончилъ отецъ, то по людському звычаю, замиияемо святый хлибъ, а потимъ трохи межъ собою помиркуемо.

Онися по нѣсколькимъ оброненнымъ Харитономъ въ два посѣщенія словамъ не могла, конечно, составить объ немъ вѣрнаго понятія, но своимъ женскимъ чувствомъ отгадывала, что онъ подойдетъ къ ея энергичному и сильному темпераменту и что она будетъ настоящею хозяйкою въ своемъ домѣ. Помимо того Харитонъ очень понравился ей своимъ деликатнымъ лицемъ и свѣтлосиними очами.

Пока сыновья Моссаковскаго справляли »сорочины« по своемъ покойномъ отцѣ, пока состоялось формальное обрученіе Харитона

съ Онисею, пока ольшаницкая громада собралась отправить церковнаго старосту въ Кіевъ съ прошеніемъ къ владыкѣ отъ лица всего прихода, прошло не мало времени. А тѣмъ временемъ Балабуха не сидѣлъ, сложа руки.

— Треба женитись! доки ёго байдыки бити! разсуждалъ Балабуха, ходя у себя по саду. Не схотила Онися, знайду кращу, десять такихъ знайду, а въ осени таки оженюсь. Треба шукати та пытати дивчины.

Нечаянно какъ-то Балабуха взглянулъ на прилегавшій къ саду огородъ и увидѣлъ на немъ широкіе листья »гарбуза«. Одинъ видъ этой огородной овощи вызвалъ въ немъ такую злость, что онъ трижды проклялъ Онисю и не могъ больше не только ѣсть »гарбуза«, но даже глядѣть на него.

— Тату! дайте коней. Поиду ще въ Хохитву. Тамъ панны не прости, вбираются въ сукни по паньськи. Цуръ имъ тимъ плахтамъ та запаскамъ! Попробую ще на сукняхъ...

— Про мене, спробуй ще и суконь, отвѣтилъ отецъ. Тильки ти хохитвятьски сукни, може не для тебе, академисте, шыти. Панны тіи, кажуть, горди, кепкують поповичами, бо сами зъ панивъ, мають крепакивъ, мають багато поля. Але, якъ каже ляхъ, купить не купить, а спробувать можна.—Ци вже, принаймни, не причеплять гарбуза пидъ возомъ, прибавилъ, смѣясь, отецъ Степанъ.

— Не причеплять, то такъ ласкою та штуками якимись выпроводять съ хаты, отозвалась мать. Одначе въ Терлецького чотыри панны на выданни: може котру й отдадуть. Тильки, сыну, якъ будешь туды збираться, то попереду сядь та добре наижься, бо тамъ прыймають по шляхецьки: пундыками та лестными словами.

Не вдругъ собрался академистъ »на розглядины« къ священнику-помѣщику Терлецкому, а когда собрался, въ точности исполнилъ совѣтъ матери, и даже »погоничъ«, когда узналъ, куда собрался ѣхать паничъ, захватилъ съ собой въ торбу хлѣба и сала. Такъ съ запасомъ въ одинъ изъ воскресныхъ дней, послѣ ранняго обѣда, отправился Балабуха въ Хохотву »на разглядины«.

Хохотва—это небольшое сельце въ двухъ верстахъ отъ мѣстечка Богуслава. Раскинуто оно по правому берегу Роси, между рядами невысокихъ холмовъ. Отсюда дивный видъ на за-рѣчье. Надъ водою отвѣсная, высокая каменная стѣна, вдоль и поперекъ

изрѣзанная разсѣлинами и щелями, изъ которыхъ выглядывали пучки травы и желтыхъ цвѣтовъ; кой-гдѣ, точно канделябры, развѣшанные по стѣнѣ, свѣшивались небольшіе кусты терновника, дикой розы, плюща, красной смородины. Ихъ нѣжная зелень смягчала угрюмый сѣрый фонъ сплошной скалы. Внизу, у подножія стѣны, зеленѣли лозы и тростникъ. Середь Роси, точно распластанное чудище, лежалъ небольшой островокъ изъ огромныхъ камней, въ безпорядкѣ нагроможденныхъ другъ на друга. Выше, за каменною стѣною, вдоль теченія Роси, тянулся рядъ невысокихъ горъ, которыя шли одна за другою, будто дуги, поставленныя рядомъ. На горахъ зеленѣлъ густой старый лѣсъ. А тамъ далѣе, внизъ по-надъ Росью, привольно разстилались покрытыя зеленью и цвѣтами »луки«. По обѣимъ сторонамъ островка шумѣла вода, спадая по террасамъ и уносясь вдаль по каменистому руслу; чернѣла, извилисто перекинутая по камнямъ, набросанная изъ хворосту плотина, а подъ самою крутою скалою чуть замѣтно пріютилась мельница. По холмамъ, по пригоркамъ и въ узкихъ ущельяхъ разбросалась Хохотва. Домъ священника Терлецкаго выходилъ на улицу, а обширный садъ разстилался по-за домомъ чуть-ли не до самой Роси. Отъ дома вправо тянулся необычно длинный дворъ, по обѣ стороны котораго стояли два ряда хатъ. Въ этихъ хатахъ жили когда-то »подданные« священника Терлецкого, точнѣе его жены, которая была шляхетского роду и принесла въ приданое своему мужу именно эту небольшую часть села Хохотвы съ поселенными на ней людьми. Остальная часть села досталась ея брату, который продалъ ее одному богатому графу, а самъ умеръ. Терлецкій пригородилъ небольшой уголъ села къ своему двору, не далъ людямъ земли, отобралъ даже у нихъ огороды и хозяевъ обратилъ въ дворовыхъ работниковъ. Крестьяне не выдержали такого положенія: большинство ушли въ степи, нѣкоторые умерли, дѣвушки, съ выходомъ замужъ, перешли въ село и кончилось тѣмъ, что въ людныхъ нѣкогда хатахъ осталось лишь нѣсколько калѣкъ, которымъ не было уже никакого разсчета уходить со двора.

Балабуха въѣхалъ во дворъ. Передъ нимъ изъ-за повѣтей и хатъ выступалъ большой домъ съ высокими окнами, съ широкимъ крыльцемъ. Передъ окнами разбитъ былъ хорошій полисадникъ: клумбы засажены были не какими нибудь настурціями, помяками,

любисткомъ, но левкоями, резедой, фіялками и пр. Домъ былъ хорошій и хорошо устроенный. Повѣтки, клуня, загороды и хлѣва содержались въ порядкѣ и цѣлости; огорожа новая, во дворѣ чисто, а предъ домомъ даже подметено. Нѣкоторыя крестьянскія хаты, собственно тѣ, что поближе къ дому, кое-какъ сохранились, но тѣ, что стояли въ далекомъ углу неимовѣрно длиннаго двора, сильно подались: нѣкоторыя наклонились на бокъ, другія совсѣмъ разваливались, и сквозь прогнившую соломенную крышу свѣтились стропилы и латы, точно кости на разлагающейся и заброшенной падали.

Возокъ вкатился осторожно на дворъ. Погоничъ остановилъ лошадей чуть не у воротъ. Балабуха потихоньку всталъ съ воза и несмѣлыми шагами направился къ крыльцу. Онъ долго отряхивался и оправлялся, смахнулъ пыль съ сапогъ полою собственной шинели, вытеръ платкомъ запыленное лице, шею, пригладилъ широкою ладонью волосы на головѣ, расправилъ усы и вошелъ въ сѣни, похожія на комнату, съ двумя длинными узкими окнами по обѣ стороны дверей. Изъ сѣней вели въ комнаты трое дверей. Балабуха немного постоялъ, подумалъ, еще разъ пригладилъ волосы, поправилъ усы и наугадъ отворилъ дверь налѣво. Тамъ была кухня. Онъ замѣтилъ только, какъ, при видѣ его, цѣлая куча разнаго возраста »панночекъ« махнула чрезъ двери въ комнату такъ быстро, какъ бѣгутъ мыши при видѣ кота.

Балабуха нерѣшительно притворилъ двери, постоялъ еще въ сѣняхъ, подумалъ и тихонько отворилъ дверь направо. Тамъ была просторная свѣтлица. Балабуха вошелъ въ свѣтлицу, но въ ней было пусто и тихо; раздавался лишь дребезжащій какъ-то стукъ маятника висѣвшихъ на стѣнѣ большихъ часовъ, да гдѣ-то вдали за стѣнами слышался глухой шумъ, точно тамъ сильный огонь горѣлъ въ печи или въ котлѣ клокотала вода. Балабуха окинулъ глазомъ стѣны свѣтлицы: она скорѣе походила на панскую гостиную, чѣмъ на единственную въ домахъ тогдашнихъ священниковъ чистую комнату, передняя стѣна которой представляла изъ себя цѣльный иконостасъ. Здѣсь иконъ совсѣмъ почти было не видно и лишь въ переднемъ углу висѣлъ большой образъ ченстоховской Богородицы съ польскою подписью, да посреди стѣны, въ простой рамкѣ, за стекломъ, литографированное изображеніе Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, съ надписью: *Ecce Homo!* Вмѣсто разшитаго »ру-

шника« на большомъ образѣ была устроена занавѣска изъ бѣлой кисеи, но ни васильковъ, ни другихъ цвѣтовъ за образами тутъ уже не было. Остальное пространство стѣнъ ничѣмъ почти не было занято; только у порога Балабуха замѣтилъ *купидо* какого-то крылатагокупидона, красными лентами привязаннаго къ дереву, да у печки—Геркулеса, поражавшаго дракона. Въ простѣнкѣ между иконъ, надъ небольшимъ раздвижнымъ столомъ, висѣло узкое и длинное зеркало, въ которомъ стекло было меньше верхней части, шпалерами выклеенной, деревянной рамы и напоминало собою малого хлопца въ высокой батьковской шапкѣ. Вдоль стѣнъ чинно стояли стулья съ овальными вогнутыми спинками и не особой мягкости подушками, покрытыми пестрымъ ситцемъ, а у правой стѣны между ними гордо выступала массивная, съ огромной спиной, канапа; спинки стульевъ и канапы были форнированы корнемъ осокора. На окнахъ стояли горшки мушкатки и герани.

Балабуха посмотрѣлся въ зеркало, поправилъ на шеѣ толсто повязанный шелковый платокъ, съѣхавшій немного на бокъ, еще разъ пригладилъ волосы и усѣлся на стулѣ, разставивъ ноги, точно ѣхалъ верхомъ.

Тихонько отворились двери изъ сосѣдней комнаты. Балабуха поднялся со стула и хотѣлъ уже рекомендоваться, склонивъ на бокъ голову; но изъ дверей вышла простая дѣвка, низкаго росту и съ двумя горбами—сзади и спереди; лице у нея было длинное, желтое, выраженіе черныхъ глазъ пугливое и скорбное! Она держала въ рукахъ полотенце и прямо со входа направилась къ Балабухѣ. Балабуха взглянулъ на свою одежу, на сапоги, потомъ на полъ, не оставилъ-ли онъ пыльныхъ слѣдовъ; — ему пришло на мысль, не хочетъ-ли дѣвка полотенцемъ обтирать его самого, или его сапоги, или вытереть послѣ него слѣды пыли на полу. Дѣвка между тѣмъ, подойдя къ Балабухѣ, поклонилась ему чуть не въ ноги, держа полотенце въ рукахъ, точь въ точь какъ кланяется »молода«, когда ходитъ по селу и проситъ всякаго на свадьбу.

— Чи на весилля просишъ, дивчино? спросилъ ее Балабуха.

Дивчина усмѣхнулась, поцѣловала Балабуху въ руку, отошла къ столу и начала стирать пыль со стола да стульевъ.

— Чи дома батюнка та матушка, чи може куды поихалы? спросилъ Балабуха.

— Дома, чуть слышно отвѣчала дивчина, возя полотенцемъ по столу.

— Може одпочивають? опять спросилъ Балабуха.

— Ни, еще тише произнесла дивчина, посматривая на пріотворенную дверь.

Дивчина вышла. Въ свѣтлицѣ опять водворилась тишина, только маятникъ докучливо дребезжалъ и стучалъ, да гдѣ-то за тремя стѣнами слышался глухой сдержанный шумъ, точно шумъ воды на порогахъ Роси.

Снова тѣже двери отворились и въ нихъ появилась высокая, тонкая фигура отца Терлецкаго. Терлецкій былъ высокій, худощавый брюнетъ, съ блѣднымъ лицемъ, съ короткими, какъ-бы подсѣченными волосами на головѣ и также короткою, круглою бородою, на которой блестѣли уже серебристыя линіи. Только чорные блестящіе глаза придавали жизнь и энергію его лицу и всей его фигурѣ.

— Добрыдень вамъ! Зъ святою недилею будьте здорови, сказалъ Балабуха, кланяясь хозяину.

— Спасыби! будьте й вы здорови, какъ-то сухо произнесъ Терлецкій. Чи здалека прибули до насъ?

— Я зъ Хиліокъ, философъ [1]), Марко Балабуха, отця Павла, коли чули, сынъ, скинчивъ филозофію.

— Дуже радый. Спасыби вамъ, що насъ одвидали. Я вашого панотця знаю. Чомъ же сами панотець зъ паниматкою не прибули до насъ? спросилъ Терлецкій: але чого-жъ це мы стоимо? Сидайте, будьте ласкави.

Балабуха какъ-то робко присѣлъ на стулъ: скорчился, сморщился, поднялъ плечи вверхъ, а шею и голову какъ-бы упряталъ въ широкое гнѣздо своего толстаго галстуха и высокихъ остроконечныхъ воротничковъ. Ему въ первый разъ пришлось быть въ такомъ домѣ, гдѣ ото всего вѣяло нѣкоторымъ панствомъ, шляхетствомъ и гдѣ не было ничего напоминающаго его родную хату »безъ помоста« и такую-же хату и катрагу въ Чайкахъ. Непри-

[1]) Названія: философъ, богословъ, т. е. студентъ философскаго, богословскаго курса, оставались тогда за студентами академіи и не вдругъ перешли на учениковъ семинаріи, о которыхъ и заочно говорили, напримѣръ: философъ зъ Медвина, точно: Аристотель изъ Стагиры.

вычная обстановка видимо его стѣсняла, и онъ, не обладавшій вообще быстротою и свободою рѣчи, теперь рѣшительно не зналъ, съ чего начать и какъ повести рѣчь.

— Чи вы скинчили академію, чи тильки прыйхали на вакацію? спросилъ его отецъ Терлецкій.

— Ни, я тильки филозофію скинчивъ, але бильше не пойду въ Кыивъ, сказалъ Балабуха.

— Та й добре зробите. Я самъ дійшовъ до риторики та й подякувавъ ченцямъ, а про те маю парахвію и живу теперъ, якъ у Бога за дверьми, сказалъ хозяинъ.

— Такъ и я оце думаю зробити, сказалъ Балабуха.

Терлецкій едва примѣтно улыбнулся и погладилъ бороду: ему не трудно было догадаться, на что намекалъ послѣдними словами Балабуха и зачѣмъ пожаловалъ теперь къ нему въ домъ.

— Що-жъ тамъ у васъ теперъ въ академіи? Чи пишете вирши? Чи граете комедіи? спросилъ онъ Балабуху.

— А якъ-же! тотъ отвѣчалъ, и вирши пишемо, и комедіи граемо, ще й якъ.

— О, за наши часы мы такъ грали, що теперъ наврядъ чи зъумієте такъ грати. И мени таки доводилось не разъ грати. Тильки разъ сталася зо мною на сцени така причта: сказали мени грати »Суету« въ интермедіи. Обголивъ я вусы й бороду, намазавъ щоки румъянами, причепили мени довги косы, накинули на плечи червону хламиду. Я доставъ у однои знакомои мищанки червони чоботы. Взувся въ ти чоботы, на шыю почепивъ червоне намисто, роспустивъ косы по плечахъ, надивъ на голову жидивську ярмулку, взявъ въ одну руку капшукъ зъ грішми, въ другу пляшку зъ горилкою, та й выхожу на сцену. Выхожу та й кажу: я Суета! Сказавъ, та якъ глянувъ на людей... вси на мене очи повытрищали, а професоръ ельоквенціи, лютый прелютый, дивиться на мене, та неначе каже: потрывай, ось я тоби всыплю зъ пивсотни, якъ тильки въ чимъ помилишься! Глянувъ я ёму въ очи, та й забувъ, що дали говорити! Ей Богу забувъ, а знавъ, якъ *Отче нашъ*. Я Суета! Я Суета! сказавъ я тричи, а дали хочъ заришъ! не пригадаю! Давай зъ Еклезіаста: суета суетствій, всяческая суета! Та вже, спасыби, Злоба стояла за декораціями та пидказала мени, що тамъ дальше говорити. Отъ я й почавъ:

О суета! колико ты прекрасна!
О суета! толико ты ужасна!
Днесь піяна скачетъ воля.....
Утро вставши тщетна доля.....
Сиренъ льстивыхъ океанъ,
Сладкимъ гласомъ обуянъ!
Едва лѣто запало,
А козля цапомъ стало,
Цапъ бородатый.

Сказавъ я це, а дали й зновъ забувся! Плутаю я та плутаю! Переплутавъ уси вирши, перемишавъ сиренъ съ козами та цапами, та вже не знаю, що дали й говорити. А професоръ мени показуе зъ-за людей кулака. Я й охоловъ... Тутъ де взялась Злоба: якъ выскочила передъ мене та якъ крикне: Я Злоба! ховай свого лоба! Та на мене мечемъ! Я драла та за ширмы; ажъ уже тутъ профессоръ добре намявъ мени чуба.

Ничто такъ не возбуждаетъ человѣка, какъ школьныя воспоминанія. Куда дѣвалась застѣнчивость Балабухи. Онъ съ живостію заговорилъ:

— Гравъ и я оцю саму Злобу, та ще й якъ гравъ! Було, якъ накину на плечи черпечу мантію, та обкручу голову гидрою, та визьму въ одну руку мечъ, а въ другу пучокъ гадюкъ, та якъ выйду, та якъ крикну: я Злоба! ховай свого лоба!

Говоря это, Балабуха роспалялся съ каждымъ словомъ, подъ конецъ-же вскочилъ со стула, поднялъ руки къ верху и такъ рявкнулъ послѣднія слова, что горбатая Килина, проходившая въ это время къ столу съ тарелкой въ правой, графиномъ и рюмкой въ лѣвой рукѣ, съ перепугу затряслась: тарелка съ булкой вывалилась, полетѣла на полъ и разбилась.

— Цуръ дурной! съ недовольствомъ произнесъ Терлецкій, принимая отъ Килины уцѣлѣвшій росписной графинъ съ рюмкой.

— Якась перелякана дивчина! сказалъ Балабуха, опускаясь на стулъ. Килина молча позабирала куски разбившейся посуды и съ плачемъ вышла изъ свѣтлицы.

— Колись и я писавъ вирши, знавъ на память Горація, а теперъ все чисто повылитало зъ головы, приговаривалъ Терлецкій, наливая рюмку.

А въ сосѣдней комнатѣ начинался опросъ Килины.

— Що то ты несешъ въ хвартуси? крикнула на нее матушка: чи розбила тарилку, чи що? що тамъ за крикъ?

— Ой, простить, матушко! отвѣтила Килина, цѣлуя матушку въ руку: нашъ батюшка зъ тимъ панычемъ чогось полаялись, та якъ почали кричати та соватись одинъ до другого зъ кулаками! А я злякалась та й упустила.

— Ты сёгодня совсимъ здурила! перебила ее матушка и велѣла ей скорѣе пріискать другую тарелку, нарѣзать вновь булки и нести скорѣе на столъ.

Въ другое время такой казусъ не обошелся-бы такъ дешево Килинѣ; но теперь матушкѣ было не до того, она торопилась принарядить дочь къ выходу въ свѣтлицу, точно опасаясь, чтобы женихъ не уѣхалъ. Въ комнатѣ происходила невообразимая суета и возня. Гардеробный шкафъ, комодъ и большой сундукъ стояли открытые. Мать и дочери бѣгали по комнатѣ, кидались сюда и туда, звенѣли ключами, вынимали разные наряды, мылись, причесывались. Олеся, старшая дочь, стояла среди комнаты въ юпкѣ и корсетѣ, который никакъ не сходился на ея полной таліи. Мать съ меньшою дочерью стягивали корсетъ, напрягались, потѣли, а корсетъ все таки не сходился.

— Килино! ходи сюда! придави лишь ты руками, та дужче! кричала матушка.

Килина схватила Олесю за талію, но столько-же помогла, сколько въ извѣстной сказкѣ жучка. Шнурки въ рукахъ матушки трещали, а корсетъ все таки не сходился.

— Покличте бабу Хиврю! крикнула матушка, бо ця Килина ни до чого не варта.

Прибѣжала Хивря, схватилась обѣими руками за спурки, а баба она была крѣпкая. Полная талія панны съузилась подъ ея руками и корсетъ былъ затянутъ. Мать накинула на Олесю бѣлое платье, помогла ей застегнуться, расправила складки, поправила волосы на головѣ. Принарядивъ дочь, мать принялась за собственный костюмъ, надѣла новое платье, набросила на плечи персидскій бѣлый, съ красными и желтыми разводами и фигурами, платокъ, еще разъ оглядѣла вокругъ дочь, точно солдата на смотру, и повела ее въ свѣт-

лицу. Младшія дочери устремились въ слѣдъ за ними, заглядывая въ свѣтлицу сквозь отворенную дверь.

Терлецкая входила медленно, важно, точно выплывала. Балабуха, увидѣлъ въ дверяхъ невысокую, но довольно полную даму, съ пухлымъ шляхетскимъ лицемъ, съ гладко причесанными, блестящими чорными начосами, надвигавшимися ко лбу, съ бѣлымъ въ оборкахъ чепцемъ на головѣ, отъ котораго двѣ широкія синія ленты опускались концами на плечи. Онъ всталъ, еще глубже опустилъ короткую шею въ воротнички, робко подошелъ къ Терлецкой и поцѣловалъ ея пухлую бѣлую руку. За матерью слѣдовала дочь, такая-же черноволосая, какъ и мать, съ бѣлымъ, нѣсколько короткимъ лицемъ, съ темными карими очами. Дойдя до средины свѣтлицы, она какъ будто присѣла передъ Балабухою и ковырнула по полу правою ногою. Балабуха впервые во очію видѣлъ реверансъ и былъ имъ нѣсколько смущенъ; поцѣловалъ Олесю въ руку, отступилъ немного назадъ и не зналъ, куда дѣвать свои большія руки. Матушка усѣлась на канапѣ и пригласила гостя сѣсть. Балабуха робко опустился на стулъ. Какъ разъ противъ него сидѣла Олеся, которой щоки зардѣлись, какъ піонъ. Балабуха слегка вскидывалъ глазами то на мать, то на дочь. Широкая синяя лента въ чепцѣ матери, бѣлое платье дочери, пунцовый кушакъ, плотно обхватывавшій ея станъ, и красный баптъ въ черной косѣ, все это такъ разило взоръ студента, что онъ сидѣлъ, какъ на шпилькахъ. Предъ его глазами явились снова пасѣка и ульи, темная катрага въ пасѣкѣ, орѣшникъ, чернобыль и крапива вокругъ пасѣки, и онъ готовъ былъ теперь уйти туда и тамъ укрыться отъ этихъ лентъ и платьевъ.

— Чи здорови вашъ паноцець та паниматка? спросила Терлецкая Балабуху.

— Дякую вамъ! Хвалити Господа, здорови, тихо отозвался Балабуха.

— Таки не добри: насъ николи не одвидають. Я знаю вашого батюшку и вашу матушку, говорила Трелецкая громко, скоро и съ нѣкоторымъ тономъ.

Терлецкая спросила Балабуху про его отца и мать такъ себѣ въ видѣ любезности, а если-бы они вздумали пріѣхать къ ней, она отнюдь не была-бы имъ рада.

— И я бачила вашого батюшку, смѣло заговорила Олеся, обращаясь къ Балабухѣ: такій добрій, такій прывитный.

Балабуха перевелъ глаза съ матери на Олесю и теперь только замѣтилъ, что она была хорошенькая, хотя и малого росту, и не такія тонкія и острыя были у нея брови, какъ у Ониси Прокоповичевны. Только круглые, небольшіе, черные блестящіе глаза полюбились ему сразу.

Олеся не сидѣла на одномъ мѣстѣ, и это входило въ ея манеры и тонъ: она схватилась со стула и выбѣжала въ сосѣднюю комнату, чтобы посмотрѣться въ зеркало и поправить на головѣ красный бантъ, потомъ вернулась, опять сѣла и опять схватилась, подбѣжала къ вазонамъ, заглянула въ нихъ, опять выбѣжала, принесла графинъ съ водою, полила цвѣты, снова выбѣжала и опять, погодя, прибѣжала и сѣла. Длинные концы кушака и банта летали, какъ-бы ихъ качалъ вѣтеръ. Олеся ловила ихъ рукою и проворно то откидывала въ сторону, то притягивала къ себѣ, то просто вытягивала. Въ слѣдъ за дочерью вышла мать, поправила что-то на шеѣ, опять вернулась и опять вышла. Они сновали сюда и туда, будто »въ хрещика« играли. Чрезъ растворяемую часто дверь Балабуха замѣтилъ въ сосѣдней комнатѣ большущую кровать, напомнившую ему паромъ на Роси, а надъ кроватью—висѣвшій на стѣнѣ большой коверъ съ столь страннымъ узоромъ, что казалось, будто тамъ въ три ряда стояли на заднихъ ногахъ зеленыя лягушки съ красными брюшками, сцѣпившись передними лапами. Въ той-же комнатѣ Балабуха примѣтилъ другую панну, такого-же росту, какъ Олеся, но гораздо красивѣе ея, въ простомъ ситцевомъ платьѣ. То была вторая дочь Терлецкихъ, которую они и одѣвали плохо и прятали отъ жениховскихъ очей, чтобы она не отвлекала вниманія женіховъ отъ Олеси и не помѣшала скорому выходу ея въ замужество.

Въ послѣдній возвратъ Терлецкой въ свѣтлицу, за ней вошла горбатая Килина, неся на тарелкѣ два-три ломтя булки, тонко нарѣзанныхъ, да съ ложку масла на блюдечкѣ. Терлецкій взялъ прежде налитую рюмочку съ наперстокъ, поздоровался съ гостемъ, выпилъ самъ, попотчивалъ гостя и заткнулъ пробкой графинъ, какъ-бы давая тѣмъ знать, что не намѣренъ уже больше ни самъ пить, ни потчивать гостя. Балабуха глотнулъ, даже не почувствовалъ, что выпилъ, и

взялъ тоненькій ломоть булки, чтобы закусить. Ломоть свѣтился насквозь.

— А мы тутъ, паниматко, разговорились зъ Маркомъ Павловичемъ про академію, та такъ налякали Килину своими згадками, що вона впустила тарилку та й розбила, сказалъ Терлецкій, обращаясь къ женѣ.

— То бачите, отозвался Балабуха, мы колись грали въ академіи комедіи, та почали пригадувати зъ отцемъ Петромъ.

— Вы грали комедіи? спросила Олеся. Ото якъ бы мени довелося хочъ разъ на вику побачити! Сидишъ тутъ у Хохитви и людей не бачишъ.

— Де вже ты хотила въ Хохитви побачити комедіи, сказалъ Терлецкій: це чудо показуе тильки наша кыівська бурса.

— Папа кажуть, що й вони грали, смѣло, обращаясь къ Балабухѣ, проговорила Олеся, та ще й убирались за панну.

Матушка Терлецкая слегка усмѣхнулась, взглянувъ на бороду и усы своего мужа.

— Колись убирався за панну, а теперъ вже не вберусь, замѣтилъ мужъ.

— Може й вы убирались за панну? сказала Олеся, обратясь къ Балабухѣ.

— Ни, я разъ убирався за .... *Славу*, какъ-то нехотя сказалъ Балабуха, а другій разъ за прекрасного Іосифа.

— Ото якъ бы я хотила побачити того прекрасного Іосифа, сказала Олеся, искоса поглядывая на Балабуху: мабуть воно выйшло дуже гарно.

Балабуха, продолжая такъ перекидываться словами то съ панною, то съ матушкою, то съ самимъ панотцемъ, мало по малу освоился и пересталъ прятать шею въ воротнички. Непринужденное обращеніе Олеси, привѣтливость Терлецкой отбили въ немъ охоту уходить въ пасѣку и чернобыль.

Лице Балабухи не плѣнило Олеси, но его ростъ, крупная фигура, титло академика располагали ее въ пользу гостя, тѣмъ болѣе, что до той поры въ домъ Терлецкихъ заглядывали такіе невзрачные и неотесанные поповичи, что она не только смотрѣть на нихъ не хотѣла, но и совсѣмъ не выходила къ нимъ. Мать въ свою очередь благосклонно отнеслась къ Балабухѣ, чувствуя, что пора уже выдавать Олесю замужъ.

Разговоръ однако не вязался; перекидывались отрывочными словами, обмѣнивались взглядами, наконецъ и совсѣмъ замолчали. Вдругъ Килина приотворила дверь и что-то шепнула матушкѣ. Олеся схватилась со стула и устремилась къ двери такъ быстро, что чуть не свалила съ ногъ Килину. Балабуха смотрѣлъ ей вслѣдъ; онъ любовался тѣмъ, какъ быстро, проворно и легко бѣжала Олеся и какъ развѣвались около нея красныя ленты.

За Олесей вышла мать. Въ комнатахъ слышалась бѣготня, какая-то возня. Зазвенѣли, забренчали ложечки, стаканы и блюдечки, застучали ящики комодовъ и столовъ. Растворились потомъ двери и горбатая Килина внесла въ свѣтлицу высокій и тонкій самоваръ и поставила на столѣ, какъ нѣкое диво. То былъ первый самоваръ въ околицѣ, и объ немъ, какъ о дивѣ, говорили всѣ, кому видѣть приходилось.

Килина вышла; вошла Олеся съ ложечками и чайникомъ въ рукахъ, за нею мать, за матерью опять Килина. Онѣ входили и выходили суетливо, выбѣгали и снова возвращались: выносили стаканы и другія придатки къ самовару. Самоваръ сперва шипѣлъ, потомъ шумѣлъ, пыхтѣлъ, брызнулъ брызги отъ себя и наконецъ такъ заклокоталъ, что заглушилъ собой дребезжащій стукъ маятника у часовъ. И мать, и дочь, и Килина суетились около самовара, будто около утопшаго, или по меньшей мѣрѣ больного. Самъ Терлецкій не безъ самодовольства посматривалъ на эту хитрую машину, которой не было ни у кого, а Балабуха диву дался, впервые видя самоваръ.

Началось священнодѣйственное наливанье чаю въ стаканы, и бренчанье ложечекъ и блюдечекъ, какъ бы курантъ игралъ. Сама Терлецкая подала Балабухѣ стаканъ чаю. Килина снова принесла на тарелкѣ три тоненькихъ ломтика булки. Балабуха неохотно принялся за чай, но когда выпилъ, съѣвъ притомъ прозрачный ломоть булки, тутъ только почувствовалъ, что ему хочется ѣсть. Ѣсть хотѣлось, по привычкѣ и выпить давно уже тянуло, но хозяинъ и не думалъ даже предложить »по другій«. Онъ только замѣтилъ, какъ-бы поддразнивая Балабуху и не обращаясь ни къ кому:

— Не люблю я сёго зилля. Отъ такъ тильки звычай якійсь. Хто до ёго привыкшій, може воно ёму й пользуе, а старому животови нема, якъ добра чарка горилки.

Коли-бъ же добра чарка, а не така, якъ наперстокъ, подумавъ Балабуха, посматривая на крохотную рюмочку, стоявшую праздно на столѣ.

Терлецкая сердито взглянула на мужа, и онъ замолкъ и болѣе не развивалъ уже этой темы, на которую много могъ-бы сказать хранившій молчаніе Балабуха.

Выпили чай. Килина съ торжествомъ выпесла самоваръ, на который накинулись младшія дочери, какъ мухи.

— Озьми лишень, дочко, гитару та заграй, або й заспивай намъ якои, сказавъ Терлецкій, доставая гитару съ косого угольнаго столика и подавая Олесѣ.

— Я вже давно грала и мабуть все чисто позабувала, кокетливо промолвила Олеся.

Она взяла гитару, подтянула струны и неувѣренно начала брать аккорды.

— Вы не граете на гусляхъ? спросилъ Терлецкій у Балабухи.

— Ни, не граю, отвѣтилъ Балабуха.

— Шкода. Я колись гравъ та позабувавъ. Отъ мій сусидъ, въ Богуслави, якъ утне, то ажъ помистъ дрижить. Э, що то за гарный струментъ! сказалъ Терлецкій.

Олеся сыграла нѣсколько козачковъ, одного »съ переборомъ«. Ей хотѣлось спѣть, но она сама не рѣшалась начать и ждала, пока кто попроситъ.

— Засьпивайте, коли ваша ласка, несмѣло попросилъ ее Балабуха.

— Засьпивай, дочко, про Хлою, або про Нарциза, або лучче про студента.

Олеся усмѣхнулась, и, взявъ аккордъ на гитарѣ, запѣла тоненькимъ голоскомъ сперва Хлою, потомъ Нарциза, а наконецъ и студента:

Охъ, велѣла меня мать
За купца да отдать!
А купецъ какъ идетъ,
Сундукъ денегъ несетъ.
Сундукъ денегъ не прійму,
За купца я не пойду.
Ой велѣла меня мать
За студента отдать!

А студентъ какъ идетъ,
Кучу книжекъ несетъ.
Кучу книжекъ я прійму,
За студента пойду.

Це до шмыги, подумалъ про себя Балабуха и затѣмъ громко сказалъ:

— Щиро дякую вамъ. Це дуже добре, якъ хто вміе грати, та ще до того й спивати. Отъ зо мною одинъ такій вчився: все було грае та спивае, спивае та грае. Инши пенса (урокъ) було вчать, други оккупацію роблять, а винъ поклавъ передъ себе гитару, та все затынае:

По дорози жукъ-жукъ, Подивися, дивчино,
По дорози чорный. Якій я моторный.

Тильки винъ такихъ деликатнихъ, якъ оце вы спиваетс, не вмивъ.

Олеся весело улыбнулась и кивнула Балабухѣ головой въ знакъ благодарности за такой лестный отзывъ.

Терлецкій воодушевился, всталъ со стула, началъ припоминать и декламировать давнія вирши, пробовалъ даже импровизировать, но выходило какъ-то нескладно. Вдругъ онъ что-то вспомнилъ, улыбнулся и подойдя къ Балабухѣ, сказалъ:

— Оце вы нагадали мени, що и въ насъ бувъ одинъ, що того *Жука* було разъ по разъ грае та выспивуе. Отъ разъ, тильки що винъ скинчивъ оце *моторный* и почавъ пальцями перебирати, а одинъ колега нибы далій:

Такій ты моторный,
Якъ собака чорный...

Всѣ расхохотались. Наступило оживленіе. Олеся продолжала играть и пѣть.

— Спивай, дочко, пока молоденька, говорилъ ей отецъ, бо якъ мине твоя весна, то перестанешъ спивати.—И онъ самъ затянулъ:

Наслаждайся дней твоихъ,
Все бо вмалѣ состарѣетъ...

Но потомъ съ какою-то горечью махнулъ рукой и закончилъ:

— Отъ бачите, и я колись спивавъ и вирши складавъ, а якъ ставъ старымъ, то вже й писня въ голову не йде.

Балабуха ничего не отвѣтилъ: мысль его была занята не тѣмъ. Слушая не безъ удовольствія игру и пѣніе чернявой Олеси, онъ еще раньше почувствовалъ, что въ его желудкѣ начинается музыка иная. На дворѣ вечерѣло, а перекусить доселѣ не давали. Графинъ съ водкой стоялъ будто припечатанный. Балабуха посматривалъ на двери, не вынесутъ-ли чего оттуда закусить, но двери не отворялись, а сирены въ широкой его утробѣ пѣли такъ громко, что ему становилось даже неловко.

Солнце зашло, смерклось на дворѣ. Терлецкая встала и вышла изъ свѣтлицы, за нею выбѣжала Олеся. Въ смежныхъ комнатахъ началась вновь бѣготня: забренчали ключи, застучали двери, зазвенѣли ложки и тарелки. Въ приотворенныя двери Балабуха видѣлъ, какъ мелькали на стѣнѣ тѣни головъ. Терлецкій ходилъ по свѣтлицѣ и фантазировалъ, а Балабуха сидѣлъ, опустивши голову и придерживая рукою опустѣвшій и ноющій животъ свой.

Спустя часъ широко распахнулись двери въ свѣтлицу. Баба съ Килиной внесли длинный столъ и накрыли скатертью. Килина за тѣмъ притащила кучу тарелокъ и начала разставлять по столу; баба отдѣльно вынесла ножи и вилки и раскладывала ихъ съ не-меньшею, какъ и Килина, торжественностію и вдумчивостію. Въ концѣ этой комически-важной суеты вышла Терлецкая и попросила гостя къ столу. Усѣлись всѣ четверо и долгонько ждали. Опять двери отворились.

Наконецъ-то... подумалъ Балабуха, увидѣвъ бабу съ длиннымъ блюдомъ.

Но на большомъ блюдѣ оказалось всего лишь двое маленькихъ, какъ воробьи, цыплятъ. Балабуха даже вздрогнулъ.

— Прошу покорно! обратилась къ нему Терлецкая.

— Потрывай, паниматко! мы, по старому звычаю, выпьемо цiеи *aquae vitae*, котрои давни римляне певно не пили, сказалъ Терлецкій, наливая наперсточекъ.

Балабуха выпилъ и только жалобно поморщился. Сообразивъ ничтожный запасъ лежавшаго на блюдѣ кушанья съ числомъ сидѣвшихъ за столомъ и не желая ни конфузить хозяевъ, ни безнадежно раздражать свой аппетитъ, онъ отрѣзалъ ножку у цыпленка

и положилъ на тарелку. Олеся и мать отрѣзали по крылышку и давали видъ, будто ужинаютъ. Балабуха и самъ давалъ такой же видъ: обгрызъ ножку и вилку и ножъ положилъ на тарелку. А въ его голодномъ воображеніи рисовалась, предъ его глазами носилась »макитра« варениковъ въ сметанѣ.

— Правду казала мати! подумалъ Балабуха: якъ бы умысне не пообидавъ, то-бъ не доихавъ живый до дому.

Посидѣли еще за столомъ, поговорили и встали. Пришла баба и унесла блюдо, на которомъ остался нетронутымъ одинъ цыпленокъ.

Послѣ столь сытнаго ужина, терзаемый голодомъ, Балабуха сталъ прощаться. Терлецкіе просили его не забывать ихъ и пріѣзжать къ нимъ почаще.

Было уже около полуночи, когда Балабуха тронулся со двора. Только что выѣхали за село, Балабуха спросилъ погонича:

— Чи не зосталось въ тебе хлиба въ торбини?

— Та тамъ зостався окраець.—Ну, та й скупи-жъ ци люди! сказалъ погоничъ, развязывая торбу съ хлѣбомъ: мабуть вони тимъ и багати, що скупи. Покликали мене полуднувати, чарки горилки не дали, а матушка вынесла хлибъ, одкраяла панську скибочку, та й зновъ взяла въ покои. Та горбата Килина мабуть живе Божимъ духомъ. А на попадю наймички й наймиты кажуть: *пани*, бо якъ котра назве матушкою, то вона, Господи, якъ сердиться.

Въ полночь Балабуха пріѣхалъ въ Хильки и разбудилъ мать.

— Мамо, давайте хочъ шматокъ сала та хлиба: йсты такъ хочу, ажъ шкура трищить.

— А я тоби казала! Ци гарбуза не причеплять, але витають гостей вже дуже по паньски. Сидай, сынку, за стилъ.

Мать высунула изъ печи »макитру« варениковъ. Балабуха принялся за нихъ съ жадностью и не оставилъ въ »макитрѣ« ни одного.

— Якъ-же тоби показалась дочка? спрашивала мать.

— Дочка гарна, и грае добре, и сьпивае добре, вбрана по панськи, сказалъ Балабуха и почувствовалъ, что Олеся заслонила въ его воображеніи тонкія брови Описи.

— Та въ йхъ и грошей сила. Не знаю тильки, чи дасть старый. А що вже багати, то багати, сказала мать.

Наѣвшись до отвалу, Балабуха завалился въ постель и заснулъ богатырскимъ сномъ.

Между тѣмъ въ Хохотвѣ, по выѣздѣ Балабухи, въ домѣ Терлецкихъ послѣ церемоннаго начался домашній ужинъ. На тотъ-же столъ Килина вскорѣ поставила большую вазу галушокъ съ саломъ. Ѣли съ неменьшимъ аппетитомъ, какъ и Балабуха; даже Олеся, удовольствовавшаяся при гостѣ однимъ крылышкомъ маленькаго цыпленка, теперь опорожнила полную тарелку галушекъ, и съ разу ей стало такъ тѣсно въ корсетѣ, что она поспѣшила кликнуть Килину, чтобы поскорѣе распустить шнуровку.

— А що, Олесю, якъ тоби показався Балабуха? спросилъ ее отецъ.

— Такъ соби..... ничого, отвѣчала Олеся, сдѣлавъ видъ равнодушный.

— Отъ и ничого! отозвалась мать: панычъ здоровый, огрядный, вченый, чисто вбраный.

— И латынь знае добре: такъ и сыпле латынськими приказками, добавилъ отецъ: ни, дочко! цёго жениха шкода выпускати зъ рукъ. Ты будь зъ нимъ привитниша, якъ прибуде до насъ вдруге, та поговори зъ нимъ любенько.

— Коли-жъ винъ самъ не дуже охочій до розмовы. Сидить, та дивится, та очи пидводить, та чогось неначе стогне.

— То й добре, коли мовчить. Менше буде допикати тоби языкомъ, сказала мать, взглянувъ на своего »панотця«.

— Правда въ ёго очи й брови гарни, але губы... зовсимъ якись чудни. Чогось неначе кривиться, якъ середа на пятницю, сказала Олеся.

— Тоби, Олесю, мабуть треба жениха зъ Кыива, або зъ Варшавы... сказалъ съ недовольствомъ отецъ: дежъ тоби кращихъ набрати.

— Олеся хотѣла сказать, гдѣ она набрала-бы лучшихъ жениховъ, но промолчала: она видѣла въ »экономіи« и на панскомъ дворѣ гораздо интереснѣе паничей изъ сосѣдней польской шляхты; но богатые не сватали, а за бѣдныхъ отецъ не хотѣлъ отдать.

Олеся легонько вздохнула и отправилась спать.

Скоро всѣ уснули въ домѣ Терлецкихъ, только въ пекарнѣ долго еще свѣтилось. Тамъ Килина зъ бабой, да съ другой, также

»подданной« Терлецкаго, долго мыли да вытирали посуду, да бранили гостя. Килина и баба кончали работу уже черезъ сонъ. Ихъ блѣдныя лица совсѣмъ осунулись, сонъ клонилъ ихъ головы внизъ. Перевалило уже за полночь, а онѣ все еще стирали да прибирали, а на другой день ихъ ждала таже нескончаемая, съ колотушками и бранью, подъ строгимъ присмотромъ, работа и голодная жизнь, отъ которой бѣжали люди со двора Терлецкихъ, куда кто могъ.

И. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪЯСНЕНІЕ ПОЛКОВНИКА И. ЧЕРНЯКА О РАБОТАХЪ КОЗАКОВЪ НА ЛАДОЖСКОМЪ КАНАЛѢ[1].

Високо Правительствующому Сенату

Доношение.

При воздаянии раболѣпного моего вашимъ свѣтлостемъ и сиятельствомъ, черезъ нарочно посланихъ моихъ, до-земного поклоненія, всепокорнѣе хотячи я въ напрасно нанесенномъ одъ господина полковника Вѣтвера свѣтлѣйшому римского и росийского государствъ ижерскому князю, генералу фелтъ маршару и кавалеру, его милости, господину Александру Даниловичу Меншикову пороцѣ и оскарженни козаковъ команди моей, на работѣ каналной, по указу его императорскаго величества, нашого всемилостивѣйшого государя, обрѣтаючихся, что будто они козаки лениво работаютъ (яко о томъ зъ копѣи его княжой свѣтлости листу до господина брегадира Леоптиева, а одъ его милости ко мнѣ присланного извѣстилемся), праведное мое предъ високое вашихъ свѣтлостей и сиятельствъ лице принести оправдание, сие въ отвѣтъ до-

[1]) Помѣщаемый документъ заимствуется изъ ветхаго рукописнаго сборника разнаго рода записей, между которыми большинство составляютъ рѣшенія полтавскаго полковаго суда. Это не подлинникъ, но современная копія, судя по почерку всего сборника.

Командиръ посланнаго на ладожскій каналъ полка пишетъ съ мѣста работъ и описываетъ ихъ процедуру въ томъ участкѣ, какой отведенъ на долю козаковъ. Мы слышимъ голосъ очевидца, и это даетъ цѣну памятнику, въ своемъ родѣ пока единственному. Полковникъ Черняк пишетъ подъ очевиднымъ страхомъ гнѣва царскаго любимца, извѣстнаго Меншикова, предъ которымъ обнесли въ лѣни и нерадѣніи его и весь полкъ. Онъ старается оправдаться предъ сенатомъ и пишетъ въ самомъ униженномъ тонѣ. Насколько вѣрно самооправданіе, судить не

ношу: что любо за прибутіемъ нашимъ отъ Ладоги, въ первыхъ числехъ іюня, къ Кобонѣ зъ командою моею, не можна было заразъ, для наводненія великого въ каналу, въ земляную въступити роботу, однакъ козаки черезъ увесь тотъ часъ, безъ жадного огурства и лѣности еже-дня едни ручаи, зъ болотъ въ каналъ текучіи, гатили и плотини на многихъ мѣсцахъ черезъ увесь каналъ займали, а прежніе направляли, возячи песокъ для засипанія отъ мѣлу, други тежъ въ каналу, где вода надтягнена била, рови копали, а третіе указанное число фашинъ, сваевъ, дощокъ и колля зъ неменшою трудностію за килка верстъ на своихъ плечахъ носили; когда зась, по вилитю зъ канала води, земляная настала работа и козаки, вирівши болшъ аршина въ глибъ, а въ ширъ сажень триаршинний въ каналу посредѣ ровъ, для спущенія подъ машини води, и оной належите виношеннемъ землѣ вичистивши, хотѣли по опредѣленію и розмѣру за дѣло самое каналное взятись, лечъ господинъ полковникъ Вѣтверъ для проби велѣлъ числа 9 іюня ундеръ-офѣцеру своему въ горѣ едну плотину розрити, а потомъ видя, что каналъ увесь по прежнему наполненъ водою, приказалъ знову козакамъ одъ полдня черезъ всю нощь оную плотину, понеже вода всю било поломила, вновь гатити изъ тихъ мѣстъ. Покамѣсть одъ числа 9 до числа 18 знову зъ каналу вода витягнена, у роботѣ каналъной остановка чинилася, однакъ и тогда не бездѣлны козаки били, лечъ по прежнему лѣснис припаси готовили, гатки по вся дни поправляли и гатили, а иные зъ полковъ въ тое время килкокротне по телѣжки и колеса за 10 верстъ до подрадчика ходили и на себѣ носили, одколь другие и нѣщимъ, что не вистарчено било, мусѣли ворочатися, а любо по пятнадцать коней государевихъ для привозки помянутихъ телѣжокъ въ полки и давани, однакъ-же тие конѣ били весма вимордование и витягненіе, которие и порожние вози въ

почему; предъ нами только процедура работъ, гибельная для работающихъ. Но въ ней, наравнѣ съ казаками, фигурируютъ драгуны, армейскіе солдаты и простые землекопы, согнанные съ разныхъ концовъ Петрова царства. Зная много о дѣяніяхъ Великаго Петра, мы сравнительно немногое еще знаемъ о тѣхъ жертвахъ отъ народа, какими созидались его слава и могущество Россіи. Приводимый документъ можетъ пѣть значительную цѣну въ изслѣдованіяхъ этого послѣдняго рода.—Р е д.

сілу потягли, того ради назадъ зъ полковъ отдано. И скоро начала вода въ каналу уменшатись, ровъ посредѣ оного, одъ пѣску замѣлений, знову рили, землю виносили и очищали. А особливе що разъ по машини ровчаки два для скорѣшого проходу водного копали. И въ числехъ 18 и 19 іюня по витягненю води, вступівши козаки другимъ разомъ въ земляную работу, со всякимъ радѣніемъ и пилнимъ прилежаніемъ, хотячи въ скорѣ опредѣленнии свои дѣлницѣ ку прислузѣ своей-же совершить, чтобъ заранѣе, не входячи въ осѣнь, могли били ку домамъ одпущени, безъ жадной лѣности не только за себе, но и за болние, такожъ и за умершие, понеже ихъ дѣлниця остается, при досмотрѣ офицеровъ работали; въ двохъ зась полкахъ, чернѣговскомъ и стародубскомъ, мусѣли козаки на мѣсце болнихъ и умершихъ, что не змогли сами за слабостию въ здоровю и своихъ дѣлниць виробить, бурлаковъ наймати, которие нинѣ работаютъ. А въ числе 23 юня, за прибутнемъ его милости, господина генерала маіора Писарева къ каналу до Кобонѣ, когда по осмотру нашой работи изволивъ повелѣть болшъ въ каналу не копать, толко въ горѣ мало винять и зровнять, такожъ и береги отдѣлать, для узнаня въ каналу мѣри приказалъ во всю каналную роботу зъ гори води упустить, то одъ того числа, для наводнения великого, ктомужъ еще и дожчѣ частие спадали, знову остановка въ дѣлѣ канала до числа 9 и 12, а въ иншомъ полку и до 20 іюля показалась и черезъ все тое время, пѣмъ вода не уменшилась, по осмотрѣ обоемъ, и ундеръ-офицера, такожь и старшини нашой полковой, по прежнему козаки на работѣ фашинной и сваевъ найдовались, а иние, за предложениемъ моимъ листовнимъ господину бригадиру Леонтиеву, машинъ двѣ, для скорѣшого води въ дѣлницяхъ команди моей витягненя, зъ драгунской роботи взявши, зъ немалою трудностію, но килка сотъ человѣкъ зъ полковъ на себѣ не въ близкости переносили, а ктому и въ перенесеню на каждой полкъ по килка капровъ, черезъ немалое разстояние мѣсца, бѣди дознали, особливе тогдажъ поузъ каналъ по обоимъ сторонамъ полверстви всѣми полками, для воспящения въ реку Кобонъ води зъ озеръ въ каналъ проринутись мѣючой, якая уже знатне стала била проходити, рови копали въ ширъ болшъ сажня, а въ глибъ полтора слоя.

Итакъ зъ сего моего неложного отвѣту благоизволѣте ваша свѣтлость и сіятельство високимъ и премудримъ разсмотреніемъ зважити и уважити, якая козаковъ моихъ подкомандныхъ въ роботѣ інтересу монаршого (который по нашой вѣрности и рабской къ своему всемилостивѣйшому государю, его імператорскому величеству должности всегда готови исполнять) показуется лѣностю и нерадѣніемъ, одъ кого барзѣй въ дѣлѣ каналномъ происходило и происходить препятие и лишняя остановка. Сего ради, надъ предъ сенаторскими вашихъ свѣтлостей и сіятелствъ, стопами, всенайпокорнѣе прошу жадного о роботѣ козацкой не имѣти мнѣнія и подзору, въ которомъ, безъ вини благословной, напрасно одъ господина полковника Вѣтвера оскаржени зостали, и для лучшого достовѣрия благоволѣте ваша свѣтлость и сіятелство, по своей милости, аще сие угодно будетъ, росказать помянутую нашу работу, что впдѣлано, освѣдительствовать, и если-бы не препятіемъ наполненная въ каналѣ била вода, певне давнѣ-би земляное козаковъ дѣло пришло до совершенства, якожъ и такъ при помощи Божой робота команди моей въ каналу зъ драгунскою и салдацкою, любъ они передомъ гаразд зачали дѣлать, соравнилась, а отъ бурлацкой, хочай такожъ они черезъ килка мѣсяцей работаютъ, получаючи знатное государево награждение, послѣдніе взятии до каналного дѣла козаки стали первѣйшіе, понеже опредѣленние свои дѣлници землѣ викопали, сваями береги забили и фашинами въ мѣру указаняую соравнили, тилко уже надлежитъ въ горѣ по три фашини, когда виготовлени будутъ, положити, и тая надѣя въ Бозѣ, что зачатая козаковъ робота конечне желаемой своего окончания воспріиметъ скутокъ. Обаче сіе токмо мене усумнѣваетъ и смущаетъ, же въ командѣ моей, такъ при Кобонѣ обрѣтаючойся, яко и при Ладозѣ у каналной работи будучой, многое число козаковъ болнихъ и умершихъ найдуется, и що разъ въ болѣзни тяжкой, якая бардзѣй гарачка да опухъ ногъ вкоренилась, примножаются и умираютъ, якихъ вѣденіе явствуетъ, однакъ на таковую беднихъ козаковъ нужду приставние офѣцери не взирая, безъ жадного баченя, зъ повелѣния господина брегадира Леонтиева, не милостиво бючи ихъ у роботи палками, хочай оную не толко днемъ и ноччу, лечъ и во дни недѣлние і празничние одправуютъ, безъ одпочивку приганяютъ. Опасаяся теди я, чтобъ по прошлорочному козаковъ

зде не загубити, якихъ развѣ третья часть ку дому и въ прошлемъ году повернулась, предваряю въ сенатъ покорнѣйшимъ симъ моимъ писаниемъ и рабско прошу, благоволѣте ваша свѣтлость и сіятельство, іле по указу его імператорского величества високою своею особою россійское правление содержите, не допустить команди моеи въ конецъ при сей каналной роботѣ, не била-бъ надъ чужое мѣсто, якъ господинъ полковникъ Вѣтверъ хощетъ, зъ согласиемъ господина брегадира Леонтиева, который къ дѣлнимъ козакамъ велми есть недоброхотъ и немилостивъ, учинить,—для зачинания другой работи переведена, якой отнюдъ нѣкимъ (Богу самому свѣдущу, бо всѣ козаки въ сілѣ своей весма ослабѣли и ели живи обрѣтаются) дѣлать, лечь-би, не уводячи въ глубокую осѣнь роскиса и плюскоти, одпущены зостали во свояси принамнѣй въ первихъ числехъ сентеврия, такъ для лучшого и безбѣдного запроваженя болнихъ, зъ которими иле многимъ числомъ я теперь не вѣдаю, що чинити и куда ихъ обернути, и до лѣкарей зъ лѣкарствами для помощи хочай килка разъ о присилку онихъ и упоминалемся, не дано, яко и для вигоднѣшого такъ далечайшого пути здоровимъ, якие всѣ опѣшали ходу. А понеже прошлого року, по милости его імператорского величества, для проходу одпущенихъ зъ каналу козаковъ високо повелителнимъ его величества указомъ опредѣленно било видавать правиянтъ и для коней фуражъ, того ради да не лишени будуть и нинѣ тоежъ монаршой милости работаючие козаки, благоизволѣте ваша свѣтлость и сіятельство повелѣть високопочтеннѣйшимъ своимъ указомъ видать о получении въ пути козакомъ, когда одпущени будутъ изъ каналу, провиянту и для коней, якихъ неболшое число можетъ бити, принамнѣй самого сѣна, ибо они козаки тугъ при каналѣ не тилко позбули остатний грошевий запасъ, и иние при своей болезни для пропитания и одежду, якую имѣли, попродали, албо вѣмъ до сего часу, по указу его імператорского величества, за видѣлку кубическими саженями въ каналу землѣ и за виношение зъ немалою бѣдою и трудностию за пять и шесть верствъ фашинъ и сваевъ, надлежащихъ денегъ имъ не видано, а любо изволивъ его княжеское сіятелство, господинъ Александеръ Данилович Меншиковъ, фелтъ маршалъ и многихъ ординовъ кавалеръ на листъ мой въ ответномъ своемъ почтеннѣйшимъ писании предлагать, что велено видать денги, однакъ при тои дачи мѣ-

ютъ вичитать данние онимъ въ прошломъ 1721 году, за которие не заробили. А понеже его імператорское величество нашъ всемилостивѣйший государь, по своей високомонаршой милости, благоизволивъ для всемирной радости получнаного зъ шведскою короною вѣчного мира, не тилко провиянтомъ, но грошми и лѣкарствами, якие давани били прошлого лѣта при каналѣ козакамъ ихъ безвозвратно и чого за приключившоюся слабостию противъ порціи драгунской работи не додѣлали, того на ихъ козакахъ въ семъ году не взискувать; сего ради, при обятии стопъ сенаторскихъ вашихъ свѣтлостей и сіятельствъ, всенижайше прошу, подлугъ того его імператорского величества милостивѣйшого указу, повелѣть такъ за роботу каналную козакамъ надлежащіе всѣ денги, не вичитая въ той суммѣ нѣчого, видать, яко и въ вижей вираженномъ команди моей нужномъ требовании милостивое свое явити благосклонение и дѣйствителнѣ рѣшителную учинить резолюцию.

Вашимъ свѣтлостемъ и сіятелствамъ нижайший рабъ
полковникъ полтавский Іванъ Чернякъ.

Одъ селг. Кобони при каналѣ.
Августа 2, року 1722 г.

Библіографія.

Славянскій Ежегодникъ. Изданіе кіевскаго славянскаго общества. Выпускъ шестой. Составленъ подъ редакціею Т. Д. Флоринскаго, доцента императорскаго университета св. Владиміра. Кіевъ. 1884. (382 стр. Цѣна 1 рубль).

Съ похвальнымъ постоянствомъ изъ году въ годъ кіевское славянское благотворительное общество выпускаетъ по книжкѣ *Славянскаго Ежегодника*, и даетъ этимъ добрый, но пока еще безплодный, примѣръ другимъ кіевскимъ обществамъ,—собственно ученымъ, а не благотворительнымъ, отъ которыхъ слѣдовательно естественнѣе было-бы ожидать постоянной литературной производительности. Составъ послѣдняго выпуска *Славянскаго Ежегодника* довольно разнообразенъ. Есть тутъ и изящная словесность — *Горные разсказы* чешскаго писателя Алоиза Краска (*Залишь*, *Дивоусъ* и *Дворскій*), разсказы очень милые и граціозные, особенно первый и третій. Къ отдѣлу-же изящной словесности можно отнести и *воспоминаніе о событіяхъ 1876 г.* болгарскаго писателя И. Вазова въ русскомъ переводѣ и его-же стихотвореніе *Россія* въ болгарскомъ подлинникѣ. Есть статьи болѣе серьезныя и тяжеловѣсныя, которыя можно причислить къ отдѣлу научному. Сюда относятся: »разборъ стихотвореній чешскаго поэта *Яр. Верхлицкаго* (псевдонимъ Эмиля Богуша Фреды), навѣянныхъ вліяніемъ философіи Шопенгауера; 2) *Фр. Кухачъ и его Сборникъ южно-славянскихъ пѣсень* (обѣ статьи принадпринадлежатъ Л. Степовичу). 3. *Нынѣшнее положеніе Словаковъ*. Свѣтозара Гурбана-Вьянскаго (въ переводѣ Т. Д. Флоринскаго) и 4. *Покушеніе Австріи ввести въ Далмаціи унію*. Статья Я. Головацкаго. Есть наконецъ и научная хроника, въ составъ которой входятъ два некролога: В. В. Макушева († 2 марта 1883 г.) и Ю. Даничича († 4 ноября 1882 г.) и

два юбилея: Франца Миклошича (8 ноября 1883 г.) и В. И. Ламанскаго (9 мая 1883 г.). Научная хроника во всемъ составѣ своемъ принадлежитъ перу редактора *Ежегодника* Т. Д. Флоринскаго. *Ежегодникъ* заканчивается *Славянскою библіографіею* за 1879—81 годы, составленною А. О. Поспишилемъ.

Выслушаемъ сначала отъ *Славянскаго Ежегодника* одинъ упрекъ, обращенный по адресу русскаго общества. Авторъ статьи о *сборникѣ южнославянскихъ пѣсенъ Фр. Кухача* въ подстрочномъ примѣчаніи говоритъ: »Трудно представить себѣ бо́льшую степень равнодушія, чѣмъ ту, какую проявляетъ наше общество по отношенію къ явленіямъ славянской жизни, особенно, если это явленія не политическія, а бытовыя, относящіяся всецѣло къ скромной сферѣ мирнаго общественнаго развитія... Изданіе (*южно-славянскихъ пѣсенъ*) предполагалось въ двухъ транскрипціяхъ текста: кирилловской и латинской, именно въ виду желанія автора доставить удобства при пользованія изданіемъ тѣмъ славянамъ, которые употребляютъ кирилловское письмо. Русское общество могло-бы очень поддержать такую полезную мысль и посодѣйствовать распространенію цѣннаго изданія, но оно не знало о немъ (по своей-же впрочемъ винѣ!), и изданіе въ кирилловской транскрипціи лопнуло и прекратилось на пятомъ-же выпускѣ! Вотъ и предпринимайте послѣ этого что-нибудь подобное, въ разсчетѣ на поддержку русскаго общества!« (стр. 235). Далѣе (стр. 239—240) авторъ статьи припоминаетъ, что »въ началѣ семидесятыхъ годовъ и кіевская публика по концертнымъ исполненіямъ студентовъ—любителей изъ хора г. Лысенка была знакома съ славянскими пѣснями. Таковы напр. пѣсни *чешскія*: 1) Вльтаво! 2) Тѣшме се благой надѣи, же се врати злате часы! (гуситская пѣсня, прекрасная по напѣву и содержанію), *сербская*: 1) Сви лайкаше одоше лако (всѣ корабельщики ушли легко) 2) Я подьо снудьенъ край дола (я пошелъ опечаленный около долины) и *хорватская*: Напрей застава славе, на бой юнашка кри! (Впередъ знамя славы, въ бой молодецкая кровь!) Всѣ эти пѣсни были весьма любимы публикой, нынѣ-же почему-то мало исполняются. Не можемъ не пожалѣть объ этомъ, такъ какъ путь публичнаго концертнаго исполненія—самый вѣрный для взаимнаго ознакомленія славянъ съ своими драгоцѣнными произведеніями музыкально-народнаго творчества. Лучшее средство для популяризаціи у насъ славянскихъ народныхъ пѣсенъ—это, повторяю, публичное ихъ исполненіе въ концертахъ хорошо организованными хорами, каковъ былъ напр. еще въ недавнее время въ Кіевѣ хоръ г. Лысенка. Нынѣ при отсутствіи такого рода исполненія славянскихъ пѣсенъ, онѣ опять перестали быть знакомы нашей публикѣ, и такимъ образомъ придется теперь, пожалуй,

начинать съизнова въ дѣлѣ ознакомленія ея съ родственной славянской музыкой».

Но, выслушавъ упрекъ отъ *Славянскаго Ежегодника*, отвѣтаемъ и ему такимъ же. Воспользуемся для этого словами покойнаго В. В. Макушева, приведенными въ его некрологѣ, помѣщенномъ въ этой же книжкѣ *Славянскаго Ежегодника*. «Ни одно изъ славянскихъ племенъ (говоритъ В. В. Макушевъ) не заслуживаетъ столь тщательнаго съ нашей стороны изученія, какъ сосѣднее намъ польское племя, съ которымъ мы находимся въ непрерывныхъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ съ древнѣйшихъ временъ и понынѣ. Поляковъ же мы знали и знаемъ меньше, чѣмъ другихъ славянъ и потому при всякомъ столкновеніи съ ними дѣлаемъ непростительные промахи и ошибки. Равнымъ образомъ и поляки не знали или вѣрнѣе не хотѣли знать Россію и русскихъ въ настоящемъ видѣ... Но поляки уже начинаютъ сознавать свою ошибку [1]); нужно же и намъ стараться поближе ознакомиться съ польскимъ народомъ въ его прошедшемъ и настоящемъ». (Стр. 301—302).

Въ приведенныхъ словахъ рѣчь идетъ не о политическомъ сближеніи между русскими и поляками, которое немыслимо при діаметральной противуположности стремленій русскаго и польско-шляхетскаго обществъ, но о сближеніи на нейтральной почвѣ науки, искусства и литературы, которое не можетъ быть чуждо и задачамъ кіевскаго Славянскаго Общества. Между тѣмъ настоящій выпускъ его *Ежегодника*, давая русскому обществу нѣчто для знакомства съ чехами, болгарами и словаками, ничего не даетъ для знакомства съ польскою литературою. Польская литература принадлежитъ къ числу богатыхъ нерѣдко выдающимися научными и беллетристическими произведеніями; но для насъ она представляетъ особый интересъ въ томъ отношеніи, что по части южно-русской исторіи, этнографіи и пр. даетъ едва ли не болѣе, чѣмъ даемъ мы сами [2]).

---

[1]) Разумѣются, конечно, переводы на польскій языкъ нѣкоторыхъ сочиненій русскихъ писателей. Изъ недавно вышедшихъ въ польской библіографіи, приложенной въ концѣ см. *Ежегодника*, поименованы слѣдующіе: *Turgeniew*, Iwan-Pamietniki mysliwca, przeł. Henryk Heng. tom I. B. 1880. *Puszkin*. Cyganie, przekład Mir. Dobrzanskiego. Варшава. 1881. 31 стр. и *Gogol*, Mikolaj. Martwe dusze. Познань. 1879. 363 стр.

[2]) Чтобы не быть голословными, сдѣлаемъ хотя такія бѣглыя указанія. Въ послѣдніе два-три года польская литература о Хмѣльницкомъ дала два выдающіяся историко-беллетристическія произведенія, какъ »Z burzliwej chwili« Ежа и »Ogniem i mieczem« Сенькевича (переводъ перваго въ »Русской Мысли«, втораго въ »Живописномъ Обозрѣніи«), у насъ-же явилась только слабо-научная и претенціозная книжица Бушинскаго, да возобновленная 4-мъ типомъ монографія

Правда, что это условливается близостію нашей прежней и польской исторіи, отчасти же и особымъ взглядомъ польскаго общества на наши южныя и западныя области, которыя она не перестаетъ и теперь считать своими, но тѣмъ не менѣе мы не можемъ не пользоваться ея произведеніями по этой части, когда нашихъ собственныхъ такъ еще бо много. Будемъ надѣяться, что наше Славянское Общество въ дальнѣйшихъ выпускахъ своего Ежегодника пополнитъ этотъ пробѣлъ, равно дастъ намъ что либо изъ области вполнѣ родственной намъ литературы нашихъ галицкихъ братій, которыхъ, по своему уставу, Общество преимущественно имѣетъ въ виду.

Т. Ф.

Kolberg Oskar. Pokucie. Obraz etnograficzny. T. II. Kraków 1883. (Кольбергъ Оскаръ. Покутье. Этнографическій этюдъ. Т. II. Краковъ. 1883 г.).

Въ февральской книжкѣ »Кіевской Старины« за текущій годъ мы уже дали читателямъ краткій отчетъ о первомъ томѣ замѣчательной работы О. Кольберга »Pokucie«. Въ настоящее время мы можемъ сдѣлать небольшое сообщеніе о второмъ томѣ этого сборника.

Въ этой книжкѣ помѣщено 512 пѣсенъ, изъ которыхъ большинство съ мелодіями подъ общимъ заглавіемъ »пѣсни и думы«. Чтобы чи-

---

Костомарова. По части нашей этнографіи у поляковъ явился капитальный трудъ Кольберга »Покутье«, мы-же ничего подобнаго противупоставить ему за это время не можемъ. Укажемъ также на недавнія и свѣжо вышедшія въ польской литературѣ историческія сочиненія, имѣющія ближайшее къ намъ отношеніе и нашъ мѣстный интересъ. Таковы. 1) *Historya* Bazylianów w połockiej cerkwi w r. 1705, dnia 30 junia starego. Poznań (W. Simon) 1883, 2) *Bykowshi Piotr Jaksa.* Słoboda, powieść z dziejów zeszłowiecznej Ukrainy. Warszawa. 1883 r. (1884), 3) *Gorzkowski M.* Wskazówki do nowego obraza Jana Matejki, Wernyhora, z pobieżnym opisem o kozakach w ogóle. Kraków. 1884. 4) *Łuneewski T.* Cmentarzysko starożytne w Łuskach i Grodzisku, w gub. Siedleckiej, w pow. Sokołowskim. Warszawa. 1883 r. z rycina w tekscie. 5) *Notatka* o Akademii i szkołach jezuitów w Połocku. Poznań. 1884. 80 fenig. 6) *Popowski Boles.* Pieśni ludu ruskiego ze wsi Zalewańszczyzny (Odbitki ze Zbiora Wiad. do atr. kraj., tom. VIII 3) Kraków 1884. 7) *Zuber Rud.* Studya geologiczne we wschodnich Karpatach, część II. Lwów. 1883. 8) *Podbereski* Andrzey. Materyały do demonologii ludu ukraińskiego. Краковъ. 82 стр. 9) *DeLaveaux*, Ludwik. Michal Glinski, szkic historyczny. Львовъ. 45 стр. и проч.

татель не былъ введенъ въ заблужденіе этимъ заголовкомъ, я долженъ предупредить его, что терминологія О. Кольберга, принятая имъ въ польскихъ этнографическихъ работахъ и всецѣло перенесенная въ его »Pokucie«, существенно рознится отъ терминологіи усвоенной южно русской этнографіей. Названіе *дума* у Кольберга не означаетъ того, что мы привыкли называть думою, т. е. эпическихъ козацкихъ рапсодовъ, исполняемыхъ бандуристами. Польская дума имѣетъ довольно неопредѣленное значеніе; она присвоется каждой почти пѣснѣ народной съ серьезнымъ содержаніемъ и напѣвомъ, если только эта пѣсня не обрядная цикла. Бываютъ слѣдовательно у Кольберга думы самаго разнообразнаго содержанія: историческія, баллады, любовныя, семейныя, бытовыя и т. п.; дѣйствительныхъ-же думъ кобзарскихъ у него, разумѣется, нѣтъ вовсе. Классификація пѣсеннаго матеріала тоже не совпадаетъ съ установившеюся классификаціей южно-русской этнографіи, хотя и основана не на формѣ, а на содержаніи пѣсенъ. Такъ напр. въ отдѣлѣ IV *Dumy i pieśni zalotne* читатель найдетъ баллады (№№ 110, 113, 120) и разбойничьи (№ 111, 112) пѣсни. Вообще говоря, классификація Кольберга, довольно неустойчивая, не вполнѣ опредѣленная и сбивчивая составляетъ главный, хотя и единственный недостатокъ II-го тома »Pokucie«. Вслѣдствіе этого недостатка матеріалъ, распредѣленный на 15 отдѣловъ, подчасъ до того перепутанъ, что подбирая однородныя пѣсни, приходится рыться почти по всѣмъ отдѣламъ.

Такая участь постигла напр. пѣсни историко-бытоваго характера, которыя попали во многіе отдѣлы, миновавъ отдѣлъ I *Dumy historyczne*. Среди двадцати пѣсенъ этого отдѣла, я нашелъ только двѣ пѣсни историческія; это: два прекрасныхъ варіанта гайдамацкой пѣсни о Савѣ Чаломъ и три варіанта пѣсни о Бондаривнѣ и Потоцкомъ (панъ Каневскій); остальныя пѣсни ничего историческаго въ себѣ не заключаютъ, и приходится ихъ отнести къ балладамъ и къ разбойницкимъ. Въ поясненіи къ пѣснѣ о Савѣ Чаломъ (стр. 289), гдѣ авторъ приводитъ и варіантъ Срезневскаго, онъ дѣлаетъ старую ошибку нашихъ историковъ, пріурочивая личность Савы Чалого къ временамъ Наливайка, ошибку давно выясненную актами о гайдамакахъ, изданными въ 1876 г. Временною коммисіею для разбора древнихъ актовъ. Бытовыхъ козацкихъ пѣсенъ записано Кольбергомъ болѣе двухъ десятковъ. Сохранились онѣ отчасти въ чистомъ видѣ (№№ 109, 353, 398, 410, 412—417), частью-же пріурочены къ новому солдатскому типу (№№ 40, 402, 408, 418—420, 424, 425.), но пріуроченіе это почти всегда ограничилось замѣною слова *козаки* на »жовнирыки, гранатыри, уланы« и т. п.

Даже въ извѣстной невольницкой пѣснѣ о выкупѣ любимою дѣвушкою (№ 418, 420) фигурируютъ жолнеры.

Дѣйствительныхъ солдатскихъ пѣсенъ, созданныхъ новой солдатской жизнью, весьма мало и тѣ по содержанію мало чѣмъ отличаются отъ пѣсенъ рекрутскихъ, которыхъ довольно много (№№ 373—391, 394, 396, 397, 399,—401, 404, 411, 422, 423). Всѣ онѣ носятъ тотъ-же характеръ, какимъ отличаются и наши рекрутскія пѣсни; разлука, съ семьей, милой, съ родиной, жалоба на тягость ненавистной службы,—и ни одной черты патріотическаго сознанія долга. Какъ у насъ, такъ и на Подгорьѣ нѣтъ ни одной веселой пѣсни рекрутской или солдатской. Я здѣсь, разумѣется, не говорю о нашихъ лагерныхъ, такъ сказать офиціальныхъ, пѣсняхъ. Среди рекрутскихъ пѣсенъ есть нѣсколько варіантовъ, общихъ нашимъ подольскимъ и волынскимъ, но большинство изъ нихъ выросло на мѣстной галицкой почвѣ и носитъ своеобразный мѣстный характеръ, обусловливаемый австрійскими порядками рекрутскаго набора и подгорскими отношеніями.

Тотъ-же мѣстный характеръ носятъ и пѣсни о панщинѣ (№ 451, 455), и »про волю« (№ 457—460). Въ одной пѣснѣ о панщинѣ (№ 455), какъ единственное спасеніе, указываются горы и опрышки (бандиты). Четыре оригинальныя пѣсни о волѣ проникнуты благодарностью *цисару* (императору) за освобожденіе крестьянъ и ѣдкимъ сарказмомъ, направленнымъ противъ пановъ-ляховъ, гоняющихся за ушедшею панщиною.

Между пѣснями бытовыми, кромѣ нѣсколькихъ бурлацкихъ и чумацкихъ, залетѣвшихъ на Подгорье въ довольно искаженныхъ и неполныхъ варіантахъ, попадаются и пѣсни совершенно мѣстнаго типа: это пѣсни о *чабанѣ*—пастушескія (№ 477, 478) и разбойницкія.

Эти послѣднія не носятъ полнаго характера настоящихъ пѣсенъ опрышковъ Чорной горы. Онѣ не рисуютъ намъ горскихъ бандитовъ, ихъ жизни и обычаевъ; онѣ подходятъ по своему содержанію къ особому роду балладъ, разсказывающихъ о разныхъ убійствахъ, грабежахъ и насиліяхъ. Словомъ, это эпическіе разсказы о похожденіяхъ разбойниковъ не въ смыслѣ воспѣванія подвиговъ удалыхъ отважныхъ опрышковъ, а въ смыслѣ разсказа о постигшемъ кого нибудь несчастьи. И потому и по содержанію онѣ почти ничѣмъ не отличаются отъ балладъ, къ которымъ, надо замѣтить, Подгоріе питаетъ особое влеченіе. Въ I и II отдѣлахъ читатель найдетъ болѣе пятидесяти самыхъ разнообразныхъ балладъ. Начиная отъ балладъ общеевропейскаго выясненнаго цикла, какъ напримѣръ о кровосмѣшеніи, и кончая пѣсней о какомъ-нибудь выходящемъ изъ ряда обыкновенныхъ событіи, можемъ на Покутьи

найти почти всѣ баллады, извѣстныя во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ, населенныхъ малороссами.

Къ болѣе полнымъ и интереснымъ варіантамъ общеизвѣстныхъ балладъ, надо отнести слѣдующія: *объ отравленіи сестрой брата*, служившаго помѣхой въ выходѣ ея замужъ (№ 52, 54), семь самыхъ разнообразныхъ варіантовъ *объ убійствѣ и ограбленіи подговоренной* къ побѣгу дѣвушки (№ 21—26, 110.), составляющіе одну изъ переходныхъ ступеней отъ извѣстныхъ прежде южно-русскихъ къ польскимъ варіантамъ этой бретонской легенды, о *превращеніи* нелюбимой *невѣстки въ тополю* или яворъ (№ 45, 46); о *Петрунѣ*, приглянувшемся барынѣ (№ 56, 57), которой *pendant* является баллада о Настѣ, приглянувшейся барину (№ 58, 59) и др.

Между этими пѣснями есть одна баллада нравственнаго содержанія о сынѣ, который прогналъ изъ дому старую мать, но наказанный за это ея молитвами, приходитъ просить ее вернуться опять къ нему. Пѣсня эта по содержанію почти тождественна съ Вересаевскою думою о вдовѣ и трехъ сыновьяхъ. Является интересный вопросъ о генетической связи пѣсни и думы: родила-ли пѣснь думу, или дума перенята народомъ въ формѣ пѣсни?.

Кромѣ балладъ общеизвѣстныхъ, составляющихъ такъ называемую *бродячую* народную литературу, есть много балладъ чисто мѣстнаго характера, какъ напримѣръ: убійство урлениками (побилетными солдатами) мѣстнаго войта за оскорбленіе (№ 15). Способность къ эпическому творчеству на Подгоріи очень живуча; сказывается она при всякомъ удобномъ случаѣ. Болѣе или менѣе выдающійся фактъ обыкновенно рождаетъ пѣснь. Въ 1873 г. въ Испасѣ умеръ молодой юноша Иванъ Юрченко отъ чахотки; женщины подозрѣвали, что онъ былъ отравленъ любовницею и одна изъ газдынь Анна Чартецкая складываетъ про него пѣсню, (№ 14, 511) которая немедленно перенимается и затѣмъ становится достояніемъ народа.

Лирницкихъ псалмовъ (Pieśni nabożne i dіadowskie) есть 19, посвященныхъ общему ихъ репертуару пѣсенъ религіозныхъ и нравственныхъ. Въ нихъ явно проглядываетъ двѣ культуры: уніятская съ церковно-славянскимъ элементомъ и католическая съ чисто польскимъ наслоеніемъ. Изъ лучшихъ и менѣе извѣстныхъ пѣсенъ надо отмѣтить два варіанта о св. Олексіѣ (№ 501, 502).

Среди разныхъ шуточныхъ пѣсенъ, иногда весьма характерныхъ по юмору и сарказму, какъ напримѣръ пѣснь о грибахъ (№ 488) или о сословныхъ пѣсняхъ (№ 487), я въ удивленію моему встрѣтилъ два варіанта извѣстной пѣсни о Грицкѣ Мудромъ изъ Коломыи, пасшемъ

свиней по латыни (№ 462, 463) съ мелодіей. Варіанты довольно полны, но мелодія, хотя и напоминаетъ слышанную мною неоднократно въ Кіевѣ, значительно искажена. Г. Кольбергъ подъ этой пѣсней замѣчаетъ, что она поется дьячками и другими грамотными людьми.

Пѣсни любовныя и семейныя, перемѣшанныя въ девяти отдѣлахъ, въ общемъ, за немногими исключеніями, составляютъ болѣе или менѣе сходные варіанты подольскихъ пѣсенъ и особаго вниманія по своему содержанію не заслуживаютъ. Но нельзя не отмѣтить одной характерной черты покутскихъ пѣсенъ—это замѣчательной ихъ поэтичности вообще. При сравненіи ихъ съ пѣснями, записанными въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ васъ невольно поражаетъ въ сборникѣ покутскомъ обиліе высокохудожественныхъ какъ по формѣ, такъ и по содержанію пѣсенъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе 2-го тома замѣчательнаго труда Кольберга. О достоинствахъ вообще его этнографическихъ работъ мы имѣли случай прежде высказаться; въ смыслѣ матеріала этотъ новый томъ даетъ не мало новаго и еще болѣе—для сравнительныхъ работъ въ области южно-русской этнографіи.

Ц. Нейманъ.

Андріевскій М. А. Козацкая дума о трехъ Азовскихъ братьяхъ въ пересказѣ, съ объясненіями, разборомъ и картой. Одесса 1884 г. (8-о, 82 стр.).

Кто изъ цѣнителей южно-русскаго народнаго творчества не знаетъ замѣчательно художественной думы объ Азовскихъ братьяхъ, одной изъ лучшихъ среди немногихъ *невольницкихъ* думъ, проникнутой, какъ и всѣ онѣ, глубокимъ искреннимъ лиризмомъ? Думу эту г. Андріевскій избралъ предметомъ публичной своей лекціи въ г. Екатеринославѣ, которую потомъ издалъ отдѣльной брошюрой. Выбора автора нельзя не назвать весьма удачнымъ, а намѣреніе его популяризировать одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ памятниковъ старо-козацкаго эпоса достойно благодарности, какъ первая попытка пробудить въ образованномъ обществѣ интересъ къ ознакомленію съ богатѣйшимъ и высшимъ содержаніемъ нашей народной музы.

Принимаясь за объясненіе думы о трехъ братьяхъ, авторъ, какъ видно, старался собрать возможно полно всѣ осколки повѣствованія, разсыпанные по многимъ извѣстнымъ ея варіантамъ, составить сводную ясную картину, изображаемую думою, указать на ея этническія и поэти-

ческія достоинства, освѣтить и выяснить бытовую и историческую сторону этой повѣсти давнихъ временъ.

Автору извѣстны девять варіантовъ этой думы, именно: шесть, помѣщенныхъ въ I томѣ Истор. Пѣсенъ, изд. юго-зап. отдѣломъ геогр. общества, два, приведенные неполно Н. Костомаровымъ въ журналѣ «Русская Мысль» 1880 г. № 2, и одинъ, напечатанный въ «Кіевской Старинѣ» 1882 г. № 12. Кромѣ того авторъ знаетъ одинъ неизданный варіантъ, записаннаый г. Манджурою. Матеріалъ довольно богатый для изслѣдованія; но мы можемъ указать еще одинъ варіантъ той же думы, упущенный изъ виду г. Андріевскимъ, именно варіантъ кобзарей Братицы и Дуба, въ изданіи того же отдѣла геогр. общ. за 1874 г. (II, стр. 119), варіантъ довольно цѣнный по нѣкоторымъ особенностямъ, хотя и далеко не полный.

Сравнивая вышеназванные варіанты, авторъ находитъ въ нихъ три различныя редакціи: полную, среднюю и краткую. Существенная разница между ними, по его мнѣнію, заключается въ томъ, что они неодинаково представляютъ послѣднюю судьбу двухъ старшихъ братьевъ: четыре варіанта передаютъ, что послѣ благополучнаго ихъ возвращенія домой были обнаружены обманъ и жестокосердіе старшаго брата, равно сострадательность и правдивость средняго, при чемъ первый понесъ заслуженное наказаніе, а второй вознагражденъ; по четыремъ другимъ оба брата не достигли родительскаго дома и за то, что бросили младшаго брата въ степи, поплатились сами смертью отъ настигшихъ ихъ татаръ; два-же варіанта, упоминая лишь кратко о возвращеніи старшихъ братьевъ домой, влагаютъ въ ихъ уста проклятіе турецкой неволѣ и молитву къ Богу объ избавленіи христіанъ отъ такой напасти. Авторъ не считаетъ существенною частью думы заключительнаго финала всѣхъ варіантовъ, желая тѣмъ объяснить пропзшедшую въ передачѣ одной и той-же думы разницу; но его мнѣнію этотъ финалъ созданъ впослѣдствіи пѣвцами думы, каждымъ самостоятельно, въ силу необходимости дать заинтересованнымъ слушателямъ какой нибудь эпилогъ, выясняющій судьбу старшихъ братьевъ послѣ смерти младшаго.

Мы не можемъ согласиться ни съ допущеннымъ авторомъ дѣленіемъ варіантовъ думы о трехъ братьяхъ на три редакціи, ни тѣмъ болѣе съ его мнѣніемъ о происхожденіи и значеніи ихъ финала.

По нашему мнѣнію, въ варіантахъ думы можно признать только двѣ первыя редакціи; что же касается 3-го извода (Крячковскаго и Вересая), то въ немъ никакъ нельзя видѣть особой редакціи, такъ какъ заключительная часть этого извода дословно заимствована изъ двухъ другихъ думъ, именно: »Плачъ невольниковъ на турецкой каторгѣ« и

»Плачъ невольника о выкупѣ«. Произошло это вслѣдствіе забвенія пѣвцами дѣйствительнаго эпилога, а не въ силу необходимости создать такой эпилогъ. Что это такъ, показываетъ не соотвѣтствіе эпилога думѣ о трехъ братьяхъ въ 3-мъ изводѣ и полное его согласіе съ двумя другими названными думами. Проклятіе земли турецкой и вѣры бусурманской естественно въ устахъ невольниковъ, прикованныхъ на вѣки къ веслу турецкаго судна, но совершенно непримѣнимо къ счастливо возвратившимся на родину братьямъ. Тоже должно сказать и о молитвѣ къ Богу: она также умѣстна въ »Плачѣ невольниковъ«, какъ умѣстенъ въ думѣ о трехъ братьяхъ финалъ, что память объ нихъ не умретъ, не поляжетъ, а будетъ воспѣваться въ назиданіе до конца вѣка. Такой финалъ въ этой послѣдней думѣ заключаетъ въ себѣ всю мораль думы, не говоря уже о томъ, что безъ нея дума не имѣла-бы законченности эпическаго разсказа. Дидактическое значеніе думнаго творчества не подлежитъ сомнѣнію; оно проглядываетъ ясно во всѣхъ думахъ въ той или другой формѣ, причемъ назиданіе посвящается не только сферѣ семейныхъ отношеній, но также и общественныхъ. Между тѣмъ признавая заключительную часть думы за несущественный, позднѣйшій досказъ въ угоду заинтересованной публики, авторъ разбираемой брошюры лишаетъ думу существенной и важной ея черты — назидательности.

Приступая къ изложенію содержанія думы, авторъ предпосылаетъ ему весьма цѣнныя объясненія, особенно относительно обстоятельствъ мѣста и времени дѣйствія разсказа и бытовыхъ подробностей думы. Онъ рисуетъ намъ географическую карту пространства между Азовскимъ моремъ и р. Самарою и выясняетъ топографію мѣстности, относящейся къ думѣ, по памятникамъ историческимъ и преданіямъ, съ цѣлію опредѣлить путь, по которому возвращались братья изъ неволи.

Въ XV—XVI вв. было два пути по этой мѣстности; одинъ водный по р. Самарѣ, ея притоку Волчьи воды и Міусу (нынѣ Кальміусу) на Маріуполь (Маріуполь), а другой сухопутный къ р. Омельнику, съ начала потому-же пути, а затѣмъ по верховьямъ рр. Крымки (нынѣ Кринки) и теперешняго Міуса возлѣ Савуръ-горы, къ гирламъ р. Дона. Встрѣтивъ въ думѣ названія р. Крымки, байрака-мелюса (а въ одномъ варіантѣ—Міусъ), и постолинную Савуръ-могилу, авторъ приходитъ къ убѣжденію, что братья бѣжали именно по этому второму пути. Установивъ этотъ предполагаемый путь, авторъ сообразно съ нимъ распредѣляетъ порядокъ спутанныхъ иногда въ разныхъ варіантахъ частей думы. Намъ кажется однако, что онъ слишкомъ много придаетъ цѣны географическимъ названіямъ думы и совершенно напрасно старается насильно

свести ихъ съ названіями нынѣшнихъ картъ. Стремленіе это повело автора къ слѣдующему противорѣчію. По думѣ, во всѣхъ почти ея варіантахъ, Савуръ-могила опредѣляется въ мѣстности Муравской дороги и р. Самары; но въ ней ни слова нѣтъ о томъ, чтобы эта могила лежала на ихъ пути еще возлѣ рр. Кринки и теперешняго Міуса, т. е. тамъ гдѣ, ее опредѣлилъ по географическимъ картамъ г. Андреевскій. Если-бы младшему брату приходилось, побывавъ на Муравскомъ шляху, умирать на географической Савуръ-горѣ, то онъ долженъ былъ-бы для этой цѣли возвращаться назадъ, по опредѣленію автора, цѣлыхъ 156 верстъ. Это явное несоотвѣтствіе думной Савуръ-могилы съ географической заставляетъ автора объяснять соотвѣтственное мѣсто думы вліяніемъ пѣсни о Морозенкѣ, который тоже умираетъ на Савуръ-могилѣ, а въ пересказѣ думы онъ заставляетъ братьевъ дѣлать привалъ на географической могилѣ, а младшаго брата умирать на гладкой дорогѣ, вопреки почти единогласному разсказу во всѣхъ варіантахъ. Единственный варіантъ Срезневскаго, не упоминающій Савуръ-могилы, какъ мѣста смерти младшаго брата, представляетъ въ разсказѣ объ этомъ событіи явные пропуски и неполноту и не даетъ ни малѣйшаго основанія предполагать смерть этого брата не на могилѣ, да и другого мѣста—чистого поля, битого шляха и т. п. онъ также не опредѣляетъ. Гораздо проще отрѣшиться вовсе отъ желанія пріурочить разсказъ думы къ географической Савуръ-горѣ, а думную Савуръ-могилу искать на Муравскомъ шляху. Если здѣсь географическія карты не указываютъ такой могилы, то это еще не даетъ права категорически отрицать ея существованіе; наконецъ названіе прежнее Савуръ-могилы, относившееся быть можетъ къ какому нибудь кургану около Самары, могло забыться и утратиться. Подобное предположеніе весьма правдоподобно. Географическая теперешняя Савуръ-могила стоитъ слишкомъ въ сторонѣ отъ арены прежней козацкой жизни, чтобы могла оставить въ народной поэзіи столь распространенное и излюбленное о себѣ воспоминаніе.—Самъ авторъ признаетъ, что съ теченіемъ времени географическія названія переносятся съ одного мѣста на другое, какъ это случилось съ р. Міусомъ; почему-же не могло случиться подобнаго и съ Савуръ-могилой? Если самъ авторъ признаетъ, что и въ настоящее время многимъ могиламъ присвоется названіе Савуръ-могилы, какъ напр. въ каневскомъ уѣздѣ, то почему-же онъ за настоящую Савуръ-могилу признаетъ именно ту, которая попала на географическую карту? Есть даже нѣкоторыя основанія полагать, что въ мѣстѣ, опредѣляемомъ, думою была могила того-же названія. Это во первыхъ видно изъ приводимыхъ самимъ авторомъ словъ Вересая, который назначаетъ ей мѣсто не тамъ, гдѣ она значится на картѣ, а далѣ-

ко западнѣе, »по дорогѣ въ Мариополь«, которая никакимъ образомъ по верховьямъ теперешняго Міуса проходить не могла, а оставляла ихъ далеко на востокъ.--Кромѣ того въ I т. Ист. пѣсенъ говорится, что »Савуръ-могила, часто упоминаемая въ пѣсняхъ, была гдѣ-то около рѣки Самары«, на основаніи, какъ передавалъ мнѣ одинъ изъ издателей этихъ пѣсень, преданія, записаннаго г. Манджурою, о томъ, что эта могила находилась именно у верховьевъ р. Самары, т. е. въ той мѣстности, по которой проходилъ Муравскій шляхъ.

Въ объясненіяхъ текста думы г. Андріевскій старается быть какъ можно болѣе точнымъ и обстоятельнымъ, но допускаетъ нѣкоторыя невѣрныя толкованія и преувеличенія. Отмѣтимъ ихъ, избѣгая утомительныхъ подробностей. Авторъ утверждаетъ, что побѣгъ трехъ братьевъ изъ неволи долженъ былъ совершиться раннею весною, и подтвержденіе этого видитъ между прочимъ въ томъ мѣстѣ думы, гдѣ говорится о появленіи; *сивой зозули* но какъ предвѣстницей весны считается обыкновенно не кукушка, а ласточка, то именно эту птицу онъ разумѣетъ подъ словомъ *зозуля* (стр. 74) и приводитъ для этого слѣдующія основанія. Во первыхъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ встрѣчается слово *зегзица*, а г. Погосскій слышалъ въ дѣтствѣ это слово, какъ названіе ласточки, въ »Причитаніяхъ же сѣвернаго края« (Барсова) въ томъ-же будто-бы смыслѣ встрѣчается слово *загозочка*. Слова эти авторъ признаетъ однозвучными и однокоренными съ зозулей (зоз-уля=зегз-уля?). Но если-бы и такъ, то г. Потебня цѣлымъ рядомъ сближеній (Слово о Полку Игоревѣ, стр. 135--139) доказалъ, что зегзица ничто иное, какъ кукушка, которая такъ-же *кукуетъ*, какъ и наша зозуля, и что ея куkованіе служитъ въ *Словѣ* такимъ-же образомъ плача Ярославны, какъ куkованье нашей сивой зозули образомъ плача сестры и матери. Прибавимъ къ этому, что чешское *žehžule* и польское *zieziula* и *zuzela*[1]) означаютъ ничто иное, какъ кукушку. Во вторыхъ считать *зозулю* ласточкою, по мнѣнію автора, заставляетъ придача этому слову эпитета *сизая*, это постоянный эпитетъ не кукушки, а ласточки. Но если этотъ эпитетъ въ примѣненіи къ зозулѣ встрѣчается въ однихъ варіантахъ думы, то въ другихъ (Кожбабы, Вересая, Крячковскаго и Крюковскаго) постоянно читаемъ *сивая* или *сѣрая*, а это можетъ относиться только къ кукушкѣ, имѣющей всю спинку и головку пепельнаго цвѣта, а не къ ласточкѣ съ бѣлымъ брюшкомъ и коричневымъ горломъ. Въ третьихъ, по мнѣнію автора, въ думѣ подъ именемъ зозули потому

[1]) Zbiór. Wiad do Antr. krajow. Kraków I. стр. 102: Ej, zieziula, zieziula! Ile lat do mego wesela? или Kukuweczko, zuzela! Ile lat do mego wesela?

надо разумѣть ласточку, что имя ласточки употребляется народомъ, какъ ласкательный эпитетъ нѣжной матери или сестры; но въ думѣ зозуля является образомъ плачущей, скорбящей матери, въ этомъ смыслѣ у великороссовъ, и у малороссовъ, у поляковъ и у чеховъ въ пѣсняхъ семейныхъ употребляется имя кукушки, которая непремѣнно жалобно *кукуетъ*, что несовмѣстно съ представленіемъ о ласточкѣ.

Еще менѣе можно согласиться съ авторомъ, дающимъ нерѣдко весьма любопытные и цѣнные комментаріи исторически-бытового характера, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ, увлеченный стремленіемъ извлечь изъ текста думы, какъ можно болѣе, содержанія, допускаетъ, кромѣ безсрочной каторги въ плѣну у турокъ и татаръ, еще и срочную. Основаніе для этого онъ находитъ въ томъ, что въ нѣкоторыхъ варіантахъ думы каторга названа *довічною:* если была де-скать каторга *довічная*, безсрочная, то была и срочная. Но кромѣ заключенія *a contrario* едва-ли тутъ можетъ быть какое либо другое основаніе. Ничего не доказываетъ здѣсь ссылка автора на Герберштейна; послѣдній описывалъ неволю только по разсказамъ въ Московіи и не видѣлъ ее лично. Служба на галерахъ могла быть только безсрочная, какъ и сама неволя. Случайный лишь выкупъ и смерть избавляли невольника отъ галернаго весла. Это ясно проглядываетъ какъ изъ богатыхъ цитатъ, приведенныхъ подъ невольницкими думами (въ Истор. Пѣсняхъ Мал. Народа), такъ и изъ самаго текста думъ. Плачъ плѣнниковъ на турецкой каторгѣ рисуетъ намъ окончательное отчаяніе невольниковъ, которые проситъ, какъ спасенія, гибели корабля, на которомъ работникъ другого исхода и конца мукъ не видитъ. Ни одного упоминанія нѣтъ въ думахъ о срокѣ службы на каторгѣ; напротивъ въ думѣ о Самуилѣ Кошкѣ козаки сорокъ лѣтъ уже прикованы (разумѣется, гипербола) и единственная ихъ надежда—удачный побѣгъ. Думы вообще и въ частности дума о трехъ братьяхъ говорятъ только о каторгѣ *довічной*, или безсрочной.

Пересказъ содержанія думы сдѣланъ авторомъ въ прозѣ на русскомъ языкѣ весьма удачно. Онъ съумѣлъ до мельчайшихъ подробностей собрать почти все, что давалъ разрозненный по извѣстнымъ ему варіантамъ матеріалъ и сгруппировать въ одну общую картину. Но несмотря на всѣ достоинства пересказа, онъ страдаетъ также нѣкоторыми промахами, которыхъ не можемъ не отмѣтить.

Прежде всего, авторъ не всегда вѣрно переводитъ малорусскія выраженія. На стр. 27 слова: »тило мое звіру, птыци на *поталу* не дайте« онъ переводитъ такъ: »не оставляйте меня *въ пищу* звѣрю и птицѣ (стр. 27).

Но слово *потала* вообще и въ данномъ случаѣ означаетъ *поруганіе*, какъ видно изъ словъ варіанта Братицы и Дуба, неизвѣстнаго автору:

Стали (орлы) на его чорни кудри наступати,
Стали его козацькую тварь *зневажити* (оскорблять).

Столь-же невѣрно авторъ перевелъ слѣдующій картинный образъ: »Тильки поле *леліе*, на нёму трава зелена зеленіе« — словами: »впереди его только степь *чернѣетъ и колеблется словно море;* на ней трава зеленая зеленѣетъ«. Степь чернѣетъ, когда на ней нѣтъ травы,— колеблется, волнуется, когда трава высокая, побѣгъ-же братьевъ, какъ и авторъ говоритъ, былъ раннею весною. Какимъ-же образомъ степь могла въ то время и колебаться, словно море, высокою травою и чернѣть, какъ выжженная долгимъ лѣтнимъ зноемъ? Если, во избѣжаніе этой несообразности, слово *леліе* перевести, согласно съ г. Потебнею (Слово о полку Игоревѣ стр. 96), словомъ *блеститъ*, въ какомъ значеніи оно дѣйствительно употребляется, то получится совершенно ясный и подходящій образъ: только поле (ровное, гладкое, безъ байраковъ) блеститъ и на немъ трава зеленѣетъ.

Въ фразѣ: *кони вакувати* (стр. 76), авторъ для объясненія послѣдняго слова обращается къ татарскому слову *вака* — накладываніе кулей, такъ что: *кони вакувать*, по его мнѣнію, значитъ: отягощать коней кладью. Но слово *вакувать* имѣетъ корень латинскій и представляетъ два значенія: недоставать и тратиться безъ употребленія, безъ пользы, напр.: »не було чимъ поля засіяти, то воно й теперъ вакуеться«, и въ томъ-же смыслѣ это слово употреблено и въ думѣ.

Наконецъ слова думы: »отцеву и матчину молитву споминае« авторъ передаетъ по русски такъ: »отца и матерь вспоминаетъ, молится за нихъ и отдаетъ Богу душу« (стр. 35). На этомъ переводѣ онъ строитъ даже характеристику младшаго брата въ такихъ словахъ: »Его глубокая дѣтская нѣжность и заботливость, его всегдашняя память объ отцѣ и матери выражается въ томъ, что послѣднею его мыслію и молитвою была именно мысль и молитва не о себѣ, но объ отцѣ и матери« (стр. 45). Между тѣмъ, сопоставивъ это мѣсто думы съ такимъ-же мѣстомъ объ Олексіѣ Поповичѣ, на которую авторъ ссылается, нельзя не видѣть, что умирающій юноша молился именно о себѣ, вспомнивъ материнскую и отцовскую молитву, т. е. молитву, которой его въ дѣтствѣ учили родители; это и просто и естественно.

Неправильные переводы и невѣрное толкованіе выраженій думы часто служатъ причиною и неправильныхъ выводовъ автора, что особенно ярко выступаетъ въ сдѣланной имъ характеристикѣ трехъ братьевъ. Переведя слова старшаго брата: *чи-жъ подобенство*, мій брате, и проч.

словами: *«развѣ мнѣ это прилично»* (стр. 39), авторъ поэтому видитъ въ немъ галантность, щепетильность и утонченную деликатность по отношенію къ своей собственной особѣ; онъ дескать знаетъ, что ему прилично и что неприлично. Но словъ: *чижъ подобенство* иначе нельзя перевести, какъ словами: *развѣ это похоже на что нибудь, развѣ это возможно*, а при такомъ переводѣ едва-ли можно видѣть въ словахъ старшаго брата что либо другое, кромѣ весьма обыденнаго грубаго эгоизма.

Не вѣрна и не отвѣчаетъ думѣ и вообще характеристика, даваемая авторомъ старшему брату, въ которомъ онъ старается представить какого то чернаго генія. Старшему брату, какъ болѣе практичному, удалось набрать болѣе турецкаго добра. Для спасенія его во время погони, онъ забываетъ даже родственное чувство въ отношеніи къ младшему брату и отказывается взять его на коня. Лишь добѣжавъ до р. Самары и видя себя уже спасеннымъ, онъ чувствуетъ укоры совѣсти, сожалѣетъ о братѣ; но сознавая, что уже поздно, что братъ до этого времени умеръ гдѣ-либо съ голоду, онъ приказываетъ среднему брату молчать предъ родителями объ участи младшаго, погибшаго, когда возвратятся домой, а про себя радуется тому, что убыло однимъ наслѣдникомъ. Такъ рисуетъ старшаго брата дума; авторъ же видитъ въ немъ далеко болѣе порочнаго человѣка. Онъ находитъ въ немъ еще въ Азовѣ *затаенныя мысли*, (стр. 37) избавившись отъ младшаго брата, завладѣть его наслѣдствомъ, называетъ его лицемѣромъ, хитрецомъ (стр. 39) и вообразивъ его такимъ, затрудняется объяснить его раскаяніе у р. Самары и, видя въ этомъ мѣстѣ (стр. 53) искаженіе думы, упрекаетъ за то пѣвцовъ. Между тѣмъ съ большею справедливостію можно упрекнуть автора за то, что онъ, разбирая думу, не передаетъ ея мыслей и образовъ, а видитъ въ думѣ собственную фантазію и досадуетъ на то, что она не сложена по его замышленію.

Къ догадкамъ, иногда мелочнымъ и праздымъ, авторъ весьма склоненъ. Онъ напримѣръ *догадывается* (стр. 42), безъ всякихъ, по собственному признанію, данныхъ, что старшіе братья задумали бѣжать безъ младшаго и что послѣдній какъ нибудь случайно узналъ объ этомъ; равно онъ изъ словъ думы: *орлы на кудри чорные наступали*—заключилъ, что младшій братъ выбрался изъ Азова даже безъ шапки, и т. под.

Какъ ни симпатична мысль автора популяризаціи нашихъ думъ, этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ малорусскаго эпическаго творчества, но мы его попытку въ этомъ направленіи должны признать не вполнѣ удачною. Авторъ много затратилъ труда для историческихъ и топографическихъ комментарієвъ, въ ущербъ литературной разработкѣ памятника.

Нарисованная и прекрасно выясненная карта весьма интересна, это правда; но она излишня для объясненія думы. Достаточно было выяснить въ короткихъ словахъ значеніе слова *мелюсь*, указать характеръ мѣстности между г. Азовомъ и рѣкой Самарой, указать, что путь братьевъ долженъ былъ пересѣчь Муравскій шлях уже недалеко отъ р. Самары,— и только. Главное же вниманіе автору слѣдовало обратить на содержаніе думы, которое онъ передалъ хотя и подробно, но подчасъ совершенно невѣрно, увлекшись собственнымъ воображеніемъ или невѣрно понявъ малорусскій текстъ. Затѣмъ, разборъ содержанія онъ ограничилъ почти исключительно характеристикой братьевъ, въ которой, тоже отступивъ отъ текста думы, рисовалъ на ея тему собственные образы. Значеніе же этой думы среди цѣлаго ихъ цикла вообще и невольницкаго въ частности, ея эпическое богатство, ея оригинальныя черты поэтическія, ставящія это думу на ряду съ первоклассными рапсодіями народнаго творчества—все это осталось не выясненнымъ, даже не намѣченнымъ. Авторъ не позаботился познакомить читателя съ оригинальной думной формой, которой нѣтъ ни у одного славянскаго народа; не отмѣтилъ даже характерныхъ пріемовъ эпическаго сравненія, почти тождественныхъ съ пріемами Слова о Полку Игоревѣ; не опредѣлилъ художественной силы и богатства языка думы, словомъ онъ не далъ никакого выясненія самородности и цѣнности памятника.

Въ параграфѣ »нравоучительная тенденція думы« онъ разсказываетъ много, но не выясняетъ ея морали, ея высокаго представленія о нравственныхъ семейныхъ началахъ, которыя составляютъ отличительную черту всего южно-русскаго народнаго творчества и быта. Думы наши преимущественно передъ прочими памятниками народнаго творчества заслуживаютъ болѣе всесторонней оцѣнки и болѣе серіознаго къ себѣ и къ своему тексту вниманія, чѣмъ оказалъ авторъ.

Каковы бы впрочемъ ни были недостатки статьи г. Андріевскаго, мы все таки должны сказать ему искреннее спасибо за многіе его интересные комментаріи, а главное—за счастливую мысль и починъ въ новомъ, не практиковавшемся у насъ дѣлѣ.

Ц. Нейманъ.

Библіографическій указатель трудовъ П. П. Чубинскаго.

Основа 1861 г. Іюль. *Митулося* (стихотвореніе). Августъ. *Поуковщина* (мѣстный мірской сборъ). Октябрь. *Изъ Борисполя* (значеніе могорича въ договорѣ, хозяйственныя товарищества, наемъ работниковъ).

Черниговскій Листокъ 1861. № 8. Нѣсколько словъ объ обычаѣ и о значеніи сказокъ, пословицъ и пѣснъ для криминалиста.

Основа 1862 г. Мартъ. Украинскій спектакль въ Черниговѣ. Апрѣль. Два слова о сельскомъ училищѣ вообще и объ училищѣ для сельскихъ учителей. Апрѣль. Исторія борисполской школы. Іюнь. Изъ Борисполя. Іюнь. Замѣтка по поводу лѣсохозяйства и лѣсокрадства. Іюль. Ярмарокъ въ Борисполѣ.

Кіевскія Губернскія Вѣдомости 1862 г. Программа для изученія народныхъ юридическихъ обычаевъ въ Малороссіи.

Наличное народонаселеніе г. Архангельска по статистическимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ статистическимъ Комитетомъ въ назначенный день 22 декабря 1863 года. Арханг. 1864.

Архангельскія Губернскія Вѣдомости. 1864 г. № 10. Программа для собиранія статистическихъ свѣдѣній. № 21—24. Программа этнографіи. № 25. Программа обычнаго права. № 38. Колонизація мурманскаго россійскаго берега.

Памятная книжка архангельской губерніи на 1864. годъ. Арханг. 1865 г. Статистическія таблицы и вѣдомости за 1863 годъ, съ предисловіемъ Чубинскаго.

Архангельскія Губернскія Вѣдомости 1865 г. № 10. Списокъ статей, помѣщенныхъ въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ съ 1838 по 1865 годъ.

Труды Императорскаго вольнаго экономическаго Общества 1866 г., т. IV, вып. 1-й. Солевареніе въ архангельской губерніи (перепечатано въ Арханг. Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1867 г. № 15—17).

Труды Архангельскаго Статистическаго Комитета за 1865 г. кн. 2 я. Арханг. 1866 г. Здѣсь помѣщены: статистическо-этнографическій очеркъ Корелы. Статистика рожденій, браковъ и смертности по г. Архангельску за 10 лѣтъ. Статистика рожденій, браковъ и смертности въ уѣздныхъ городахъ и посадахъ арханг. губерніи. Обозрѣніе главнѣйшихъ ярмарокъ въ арханг. губерніи.

Труды Императорскаго вольнаго экономическаго Общества 1867 г., т. I, вып. 4-й. Виды хлѣбовъ, производимыхъ въ архангельской губерніи, съ показаніемъ количества каждаго.

Кромѣ того Чубинскимъ, какъ видно изъ его отчета о дѣятельности Архангельскаго Статистическаго Комитета за 1866 годъ, были доставлены въ Вольное экономическое общество слѣдующія статьи и записки: 1) о хлѣбопашествѣ и продовольствіи жителей архангельской губерніи, 2) О мурманскихъ рыбныхъ промыслахъ, 3) О торговлѣ поморовъ съ Норвегіею, 4) О колонизаціи сѣверо-западной части мурман-

скаго берега, 5) О соединеніи Бѣлаго моря съ Балтійскимъ, 6) О морскомъ судостроеніи, 7) О вывозной торговлѣ архангельскаго порта, 8) О Кореліи архангельской губерніи, 9) О лопаряхъ, 10) О Новой Землѣ и о боѣ морскихъ звѣрей, 11) О зашечорскомъ краѣ, 12) Проэктъ компаніи подъ названіемъ: Лукоморскій Лойдъ и Печорско-обская компанія. Были ли эти статьи напечатаны Вольнымъ Экономическимъ обществомъ, мнѣ неизвѣстно, но извѣстно, что по поводу ихъ III Отдѣленіе этого общества въ зиму 1867/8 года имѣло цѣлый рядъ засѣданій, которыя были посвящены вопросамъ о нуждахъ Сѣвера.

Отчетъ коммиссіи по изслѣдованію печорскаго края. Арханг. 1867 г.

Архангельскія Губернскія Вѣдомости 1867 г. № 28. Печальныя вѣсти о состояніи сплава товаровъ по р. Югу. № 31. По поводу журналовъ засѣданія III отдѣленія Императорскаго вольнаго экономическаго общества 20 и 28 марта. № 33. Обдѣлка щетины въ г. Устюгѣ. № 35. Сѣверо-Двинское пароходное общество и его дѣятельность. № 40. Учебно-ремесленное училище въ Емецкомъ селеніи. № 52. Одинъ изъ невѣдомыхъ распространителей грамотности въ народѣ. № 68 и 71. Сѣверо-Екатерининскій путь.

Архангельскія Губернскія Вѣдомости 1868 г., № 14—15. О Вятско-Двинской дорогѣ, № 18. О состояніи архангельской публичной библіотеки, № 28—29. Нѣсколько словъ о положеніи народнаго образованія, № 32. Проэктъ устава и записка о необходимости общества сельскаго хозяйства въ архангельской губерніи, № 73. О взаимномъ страхованіи судовъ и грузовъ, № 74. Смолокуреніе въ архангельской губерніи, № 81—82. По поводу неурожая въ архангельской губерніи.

Труды Императорскаго вольнаго экономическаго общества 1868 г., т. II., вып. 2. Письмо Чубинскаго объ изслѣдованіи хлѣбной торговли по сѣверно-двинскому бассейну.

Отчеты о дѣятельности архангельскаго губернскаго статистическаго комитета за 1863, 1864, 1865, 1866, 1867 и 1868 годы (за послѣдніе два года одинъ отчетъ). Отчеты печатались въ Архангельскѣ въ слѣдующемъ за отчетнымъ году.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 1869 г., т. V, отд. 1-й. Сообщенія Чубинскаго: а) о сборникѣ народныхъ юридическихъ обычаевъ архангельской губерніи, составленномъ П. Ефименкомъ и изданномъ архангельскимъ статистическимъ комитетомъ и б) о хлѣбной производительности и торговлѣ въ бассейнѣ сѣверной Двины.

Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи, 1869 г., т. II. Очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ и понятій въ Малороссіи.

Юридическій Вѣстникъ 1869 г. № 4. Разборъ книги. П. Ефименка: Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ архангельской губерніи.

Труды экспедиціи, снаряженной Вольнымъ экономическимъ и русскимъ обществомъ для изслѣдованія хлѣбной торговли и производительности въ Россіи, т. I, вып. 2-й С.-Пб. 1869 г. Отчетъ о льноводствѣ, льняномъ производствѣ и льняной торговлѣ въ сѣверномъ районѣ.

Того-же изданія т. I, вып. 6-й. С.-Пб. 1870 г. О состояніи хлѣбной торговли и производительности въ сѣверномъ районѣ.

Сопилка (сборникъ стихотвореній на малороссійскомъ языкѣ). Павлуся. Кіевъ. 1871 г.

Записки Кіевскаго отдѣленія русскаго техническаго общества 1871 г., т. 1-й. Нѣсколько словъ о статистической литературѣ, касающейся свеклосахарной промышленности.

Кіевлянинъ 1872 г., № 73 и 76. Политехническая выставка въ Москвѣ (корреспонденція), № 85. Малорусское племя.

Извѣстія Императорскаго русскаго географическаго общества 1872 г., т. VIII, № 3. Краткое извлеченіе изъ доклада, прочитаннаго д. членомъ общества П. П. Чубинскимъ 15 января 1872 г. въ отдѣленіи этнографіи (объ этнографическомъ изслѣдованіи юго-западной Россіи).

Календарь юго-западнаго края на 1873 годъ. Составленъ Чубинскимъ и Борисовымъ. Кіевъ, 1872 г.

Программа для собиранія этнографическихъ и статистическихъ данныхъ, составленная д. членами юго-западнаго отдѣла русскаго геогр. общества Чубинскимъ и Русовымъ. Кіевъ, 1873 г.

Свеклосахарные заводы россійской имперіи съ оффиціальными статистическими о нихъ данными за кампанію 1871—72 года. Изданіе кіевскаго отдѣленія русскаго техническаго общества. К. 1873 г.

Тоже за 1873, 74 и 75 годы, изд. въ Кіевѣ въ 1876 г.

Записки юго-западнаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества т. 1-й. К. 1874 г. Рѣчь Чубинскаго по поводу открытія юго-западнаго отдѣла. Село Сокиринцы и сокиринское ссудосберегательное товарищество. Нѣсколько народныхъ историческихъ преданій.

Тамъ-же т. II. К. 1875 г. Инвентарь крестьянскаго хозяйства. Обзоръ данныхъ о населеніи г. Кіева по однодневной переписи произведенной 2 марта 1874 г. Разъясненія къ таблицамъ о жителяхъ г. Кіева по переписи 2 марта 1874 г.

Отчетъ о дѣятельности юго-западнаго отдѣла Имп. русск. геогр. общества за 1873 г. К. 1874 г.

То-же за 1874 г. К. 1875 г.

(Извлеченія изъ этихъ отчетовъ помѣщены въ извѣстіяхъ Имп. русск. географическаго общества).

Карта свеклосахарной промышленности въ Россіи 1876 г.

Состояніе училищъ, подвѣдомственныхъ министерству путей сообщенія. С.-Пб. 1878 г.

Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной Императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ. Юго-западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранныя П. П. Чубинскимъ. т. I, вып. 1. С.-Пб. 1872 г. Вѣрованія и суевѣрія малорусскаго народа, вып. 2-й. 1877 г. Загадки и пословицы. Колдовство (изслѣдованіе и акты о колдовствѣ В. Б. Антоновича) т. II. 1878 г. Сказки миѳическія и бытовыя, т. III. 1872 г. Народный дневникъ, т. IV. 1877 г. Пѣсни обрядовыя т. V. 1873 г. Пѣсни любовныя, семейныя и шуточныя, т. VI. 1872 г. Народные юридическіе обычаи по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ (сборникъ рѣшеній волостныхъ судовъ со статьями А. Ѳ. Кистяковскаго о волостныхъ судахъ и Чубинскаго—краткій очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ). Т. VII, вып. 1-й, 1872 г. Евреи, поляки и прочія племена не малорусскаго происхожденія, проживающія въ юго-западномъ краѣ. (Здѣсь-же помѣщены статьи Полинковскаго: этнографическій очеркъ евреевъ и очеркъ ихъ юридическихъ обычаевъ). Т. VII, вып. 2-й. 1877 г. Малороссы юго-западнаго края (этнографическій очеркъ, статистика, языкъ и нарѣчія, экономическое положеніе крестьянъ-собственниковъ).

П. Ефименко.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

НѢЖИНСКІЙ ЖУРНАЛЪ Н. В. ГОГОЛЯ.

»*Метеоръ Литтературы. Январь, 1826*«. Подъ такимъ заглавіемъ доставлена А. А. Савичемъ [1]) въ редакцію »Кіевской Старины« рукописная тетрадка, въ зеленой обложкѣ, изъ сѣроватой бумаги, въ 42 перенумерованныя страницы, въ малую осьмушку (по 16-ти строкъ на каждой страницѣ); заглавіе это написано на обложкѣ, обведенной бордюромъ въ родѣ колѣнчатой лѣстницы, съ каемками по сторонамъ; на внутреннемъ заглавномъ листкѣ читаемъ: »*Метеоръ литтературы. Часть 1*«. Затѣмъ эпиграфъ—первые восемь стиховъ изъ басни Крылова »Орелъ и Пчела« и наконецъ: »*Нѣжинъ. 1826*«.

Очевидно, что это одинъ изъ тѣхъ рукописныхъ журнальцевъ, которые издавались въ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко, во время пребыванія въ ней Гоголя. Тетрадка писана вся одной рукою и несомнѣнно рукою Гоголя, какъ видно изъ сличенія письма тетрадки съ другими его автографами. Такъ какъ біографъ его П. А. Кулишъ упоминаетъ, что Гоголь издавалъ въ гимназіи журналъ »Звѣзда«, то мы сейчасъ-же подумали: не тотъ-ли это самый журналъ лежитъ теперь передъ нами? Въ названіи его біографу

[1]) Приносимъ искреннюю признательность многоуважаемому Александру Андреевичу за сообщеніе столь рѣдкаго автографа, несомнѣнно удостовѣряющаго существованіе Гоголевскаго журнала, о которомъ мы имѣли лишь голое извѣстіе.—Ред.

легко можно было обмолвиться: »Метеоръ«, »Звѣзда« нѣсколько близки другъ къ другу и могли смѣшаться въ памяти. Гоголь издавалъ свой журналъ въ теченіи полугода или болѣе,—и такъ, это одна изъ книжекъ его. На первой страницѣ текста читаемъ опять: »*Метеоръ литтературы 1826 январь. № 1*«. А если это дѣйствительно первая книжка его существованія, то въ *первой* книжкѣ участіе Гоголя должно быть непремѣнно. И мы внимательно прочитали всѣ статейки »Метеора«. Вотъ содержаніе его, написанное на нижнемъ листѣ зеленой обложкѣ. Приводимъ его съ нашими поясненіями:

Оглавленіе.

»Проза«. . . . . стр.
1) Завѣщаніе (повѣсть *съ нѣмецкаго*) . . . . . 1.
2) Ожесточенный *(начало оригинальной повѣсти)*. 13.

»Стихотворенія«.

1) Пѣснь Никатомы (отрывокъ изъ *Оссіановой* поэмы »Берратонъ) . . . . . 23.
2) Битва при Калкѣ . . . . . 25.
3) Альма *(вождь угровъ, проходившихъ по Днѣпру)* . 29.
4) Подражаніе Горацію . . . . . 35.
5) Къ *** (на одно прекрасное утро) . . . . . 38.
6) Эпиграмма (насмѣшнику некстати) . . . . . 40.
7) Эпиграмма . . . . . 41.

Между 4-й и 5-й пьесой пропущено въ оглавленіи стихотвореніе »Романсъ«, стр. 36. — Имени автора не указано нигдѣ, ни подъ одной статьей. По содержанію своему, почти всѣ эти статейки сентиментальнаго, мечтательнаго, псевдоисторическаго и романтическаго характера, и мы рѣшительно затрудняемся опредѣлить, что изъ нихъ можетъ принадлежать Гоголю. Впрочемъ, если бы и все содержаніе книжки несомнѣнно принадлежало ему, оно ничего не представляетъ для его славы. Проза никоимъ образомъ не можетъ быть приписана Гоголю: Гоголь въ гимназіи писалъ трагедіи, баллады, акростихи, эпиграммы; съ нѣмецкаго онъ переводить не могъ, нѣмецкаго языка онъ не терпѣлъ, не вѣрилъ даже, чтобы Шиллеръ и Гете писали на нѣмецкомъ языкѣ; другая новѣстушка—

реторическая вещь въ духѣ Марлинскаго. Въ стихотвореніяхъ риѳмы очень часто бѣдны, размѣръ кое гдѣ не выдержанъ, нерѣдко встрѣчаются усѣченныя окончанія прилагательныхъ именъ. Мѣстнаго характера во всѣхъ статьяхъ—ни тѣни. Гоголевскій талантъ не выдается нигдѣ. А между тѣмъ Гоголь былъ тогда уже 17-ти лѣтнимъ юношей, любилъ бродить по предмѣстьямъ Нѣжина и всматриваться въ игры и бытъ народа. Не имѣя возможности рѣшить положительно, что-же въ »Метеорѣ« принадлежитъ Гоголю, мы думаемъ, что Гоголь несомнѣнно былъ его редакторомъ и велъ свое дѣло съ любовью; самъ переписалъ всѣ статьи его, сдѣлалъ на немъ красивенькій бордюръ, названіе журнала писалъ всякій разъ различнымъ манеромъ, бока каждой страницы обвелъ крандашомъ, приложилъ указаніе описокъ въ стихахъ, и проч. Почеркъ его здѣсь болѣе твердый, устойчивый, старательный, даже болѣе грамотный, чѣмъ онъ извѣстенъ намъ въ позднѣйшихъ рукописяхъ Гоголя и особенно въ его письмахъ. Статьи »Метеора« безъ сомнѣнія принадлежатъ и ему и товарищамъ его. Названіе журнальца, составъ и самый форматъ его представляютъ собою очевидное подражаніе »Полярной Звѣздѣ«, альманаху 1823—1825 годовъ, и хотя содержаніе всѣхъ статеекъ »Метеора« весьма жиденькое, все-таки оно указываетъ на внимательность нѣжинскихъ гимназистовъ къ литературнымъ явленіямъ своего времени и дѣятельность ихъ въ духѣ лучшихъ писателей нашихъ: Карамзина, Жуковскаго, Марлинскаго, Дельвига и Пушкина. Біографъ Гоголя говоритъ, что Гоголь былъ въ гимназіи комикомъ на сценѣ и въ жизни, а въ литературѣ считалъ комическій элементъ низкимъ; послѣднему нельзя повѣрить. Комическая струя, которою отличался Гоголь и въ гимназіи, такъ была сродна ему и дорога, что никакъ не могла ему казаться »*низкой*« въ литературѣ. Она пробивается и въ эпиграммахъ »Метеора«. Послѣднюю изъ нихъ мы приведемъ здѣсь для любопытства читателей, особенно нѣжинскихъ товарищей Гоголя, изъ коихъ нѣкоторые еще здравствуютъ (Рѣдкинъ П. Г., Данилевскій А. С. и другіе): не вспомнятъ-ли они, точно-ли это Гоголевская эпиграмма и кого она очерчиваетъ. По нашему мнѣнію, это лучшее изъ всего, что есть въ »Метеорѣ«:

Эпиграмма.

›Нашъ Вралькинъ въ мірѣ семъ рѣдчайшій человѣкъ!
Подобнаго ему не сыщешь въ цѣлой вѣкъ.
Какъ станетъ говорить—заслушаться всѣмъ нада,
Какъ станетъ—такъ и рай вдругъ сдѣлаетъ изъ ада.
Былъ въ Римѣ, въ Лондонѣ... да гдѣ онъ не бывалъ—
Весь міръ на языкѣ искусно облеталъ«.

Мы печатаемъ эту замѣтку въ той надеждѣ, что авось она вызоветъ кого нибудь изъ старыхъ нѣжинцевъ—однокашниковъ Гоголя—доставить въ редакцію »Кіевской Старины« другія книжки »Метеора«, въ которыхъ прямое участіе Гоголя скажется, быть можетъ, ярче, очевиднѣе. А настоящую книжку »Метеора«, имѣющую не сомнѣнный интересъ для библіотеки Нѣжинскаго Института, позволяемъ себѣ рекомендовать вниманію Институтской Конференціи [1]).

С. Пономаревъ.

ДОБАВКИ И ПОПРАВКИ ПОСТОЯННАГО ЧИТАТЕЛЯ »КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ«.

1) Въ »Кіевской Старинѣ« 1882 г., №№ 2 и 7, помѣщенъ замѣчательный литературный памятникъ второй половины XVIII в., въ стихахъ, именно »Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей«, напечатанный по пяти спискамъ; надпись на одномъ спискѣ указываетъ имя сочинителя и время сочиненія »Разговора«; надпись эта, однако не вполнѣ сохранилась, и редакція журнала по догадкѣ и то отчасти дополнила ее (№ 7, стр. 137).—Въ имѣющемся у меня рукописномъ реестрѣ источниковъ для описанія Малороссіи, составленномъ Я. М. Марковичемъ въ 1798 г., поименованъ и »Разговоръ« съ слѣдующимъ заглавіемъ, можетъ быть, бывшимъ въ подлинной рукописи: »Разговоръ Великороссіи съ Малороссіею. Сочинилъ въ честь, славу и защищеніе всей Малороссіи генеральной канцеляріи *переводчикъ* Семенъ Дивовичъ, 1762 года *сентября 21*,

---

[1]) Теперешній владѣлецъ »Метеора« приложилъ къ нему помѣту: »Изъ библіотеки Полторацкаго« (кажется, родственника извѣстнаго библіографа и воспитанника нѣжинскаго).

въ Глуховѣ«.—Далѣе замѣтка Марковича: »Писанъ стихами, въ листъ, съ полъ-дести«.

Н. И. Петровъ, въ предисловіи къ »Разговору«, напечатанному въ № 2-мъ »Кіев. Стар.« 1882 г., говоритъ, что въ XVIII стол. въ южно-русской школьной литературѣ нерѣдко встрѣчаются произведенія въ формѣ »разговора« или діалога, и, сверхъ »Разговора« Дивовича, указываетъ на шесть подобныхъ сочиненій. Можно прибавить и седьмое—мистерію преосвященнаго Георгія Конискаго »Воскресеніе Мертвыхъ«, сочиненную имъ въ бытность его учителемъ кіев. духов. акад., такъ какъ и эта мистерія имѣетъ форму школьнаго діалога. Полагаю, что встрѣчавшееся въ южнорусской литературѣ прошлаго столѣтія обыкновеніе излагать публицистическія сочиненія въ формѣ »разговоровъ« перешло къ нашимъ южно-русскимъ писателямъ изъ Польши; у польскихъ писателей XVI—XVII в. такая форма была принята для памфлетовъ и вообще публицистическихъ сочиненій. Не заходя далеко, можно указать на »Rozmowy umarłych polaków, w których różne ile sekretnieysze za ich żywota dzieje i cirkumstancye są zebrane«; въ этихъ »Rozmowach« заключаются бесѣды тѣней короля Яна Собѣскаго съ княземъ Іеремією Вишневецкимъ о военныхъ событіяхъ въ Украинѣ временъ Б. Хмельницкаго и до конца XVII в., и Выжги съ кардиналомъ Радзѣевскимъ о событіяхъ въ Польшѣ.—Очень желательно собрать возможно болѣе списковъ »Разговора Великороссіи съ Малороссіею« и возстановить текстъ этого очень интереснаго публицистическаго сочиненія, а равно собрать и издать въ свѣтъ и другіе подобные памятники, обращавшіеся въ кругу малорусской интеллигенціи XVIII в. и нашедшіе себѣ пріютъ и спасеніе въ рукописныхъ сборникахъ, составленіемъ которыхъ любили заниматься въ Южной Руси наши интеллигентные и чуткіе къ общественнымъ дѣламъ предки во второй половинѣ XVII в. и особенно въ XVIII столѣтіи и даже до двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. У меня былъ прекрасный сборникъ »Пчела«, составленный въ 1679—80 г. священникомъ Виноградскимъ въ с. Крупичполѣ; въ немъ между прочимъ заключались замѣчательныя проповѣди, въ родѣ посланій Іоанна Вишенскаго. Иногда попадаются у любителей старины интересные сборники стихотвореній о современныхъ событіяхъ и лицахъ, и заключающіе въ себѣ »были«, »басни«, »имны«, »оды«,

»вѣрши«, »пѣсни«, элегіи«, »сатиры« и проч. Для образца сообщаю одно изъ такихъ стихотвореній, находящееся въ сборникѣ начала текущаго столѣтія.

Стихи къ господину сочинителю оды на смерть графа Румянцева Задунайскаго. 1796 года декабря 8 дня.

О, Муза! »*переявша славу*«
У древнихъ славныхъ Печенѣгъ!
Ты сладку льешъ въ сердца отраву,
Изъемля медъ изъ древнихъ книгъ.
Боговъ, богинь и музъ древнѣйшихъ
Себѣ зовешь ты помогать,
Поэтовъ имя, честь славнѣйшихъ,
Конечно, будешь помрачать.
Ахъ, естьлибъ ты не пѣлъ героевъ,
Но славу-бъ пѣлъ однихъословъ
И былъ правитель *кобзы* строевъ,
Изобрѣтатель грубыхъ словъ.
Ты-бъ лучше пѣлъ въ *шинкѣ* мѣщанамъ
Козацки подвиги и трудъ,
Любовь вознеслъ-бы въ нихъ къ стаканамъ,
То *шагъ* за то тебѣ дадутъ;
А болѣе еще прибавятъ,
Когда опишешь предковъ ихъ,
Какъ было въ полѣ кашу варятъ
Передъ толпой враговъ своихъ;
Набѣговъ опыхъ не боятся,
И, кашей *флинты* зарядивъ,
На нихъ привыкли устремляться,
Галушками имъ лбы разбивъ....
Вотъ лира что твоя пѣть можетъ
Съ достойной славою себѣ,
И ѣдка древность не изложетъ
Достойныхъ почестей тебѣ.

---

2) Въ »Кіевской Старинѣ« сего года, № 3 (стр. 523—4), подъ заглавіемъ: »Контрактъ на постройку церкви конца XVII в.«, по-

мѣщенъ »договоръ 1692 г. о постройкѣ каменной церкви въ Глуховѣ«, сообщенный А. М. Лазаревскимъ.—Въ моемъ небольшомъ собраніи рукописей нашлась полная копія урядовой записи объ этомъ дѣлѣ, списанная мною такъ-же изъ *подлинной* »Книги справъ вечистихъ—купчихъ, дѣлчихъ и иныхъ тымъ подобныхъ, на рокъ 1692«, Стародубскаго магистрата. Привожу изъ нея тѣ мѣста, которыхъ недостаетъ напечатанному »контракту«.

»Зезнане Ѥуфима Матвѣева каменнозодчого маистра церковного. Року 1692, мѣсяця ноевра 5.

... Ставши очивисте Ѥуфимий Матвѣевичъ (sic), каменнозодчий маистеръ церковний, москвичкинъ, явне, ясне и доброволне призналъ до книгъ мѣсцкихъ стародубовскихъ; ижъ за учиненемъ контракту зъ ктиторами и братсвомъ жителми глуховскими, на церковъ каменную Архистратигу Господня Михаила, взялъ 50 рублей грошей задатку и далъ на себе онимъ ктиторомъ и братсву запись. Которое теди зезнане его принявши, велѣлисмо записати, и есть записано.

Року Божого 1692, мѣсяця ноеврия 6 дня.

За вѣдомомъ и зледенемъ ихъ царского пресвѣтлого величества войска запорозскаго полковника стародубовского, его милости пана Михайла Миклашевского, на майстратѣ... передъ нами... ставши очевисте учтивый Матвѣй Ѳеимовичъ (sic), каменщикъ московский, презентовалъ даный собѣ контрактъ зъ мѣста Глухова на построение церкви Архистратига Господня Михайла муроваюй; который контрактъ, за прочитанемъ, такъ въ себѣ мается«.—Слѣдуетъ контрактъ въ такомъ текстѣ, какъ и сообщенный г. Лазаревскимъ, съ неважными противъ напечатаннаго разностями, заключающимися въ прибавленіи или недостачѣ нѣкоторыхъ предлоговъ и союзовъ, да въ замѣнѣ буквъ *и* и *і* одна другою; впрочемъ есть одна разность существенная: въ спискѣ г. Лазаревскаго (стр. 524, строка 8—9 сверху) значится »мастерию«, а въ моемъ—»материю«, какъ и слѣдуетъ быть: »материя«—матеріалъ, о которомъ идетъ рѣчь, а »материя«—это инструменты у »майстровъ«, о которыхъ въ контрактѣ нѣтъ и рѣчи. Затѣмъ въ моемъ спискѣ слѣдующее добавленіе: »А подпись при печати мѣской глуховской тими билъ словы: Семенъ Ѳедоровичъ писарь глуховский.—Который теды контрактъ, за прочитанемъ, велѣлисмо записати въ книги мѣскіе«.

Такимъ образомъ, сообщаемая мною выписка изъ подлинной актовой книги дополняетъ новыми свѣдѣніями и отчасти исправляетъ списокъ, сообщенный г. Лазаревскимъ.

3) Въ томъ-же № »Кіевской Старины« (стр. 472—6) помѣщена »Рядная запись первой половины XVIII в.«; это »випись съ книгъ гродскихъ стародубовскихъ права магдебургского, року 1744, мѣсяца мая 8 д.«, заключающая въ себѣ »реестръ« бунчуковаго товарища М. Есимонтовскаго, »сколко онъ взялъ въ посагъ вѣна«, представленный на урядъ. Въ этомъ реестрѣ исчислены разныя женскія одежды, уборы и бѣлье. Подобныхъ перечисленій костюмовъ и уборовъ и всякой движимости за вторую половину XVII и за XVIII-й вѣкъ сохранилось довольно много—въ »тестаментахъ« или »духовницяхъ«, представляющихъ большую важность въ археологическомъ отношеніи, а также въ вѣновыхъ записяхъ, наконецъ, въ »описяхъ« конфискованныхъ въ казну имуществъ, напримѣръ, такихъ лицъ, какъ гетманъ Самуйловичъ и полковники Рословецъ, Палій и Полуботокъ.

Но, какъ ни интересны всѣ эти »реестры« и »описи«,—они все таки даютъ намъ почти только одни названія предметовъ, безъ всякихъ объясненій ихъ вида и другихъ подробностей, необходимыхъ для болѣе или менѣе полнаго представленія о перечисляемыхъ предметахъ. Въ моемъ собраніи находится выписка изъ дѣлъ стародубскаго магистрата, заключающая опись вещей, принадлежавшихъ какому-то войсковому канцеляристу и его женѣ, составленную 29 октября 1745 г.; въ ней достаточно подробно описывается каждая вещь, а потому эта опись представляетъ цѣнный матеріалъ для описанія костюмовъ, уборовъ и оружія первой половины XVIII столѣтія. Вотъ текстъ ея.

1) »Кунтушъ женскій, злотоглавній, зеленій, по бѣлокосѣ, зъ золотими и сребними небольшими клѣточкамы, на сѣбѣркахъ, зъ соболними карвашами, комеромъ, кой подшитъ зеленимъ кредитуромъ, а на обоихъ полахъ отъ комера до подполковъ зъ соболѣми жъ огонками и на усахъ золотимъ широкимъ одноличнимъ пузиментомъ, а около зъ золотимъ-же узшимъ старосвѣцкимъ пузиментомъ двоеличнимъ«.

2) »Шабля могилевской работи подъ оправою сребною и на пасказ шелковихъ рудявихъ, золотомъ перетиканихъ, зъ штучками

сребними-жъ, а крижемъ полскимъ желѣзнимъ, отъ которого къ верхнему сребному жъ кантурку средній-же цепочокъ; желѣзко жъ шпанское и на ономъ близъ крижа вирисовани на одной сторонѣ святій апостолъ Петръ, а на другой святій апостолъ Павелъ, зъ надписомъ латинскимъ«.

3) Тацъ сребная фанцѣберовая на трохъ ножкахъ и около зрисованними брижамы«.

4) Ложокъ сребнихъ осмъ, въ которихъ при концѣ на держачкахъ ангелики, а при самой ложки кверху фѣgури на кшталтъ человѣковъ«.

5) Вершечокъ на шапку женскую суто сребромъ ленткоткою шитій и на каждой кватерцѣ по золотой квѣтцѣ«.

6) Звіонgка черная креповая, на концахъ лиштвою золотомъ и срѣбромъ шитая, изъ квѣтками сребними жъ и золотими и карункою пестро золотою широкою«.

7) Хустокъ шелковихъ великой руки двападцять, а іменно блакитнихъ, по концахъ зъ квѣтками разноцвѣтными, шесть, да малой руки зеленихъ пять«.

8) »Тарѣлокъ цѣнованнихъ новихъ 15 и приставочка една«.

9) »Зъ бѣлого плата: ручникъ новій, заполочю на московскомъ полотнѣ орлами по концахъ шитій, еденъ«.

Н. Бѣлозерскій.

ПРИСЯГА ДУХОВЕНСТВА.

Въ настоящее время духовенство, бѣлое и черное, какъ извѣстно, не приводится къ присягѣ въ качествѣ свидѣтелей, а свидѣтельствуется по священству, безъ присяги. Въ прежнее-же время, не далѣе прошлаго столѣтія, въ Малороссіи и Великороссіи существовали въ этомъ отношеніи различные порядки, объусловливавшіеся мѣстными законами. Дѣйствовавшее въ московскомъ государствѣ уложеніе царя Алексѣя Михайловича предписывало: »архимандритовъ, игуменовъ и старцовъ во свидѣтельство принимать по иноческому обѣщанію, а протопоповъ, поповъ и дьяконовъ по священству, а крестному цѣлованію не быть« (Гл. 10 ст: 161 и гл. 13 ст. 4). Петръ Великій однако нарушилъ это правило; онъ внесъ въ воинскій уставъ совершенно противуположную статью, заимст-

вовавъ ее изъ западныхъ законодательствъ: »всѣмъ свидѣтелямъ надлежитъ, хотя-бы оные высшаго достоинства и знатнѣйшія были, присягать, понеже свидѣтелю, которой присяги не учинитъ, вѣрить не можно, хотя-бы оной и архіепископъ былъ (гл. 3. п. 7-й). Такимъ образомъ въ Великороссіи, со времени изданія воинскаго устава, въ судахъ дѣйствовали два противуположныя начала относительно силы свидѣтельскихъ показаній духовенства; при томъ сфера дѣйствія военнаго закона не была строго опредѣлена, такъ какъ именной указъ 1716 года апрѣля 10 о воинскомъ уставѣ заявлялъ, »что хотя оной основаніемъ воинскихъ людей, однакожъ касается и до всѣхъ правителей земскихъ«. Впрочемъ сенатъ указомъ 1753 года ограничилъ это толкованіе, разъяснивъ, что по процессамъ велѣно свидѣтелей спрашивать подъ присягою, но оное слѣдуетъ до военныхъ судовъ, а не въ гражданскихъ дѣлахъ.

Въ противуположность указанной двойственности, въ Малороссіи всегда и по всякимъ дѣламъ требовалось свидѣтельство подъ присягой, какъ отъ свѣтскихъ людей, такъ и отъ духовенства. Литовскимъ Статутомъ узаконено: »свидѣтельству быть подъ присягою«, въ книгѣ »Порядка правъ магдебургскихъ« сказано: »свидѣтельство отнюдь несильно, если свидѣтели сперва не присягнутъ«. Это правило требовать отъ духовенства присяги исполнялось безъ всякаго нарушенія до половины прошлаго столѣтія. Въ половинѣ прошлаго вѣка противъ существовавшаго порядка въ Малороссіи возсталъ кіевскій митрополитъ Арсеній Могилянскій и сталъ запрещать присягу духовенства. Вѣроятно свѣтскія власти, дѣйствовавшія въ Малороссіи, представили объ упомянутомъ распоряженіи митрополита сенату, такъ что сенатъ счелъ нужнымъ доложить объ этомъ императрицѣ. Вслѣдствіе этого вышелъ указъ 1767 года декабря 11, въ которомъ мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее разсужденіе: »можетъ-ли какой ни есть церковной или свѣтской начальникъ перемѣнить въ какой провинціи издавна принятой и утвержденной обрядъ? на что всякой разумной человѣкъ отвѣтствовать будетъ, что не можетъ; слѣдовательно установленіе магдебургскихъ правъ, коимъ по нынѣ въ Малороссіи слѣдовали, должно въ семъ случаѣ остаться въ своей силѣ«. Объ этомъ-же казусѣ и различіяхъ рѣшено было сообщить въ коммисію сочиненія новаго уложенія. Такъ какъ коммисія новаго уложенія не составила, а

распоряженіе кіевскаго митрополита было отмѣнено; то слѣдовательно въ Малороссіи по прежнему дѣйствовало прежнее обыкновеніе приводить къ присягѣ лицъ духовнаго званія. Вѣроятно, правило о присягѣ священниковъ и монаховъ существовало въ Малороссіи если не до отмѣны магдебургскаго права (1831 г.) и Литовскаго Статута (1842 г.), то, по крайней мѣрѣ, до 1783 года, когда временно были распространены на Малороссію учрежденія о губерніяхъ.

П. Ефименко.

МАЛОРУССКІЙ ПѢСЕННИКЪ XVIII ВѢКА.

(Изъ собранія рукописей Т. В. Кибальчича).

Въ собраніи разнородныхъ рукописей Т. В. Кибальчича я нашелъ весьма цѣнный памятникъ прошлаго вѣка, которому можно дать названіе *»Малорусскаго пѣсенника«*. Это довольно полная, хотя отчасти и дефектная рукопись въ $^1/_8$ долю листа, состоящая изъ нотъ и текстовъ пѣсенъ.

По внѣшнему виду, рукопись эта была переплетена и обрѣзана, но теперь вырвана изъ переплета, хотя и держится на пяхъ корешка. Страницы перенумерованы славянскими знаками до 130-го листка, но кромѣ того есть еще семь листковъ не нумерованныхъ, такъ что рукопись видимо заключала въ себѣ 137 листковъ или 274 страницы. Въ серединѣ недостаетъ пяти листковъ, именно: 115, 116, 117, 120 и 121, т. е. 10 страницъ, слѣдовательно въ настоящемъ своемъ видѣ она представляетъ 264 страницы, вполнѣ хорошо сохранившіяся.—Бумага отъ начала до конца одинакова—плотная, синяя (за исключеніемъ нѣсколькихъ листовъ бѣлой) съ водными изображеніями герба, но безъ означенія года фабрикаціи.

До 101-й страницы текстъ писанъ церковно-славянскимъ шрифтомъ, а съ оборота ея такъ называемымъ полууставомъ. Почеркъ однообразный, старательный, четкій; помарокъ весьма немного; кое-гдѣ, особенно въ концѣ, сдѣланы подстрочныя приписки и поправки. Никакихъ рисунковъ, ни виньетокъ и орнамента нѣтъ вовсе.

Въ припискахъ я не могъ найти никакихъ указаній ни на первоначальнаго владѣльца рукописи, ни на ея составителя, ибо, кромѣ пѣсенъ и нотъ, никакого посторонняго текста нѣтъ.

Во всей этой рукописи имѣется 87 пѣсенъ, изъ которыхъ двѣ (№ 75 и 77) дефектны. Первая изъ нихъ безъ нотъ и начала пѣсни, а второй недостаетъ начала нотъ и начала перваго куплета. Всѣ остальныя пѣсни полны и каждая съ нотами, подъ которыми вписанъ первый куплетъ.

Матеріалъ пѣсенный распредѣленъ довольно систематично. Въ началѣ идутъ пѣсни религіозныя, числомъ 61, а затѣмъ свѣтскія, *співомови*, какъ онѣ озаглавлены въ сборникѣ.

Обращаясь къ содержанію рукописи, мы должны за ней признать весьма важное значеніе. Сколько намъ извѣстно, послѣ Почаевскаго Богогласника, это единственный памятникъ прошлаго вѣка, сохранившій намъ мотивы пѣсенъ того времени. Въ музыкальномъ отношеніи рукопись г. Кибальчича имѣетъ то преимущество передъ Богогласникомъ, что ноты въ ней писаны далеко правильнѣе и яснѣе, несмотря даже на то, что онѣ рукописныя, а въ Богогласникѣ печатныя; въ рукописи мелодія всегда раздѣлена на такты, чего нѣтъ въ Богогласникѣ. Музыкальное значеніе этого памятника пріобрѣтаетъ еще большее значеніе вслѣдствіе того, что въ немъ впервые находимъ мотивы свѣтскихъ пѣсенъ.

До сихъ поръ, кажется, еще никто не опредѣлилъ характера мелодій Богогласника и вопросъ этотъ остается темнымъ. Въ рукописи же г. Кибальчича, которую разсматривалъ Н. В. Лисенко, оказались въ религіозныхъ пѣсняхъ мотивы чисто мѣстнаго малорусскаго характера, подобіе которыхъ можно найти въ мелодіяхъ лирницкихъ. Нѣкоторые мотивы, кромѣ народнаго тембра, дышатъ глубокимъ чувствомъ и высокимъ художествомъ.

Сравнивая религіозныя пѣсни рукописи съ Богогласникомъ, я нашелъ, что почти всѣ онѣ находятся въ этомъ изданіи Почаевской Лавры въ болѣе или менѣе отличныхъ варіантахъ. Расположеніе этихъ пѣсенъ тоже очень сходно съ расположеніемъ въ Богогласникѣ. Въ началѣ идутъ пѣсни о Рождествѣ Христовомъ, о страстяхъ Господнихъ, о Воскресеніи; далѣе пѣсни о Богородицѣ, о разныхъ святыхъ и въ концѣ пѣсни религіозно-нравственнаго содержанія. Въ пѣсняхъ о чудотворныхъ иконахъ встрѣчаются географическія названія: Тывровъ (винницкій у.), Радовцы (литинск. у.), Баръ, Подкомель (Галиція), Тарнополь (тоже) и т. п., словомъ мѣстности главнымъ образомъ Волыни и Подоліи.

По языку пѣсни религіозныя въ рукописи значительно отличаются отъ варіантовъ Богогласника; въ рукописи видно значительное искаженіе полу-церковно-славянскаго первообраза въ пользу народной рѣчи, хотя не замѣтно такого уродства, какое видимъ въ лирницкихъ варіантахъ. Въ числѣ религіозныхъ пѣсенъ есть двѣ на польскомъ языкѣ, а именно: на Рождество Христово »Przybieżeli do Betljem Pastyrze« и въ честь чудотворнаго образа Богородицы Подкаменецкой.

Въ числѣ 26 свѣтскихъ пѣсенъ рукописи есть только 14 собственно малорусскихъ, частью искуственныхъ, частью народныхъ. Эти послѣднія, какъ-то: »Летивъ чорный жукъ«, »Посіявъ чоловикъ ячминь«, »Сидить медвидь на колодци«, »Ой їхавъ козакъ зо Вкраины«, всѣ сатирическаго содержанія. Изъ пѣсенъ искусственныхъ обращаютъ на себя вниманіе сатирическая пѣснь съ припѣвомъ »али-алилуй, Господи помилуй«, изображающая весьма живыми красками пиръ святыхъ и духовенства [1]); далѣе есть варіантъ, довольно полный, извѣстнаго »Грицька мудрого родомъ зъ Коломыйи« [2]) и одна пѣснь историческаго содержанія, относящаяся, кажется, къ событіямъ временъ конфедераціи Барской. Пѣснь эта къ сожалѣнію безъ начала перваго куплета; я привожу ее цѣликомъ, удерживая для образца правописаніе памятника.

. . . . . .

. . . . . .

Же почали були бунты починаты,
Передъ москалями мусѣли втѣкаты.
Якъ въ комнару вѣвцѣ, такъ ихъ запудили,
А въ Станѣславовѣ кругомъ оступили:
Москалѣ изъ жарту почали стреляты,
А ляхи одъ страху стали умираты.
Гды прийшли вѣвторокъ о пятой годинѣ,
Подъ Станѣславовомъ стали на долинѣ

---

[1]) Пѣсня эта въ нѣсколькихъ варіантахъ занесена въ III т. Сборника П. Чубинскаго, въ рубрику колядокъ—вслѣдствіе того, что въ этихъ варіантахъ, какъ поводъ для пира, указывается на Рожденіе Христово.

[2]) Въ двухъ варіантахъ помѣщена эта пѣсня во II т. »Pokucia« О. Кольберга, съ замѣчаніемъ, что пѣсню эту поютъ причетники и деревенскіе грамотѣи.

Вдарили зъ гарматы, ажъ баня упала,
Зъ первого косцола въ той часъ твога (тревога) стала.
Вже виходятъ ляхи, аби не пустыты
Москаля, отъ града-бы могли отъбиты,
Но не доказали, бо негодни того—
Москаля отъбиты, хотяй йхъ и много.
Дали собѣ битву на середу рано,
А другимъ москалямъ въ той часъ знаты дано,
Абы йшли скоро всю нощъ на ратунокъ,
Бо на ляховъ упавъ великій фрасунокъ.
У середу рано сталися сходиты
Всѣ ляхи до купи, що будемъ робиты?
Единъ мовитъ: біймо, десять: утѣкаймо,
А сто каже: всѣ до духа москалямъ подъдаймо.
Москалѣ волаютъ, абы виходили
Всѣ ляхи изъ града, котріе тамъ были.
Панъ староста *Блоньскій* сердца добуває,
Староста *Снятинскій* отъ страху въмлѣває.
Почали стрѣляты, на плацъ выходиты,
А не единъ мислитъ, якъ бы добре втекты,—
Мусѣлися быты у весь день доволѣ.
Любилисте ляхи добре людей грабоваты,
Любѣтежъ вневолѣ у насъ зоставаты;
Любилисте йсты гуси, кури много,
Днесь сидѣтъ вневолѣ, не йжте нѣколи.
Такъ москалѣ ляховъ люблятъ частоваты,
Абы памятали, якъ то грабоваты:
За тое ймъ даютъ мало исты й питы,
Абы памятали, якъ бунты чиниты.

Кромѣ малорусскихъ пѣсенъ, есть въ сборникѣ одна великорусская—безвкусная и сентиментальная, озаглавленная: »*Пѣснь сватова Російска наступкамъ*«.

Конецъ сборника составляютъ десять пѣсенъ польскихъ, содержанія любовнаго и бытоваго, довольно безграмотно записанныхъ, и слѣдующая характерная смѣшанная пѣснь-разговоръ крестьянъ—поляка и малороса о житьѣ-бытьѣ:

Oy rusinie, rusinie, co słychaé w twey krainie,
Pociesz, pociesz strapionego, a przynieś co wesołego
Sercu moiemu.

Имя минѣ Стахъ, скажу о людяхъ:
Въ насъ люде веселенко скачутъ, горѣлочкою рачатъ,
Горѣлка уприкрится, до меду подай, дай та надай.

Ach mnie, mnie czy wierzysz panie, ze ledwie na grosz stanie,
Bo chociay co zapracuie, albo tyz co utarguie,
To zabierze dwur.

А мы продаемъ, а грошѣ маемъ,
И пановѣ отъдаемо, а калиты ладнуемо,
Есть для пана, и для попа, и для домовихъ тысяча
золотихъ.

Ach panicu, panicu, zacny slachcicu, a ruski Krulewiczu,
Aby łaska twa sprawiła, y mnie tyz w czym domiesciła,
Do łaski twey.

Дармо, небоже, биты не може,
Якъ то правда, що я живу,
Такъ ты покинь всю надѣю.
Въбравесься въ мазурство, якъ у шевскій квасъ,
Засяжъ отъ насъ.—

Оставляя спеціалистамъ изученіе этой рукописи, какъ памятника пѣсеннаго и музыкальнаго творчества, я счелъ необходимымъ огласить мою находку, какъ смѣю думать, весьма цѣнную. Я не берусь теперь судить о значеніи и происхожденіи этого сборника—для этого необходимо серъёзное изслѣдованіе. Несомнѣннымъ для меня однако является слѣдующее: сборникъ этотъ видимо составленъ за разъ, хотя и писанъ двумя шрифтами; вывожу я это какъ изъ однообразія его внѣшняго вида, такъ и изъ правильной группировки пѣсенъ. Далѣе несомнѣнно, что сборникъ принадлежалъ какому нибудь уніяту Волыни или Подоліи,—это видно какъ изъ содержанія пѣсенъ, проникнутыхъ уніятскимъ духомъ Богогласника, такъ и изъ характера малорусской рѣчи, носящей всѣ особенности подольскаго говора.—Наконецъ не подлежитъ сомнѣнію, что рукопись эта по времени своего происхожденія не ранѣе конца XVIII вѣка. такъ какъ въ ней есть пѣсни, относящіяся къ событіямъ этого времени.

Владѣлецъ рукописи, г. Кибальчичъ, какъ передавалъ онъ мнѣ, пріобрѣлъ ее случайно въ г. Пирятинѣ; но какимъ образомъ она туда попала—неизвѣстно.

Во всякомъ случаѣ желательно было-бы издать этотъ памятникъ въ возможно скоромъ времени; изданіе это труднѣе всякого другого, такъ какъ транскрипція этого текста и въ особенности нотъ требуетъ участія опытныхъ спеціалистовъ, иначе изданіе можетъ потерять всякое научное значеніе.

И. Нейманъ.

ДѢДУШКИНЪ ВЕКСЕЛЬ.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній).

Лѣтъ двадцать—тридцать тому назадъ, въ нашемъ селѣ [1]) грамотныхъ почти не было; было четыре-пять человѣкъ, которые когда-то въ дьячковской школѣ учились и въ то время уже были взрослыми мущинами, но они могли только читать по славянски и пѣть на клиросѣ, прочесть-же солдатское письмо или-же поминальную книжку, въ которой рукою дьячка записаны дѣды и прадѣды кого-либо изъ хозяевъ, они уже не могли и свою несостоятельность въ этомъ дѣлѣ оправдывали обыкновенно отговоркою: *це не при насъ писано...* А спросъ на грамоту и тогда уже былъ значительный. Недостатокъ оной чувствовался въ особенности въ поминальную субботу, когда по давнему въ нашемъ селѣ обычаю достаточные хозяева приглашаютъ въ свои домы какого-либо грамотѣя для чтенія псалтыри, при чемъ послѣ каждой каѳизмы или *славы* перечитывается и поминальная книжечка и хозяева такимъ образомъ поминаютъ умершихъ своихъ родныхъ. Читавшимъ псалтирь приходилось тутъ-же дописывать *грамотку*, или-же вновь ее писать. Для этого они брали съ собою перо, чернило и лоскутокъ бумаги и печатными буквами, со словъ хозяина, записывали имена умершихъ его сродниковъ. Запись по этому производилась по способу фонетическому и была вполнѣ понятна слушателямъ. »Помяны, Господы, произносилъ чтецъ, рабовъ Божихъ: Окъсеня, Насыцю, Ладыма, Приську, Юрька, Песьцю, Савѣку, Хыму и въсихъ ихъ сродъныкивъ.... и слушатели

[1]) Соловьевка, радомысльскаго уѣзда, кіевской губерніи.

набожно крестились и клали поклоны, а чтецъ получалъ потомъ за каждую записанную и прочитанную душу по шагу (грошу), да за чтеніе псалтири пивзолотого (7½ к.), да еще хлѣбъ и платокъ; его притомъ за обѣдомъ усаживали на первомъ мѣстѣ и ему первому подносили водку и кушанье. Но, повторяю, и такихъ грамотѣевъ было тогда мало.

Мнѣ пришлось учиться позже, но лучше и больше, а потому и выучился я больше. Раньше этого мнѣ очень хотѣлось попасть въ положеніе такихъ грамотѣевъ. И мое желаніе потомъ сбылось: мнѣ не было еще десяти лѣтъ отъ роду, а я уже могъ прочесть не только псалтирь, но даже и самую мудреную поминальную книжку, поэтому меня вездѣ и приглашали для чтенія псалтири во время поминальныхъ обѣдовъ. Въ особенности полюбилъ меня старичокъ *Степанъ Отаманчукъ*: у него я былъ, такъ сказать, *присяжнымъ чтецомъ*, и кромѣ меня никого онъ болѣе не звалъ для чтенія псалтири. А псалтирь въ его домѣ читалась каждогодно въ субботу первой недѣли поста, при чемъ каждый разъ, какъ начиналось чтеніе, предъ старинной иконой св. ап. Іакова зажигалась большая восковая свѣча, которую нарочно для этого каждый годъ изготовляла жена Степана Палажка. Читая уже не разъ, я замѣчалъ, что на этой иконѣ красуется большой крестъ, написанный мѣломъ, но ни разу нерѣшился спросить хозяевъ, для чего написанъ на иконѣ крестъ. Исторія этого креста объяснилась для меня случайно, и вотъ какъ это случилось.

Наступилъ великій постъ 18** г. По обыкновенію, Степанъ, въ субботу первой недѣли поста, пригласилъ меня для чтенія псалтири. Когда я пришелъ, онъ благоговѣйно возжегъ свѣчу, прилѣпивъ ее къ извѣстному уже образу. Я открылъ чтеніе; Степанъ и Палажка набожно крестились, клали поклоны, мало что разумѣя изъ читаемаго. Вскорѣ Степанъ отправился въ церковь, а Палажка принялась готовить поминальный обѣдъ. Долго безучастно я читалъ псалтирь. Отъ разгорѣвшейся печи пошла духота; въ горлѣ у меня пересохло, голова кружилась и я вышелъ освѣжиться. Занятая стряпней Палажка не замѣтила, какъ свѣча, прилѣпленная къ иконѣ, наклонилась къ самой иконѣ и прожгла *то мѣсто, гдѣ былъ написанъ мѣломъ крестъ*. Вернувшись въ хату и увидѣвъ, что

икона горитъ, я поспѣшилъ сказать объ этомъ хозяйкѣ, а она, поправила свѣчку, набожно перекрестилась и проговорила вслухъ:

— Упокой, Господи, ёго душу!...

— Чью? спросилъ я.

— Та того-жъ, *Петра*.

— Какого *Петра?* родственникъ вашъ, что ли?

— Ба ни, чужый. Чумакъ бувъ тутъ, Петро звався.

— Чужой, чумакъ? По чему-же вы стали молиться объ немъ, когда увидѣли, что горитъ икона?...

— Бо то сгоривъ векселъ нашого дида.

Меня это удивило и совершенно озадачило. Какъ это такъ?— подумалъ я: сгорѣлъ векселъ ея дѣда, а она молится за душу какого то чумака Петра? Да и какъ тутъ векселъ могъ сгорѣть? Онъ могъ быть спрятанъ за иконой; но горѣла вѣдь икона и не насквозь прогорѣла. При чемъ же тутъ векселъ?... Да и какая связь между векселемъ ея дѣдушки и душою чумака Петра? Для чего такъ долго сохранялся этотъ векселъ и если онъ принадлежалъ чумаку Петру, то почему-же не хранился въ домѣ его или его наслѣдниковъ?...

— Не понимаю ничего, сказалъ я, сообразивъ все.

А въ эту минуту Степанъ, возвратясь изъ церкви, входилъ въ хату въ сопровожденіи цѣлаго десятка нищихъ.

— Такъ отъ це вамъ Степанъ роскаже, сказала Палажка, якъ воно було.

— Що таке? спросилъ Степанъ.

— Онъ бачишъ?! отвѣтила Палажка, указывая на прогорѣвшую икону.

Взглянувъ на прижженую икону, на которой уже не видно было креста, написаннаго мѣломъ, Степанъ въ свою очередь набожно перекрестился и проговорилъ вслухъ:

— Упокой, Господи, ёго душу!

— Чумака Петра? спросилъ я.

— Эгежъ; а вы хиба вже знаете?

— Въ томъ-то и дѣло, что я не знаю. Проспилъ я Палажку разсказвть, а она сказала, что вы разскажете.

— Добре, роскажу, а тымъ часомъ сядемо за трапезу Господню, сказалъ Степанъ, приглашая меня на покуть.

Прочитавъ *Отче нашъ* и усѣвшись на покути, я съ нетерпѣніемъ ждалъ обѣщаннаго разсказа, и Степанъ, послѣ первой чарки, принялся разсказывать, не стѣсняясь присутствующими. Передаю этотъ разсказъ по русски, сохраняя всѣ прочія его особенности.

— Дѣдъ мой, Яковъ Отамапчукъ, былъ изъ первыхъ богачей въ Соловьевкѣ. Было у него много худобы и еще больше грошей; при этомъ нужно вамъ знать, что въ то время бумажекъ не было, а все было золото, серебро да мѣдь, а потому деньги у дѣда хранились въ дѣжкахъ: одна малая дѣжка была насыпана до самаго верха серебромъ, такъ что когда дѣдъ было ее раскростъ, то карбованцы забѣлѣютъ все равно, какъ сыръ; другая-же дѣжка побольше, та была насыпана до самаго верха мѣдью. Къ этой послѣдней дѣдъ ходиля частенько, такъ какъ у него весьма часто просили денегъ взаймы и онъ никому не отказывалъ.

— Тоби скильки треба? спроситъ бывало дѣдъ у того, кто придетъ просить у него денегъ взаймы.

— Та кившыкивъ изо два позычьте.

— Добре, позычу,—отвѣчастъ дѣдъ, тильки гляди, такъ якъ намиряю изъ верхомъ, такъ шобъ зъверхомъ и оддавъ.

— Та за певне такъ, признавалъ тотъ. И дѣдъ набиралъ изъ дѣжки два ковшика вверхъ мѣдныхъ пятаковъ, всыпалъ ихъ въ торбочку просителя, и тотъ своею рукою на дѣдовой иконѣ писалъ мѣломъ крестъ. Это и былъ вексель дѣда, чтобъ, значитъ, долгъ не пропалъ.

— То есть вексель просителя такого-то, Ивана тамъ, или Романа, а не дѣдушкинъ, пояснилъ я Степану.

— Нѣтъ, не такъ, отвѣчалъ Степанъ: когда Иванъ или Романъ далъ дѣду вексель, то, значитъ, онъ уже *дьдовъ*, а не Ивана или Романа.

— Ну, пусть будетъ по вашему, сказалъ я.

— Такъ вотъ такой вексель, продолжалъ Степанъ, у дѣда и сохранялся до тѣхъ поръ, пока Иванъ тамъ или Романъ, а если умретъ, такъ его потомки не принесутъ и не всыплютъ въ дѣдову дѣжку два ковшика вверхъ занятыхъ у дѣда пятаковъ. Тогда кто долгъ принесъ, тотъ и стиралъ своею рукою съ иконы дѣдовъ вексель, самъ-же дѣдъ не могъ этого сдѣлать, считалъ за грѣхъ.

— Ну, а проценты какіе бралъ дѣдушка? спросилъ я у Степана.

— Тогда процентовъ не было никакихъ, а если тотъ, кто возьметъ у дѣда деньги, захочетъ сдѣлать ему за это выгоду, такъ за его душу поставитъ въ церкви свѣчку, вотъ и весь процентъ, объяснилъ Степанъ и затѣмъ продолжалъ:

— Теперь нужно вамъ знать, что, кромѣ моего дѣда, въ Соловьевкѣ были еще богачи—чумаки: *Петро Андрієць и Зинько Ляпасъ*, но за тѣми водился грѣхъ—любили выпивать. Бывало, какъ начнутъ пить, смотришь, жидъ и беретъ вола за долгъ. Это, видите-ли, хитрили старики: если у нихъ старые, негодные къ работѣ волы, которыхъ никто не хочетъ купить, такъ они нарочно пьютъ у жида водку въ долгъ, а потомъ не хотятъ платить долга нарочно, чтобы жидъ взялъ вола; ну, жидъ и беретъ, все равно пригодится на говядину.

Такъ вотъ какъ-то разъ подъ осень пили эти чумаки, да и поспорили тутъ-же въ шинкѣ, кто изъ нихъ богаче? Петро говорилъ:

— Та въ мене срибла мабуть буде кившыкивъ изъ двадцять...

А Ляпасъ говоритъ:

— Двадцять?!.. Та въ мене самого золота закопано пидъ покутемъ добрый горщикъ, а пидъ ступою закопано карбованцивъ повный глечикъ. Самыхъ копійокъ у мене повный глечикъ стоитъ у комори на полыци, а на росходъ маю срибла въ дижци мабуть кившикивъ зъ пятдесятъ...

— Ну, коли такъ, сказалъ Петро, то давай помиряемо; якъ у тебе буде въ дижци срибла пятдесятъ кившыкивъ, то маешъ право забрать уси мои возы зъ сильлю и зъ волами, якъ прийдутъ зъ Крыму; ты-жъ знаешъ, шо тамъ ихъ у мене буде дванадцять возивъ. А якъ же у тебе въ дижци буде менше, якъ пятдесятъ кившикивъ, то я заберу твои дванадцять возивъ зъ сильлю и зъ волами.

— Добре, пристаю, отвѣчалъ Ляпасъ; ударили по рукамъ и запили могоричъ.

Когда потомъ перемѣряли серебро, хранившееся въ дѣжкѣ Ляпаса, то его оказалось пятдесятъ два ковшика и одна жменя (пригоршня). Пріунылъ тогда Петро. Когда онъ спорилъ съ Ляпасомъ въ шинкѣ, тогда онъ думалъ, что Ляпасъ только хвастается своимъ богатствомъ, а что на самомъ дѣлѣ онъ бѣднѣе его, Петра;

но теперь видѣлъ самъ, что Ляпасъ богаче его. Пожалъ онъ плечами и сказалъ Ляпасу.

— Ну, нема що, договоръ паче денегъ; якъ сказано, то такъ, якъ звязано: волы й возы зъ силью вже не мои, а твои...

Ляпасъ, извѣстно, былъ радъ и такъ угостилъ Петра, что тотъ и заночевалъ у него. Цѣлую ночь пьяный Петро распѣвалъ:

Ой яжъ чумакъ нещасливый,
Зъ журбы хожу ледви живый...

На утро проснувшись, Петро не пошелъ уже отъ Ляпаса домой, а поплелся къ моему дѣду.

— Здоровъ будь, Якове!

— Здоровъ Петре; а що скажешъ?

— Та позычъ, будь ласкавъ, кившыкивъ зо два срибла...

Дѣдъ, ничего про то не зная, очень удивился, что Петро пришелъ просить денегъ.

— Ну, а твое-жъ добро де? мыши зъѣли, чи що?... спросилъ дѣдъ шутя, думая, что и Петро шутитъ.

— Гиршъ, якъ мыши; все то дурный розумъ робить; але що маю робить: слово свято...

— Ну?... удивлялся дѣдъ.

И Петро разсказалъ ему, какъ побился объ закладъ съ Ляпасомъ и какъ отдалъ ему все свое добро. Дѣдъ очень сожалѣлъ о Петрѣ, хотя самъ сознавалъ, что слова вернуть нельзя.

— Ну, такъ тобѣ треба два кившыки срибла? спросилъ онъ Петра.

— Та позычьте хочъ изъ три, отвѣчалъ Петро.

И дѣдъ всыпалъ ему въ полу его свитки три ковшика серебра, а онъ своею таки рукою написалъ вотъ на этой иконѣ крестъ, что теперь выгорѣлъ. Вотъ это и былъ векселъ моего дѣда, добавилъ Степанъ, обращаясь ко мнѣ.

— Значитъ, по этому векселю доселѣ не были уплочены деньги ни Петромъ, ни его потомствомъ? замѣтилъ я Степану.

— Да, не были, а теперь уже заплочены. Теперь чумакъ Петро зъ дѣдомъ и съ нами уже разсчитался; видите, нѣтъ уже векселя, онъ самъ его уничтожилъ.

При этихъ словахъ Степана я невольно засмѣялся и сказалъ:

— Какъ же это такъ? я своими глазами видѣлъ, что векселъ,

какъ вы называете, сгорѣлъ случайно отъ свѣчки, а вы говорите, что его Петро самъ уничтожилъ?

— А вы думаете нѣтъ? такъ таки и було: Петро самъ его уничтожилъ, утверждалъ Степанъ.

— Однакоже я этого совсѣмъ не понимаю, равно не могу понять, почему вы молитесь за должника вашего дѣда, сказалъ я Степану.

— Все это я вамъ послѣ объясню, а теперь слушайте дальше, что случилось съ Петромъ да съ Ляпасомъ, послѣ того, какъ побились они объ закладъ, отвѣтилъ мнѣ Степанъ и сталъ продолжать разсказъ:

— Недѣли черезъ двѣ послѣ того, какъ Петро взялъ у дѣда моего три ковшика серебра, по селу пронеслось »*чумаки йдуть!*« Сами знаете: великое это слово для того, кто посылаетъ, или самъ ходитъ въ дорогу. Помню, было это въ воскресенье. Ляпасъ и Петро сидѣли въ корчмѣ и пили въ долгъ. Ляпасъ пилъ и радовался, что у него, вмѣсто двѣнадцати, будетъ двадцать четыре воза съ солью, и вмѣсто двѣнадцати паръ воловъ, будетъ двадцать четыре пары; а Петро, извѣстно, съ горя пилъ. Сидитъ онъ и носъ повѣсилъ. Вдругъ въ корчму вбѣгаетъ дядько Харитонъ Заболотній да какъ крикнетъ:

— Ставьте могоричъ, чумаки йдуть!...

Петро, какъ заслышалъ тѣ слова, побѣлѣлъ какъ крейда, да и бухъ съ лавки да на землю...

Всѣ, кто былъ въ корчмѣ, бросились къ Петру, а онъ и зубы стиснулъ...

— Воды, воды! закричалъ Заболотній.

Принесли воды, влили въ ротъ Петру, но тотъ »уже й захоловъ«... Допесли становому, наѣхало слѣдствіе, стали распрашивать: что, да какъ, и когда узнали, что Петро »померъ зъ жалю«—отъ того, что ему приходилось отдавать Ляпасу своихъ двѣнадцать возовъ съ солью и волами, то взялись за Ляпаса.

— Сгніешь въ тюрьмѣ, душу христіянскую загубилъ, кричалъ становой и ногами на Ляпаса топалъ.

Испугался Ляпасъ, да бухъ становому въ ноги:

— Змилуйтеся, ваша благородія, есть у мене пятдесятъ два ковшыки грибла, забирайте все, тильки змилуйтесь...

И становой смиловался: Петра похоронили, а Ляпаса отпустили домой, только лишился онъ своихъ пятидесяти двухъ ковшиковъ серебра; но объ этомъ Ляпасъ не жалѣлъ, онъ говорилъ:

— Хочь голъ, да правъ зоставсь... И ще-жъ таки, хвалити Господа милосердного, есть у мене закопано пидъ ступою глечикъ карбованцивъ, та пидъ покутемъ горшокъ червонцивъ...

Слова Ляпаса, какъ видно, слыхалъ сатана; черезъ недѣлю становой опять потребовалъ къ себѣ Ляпаса.

— Бѣда,—говоритъ,—старикъ! изъ Петербурга пришла бумага, чтобъ откопать трупъ Петра да сдѣлать новое слѣдствіе...

Опять повалился Ляпасъ становому въ ноги.

— Змилуйтесь, ваша благородія...

— Ну, а есть у тебя еще сколько нибудь золота или серебра? такъ я поправлю дѣло, совсѣмъ потушу, сказалъ становой.

— Щожъ? треба правду казати, отвѣчалъ Ляпасъ; есть ище въ мене закопано пидъ ступою глечикъ карбованцивъ да пидъ покутемъ горшокъ червонцивъ.

— А больше?... допрашивалъ еще становой.

— Ище въ комори на полыци стоитъ глечикъ копійокъ...

— Такъ вотъ что старикъ, совѣтовалъ становой, копѣйки пусть останутся тебѣ на поминки Петра, а золото и серебро давай сюда, такъ я обдѣлаю дѣло такъ, что даже не будутъ откапывать трупъ Петра...

И дѣйствительно такъ было; но только у Ляпаса не осталось больше денегъ: досталъ онъ и глечикъ зъ-пидъ ступы и горщикъ зъ-пидъ покутя и все отдалъ становому, самъ же затужилъ, сталъ пить безъ просыпу, жиды за долгъ забрали воловъ, онъ обѣднѣлъ до крайности и отъ горя скоро умеръ.

Вотъ такъ то вексель дѣда и оставался невыплоченнымъ. Въ годъ послѣ смерти Петра заболѣлъ и мой дѣдъ, и болѣлъ онъ до великаго поста. Въ пятницу ночью на первой недѣлѣ поста приснилось мнѣ, что къ дѣду пришелъ покойный чумакъ Петро, а дѣдъ и говоритъ ему:

— А що, може прынисъ довжокъ?...

— Въ субботу оддамъ, отвѣчалъ Петро.

— Да развѣ одна въ году суббота? ты скажи, въ какую именно субботу отдашь?... спрашивалъ дѣдъ.

— Отдамъ я свой долгъ въ субботу на первой недѣлѣ поста, пусть только каждый годъ въ эту субботу ставятъ свѣчу передъ иконой св. Якова—твоего патрона, на которой я написалъ тебѣ вексель; да пусть въ этотъ день совершаютъ по мнѣ поминки, пусть читаютъ за мою душу псалтирь и ставятъ поминальный обѣдъ. А долгъ я отдамъ съ процентомъ за все время и самъ уничтожу вексель.

— Да вѣдь ты мертвый, говоритъ ему дѣдъ; какъ же ты отдашь долгъ и уничтожишь вексель?

— Черезъ нѣсколько лѣтъ я укажу твоимъ внукамъ, гдѣ закопаны деньги моего дѣда. Когда они возьмутъ эти деньги, то долгъ будетъ уплоченъ съ процентомъ. Вексель же я уничтожу огнемъ... И такъ, долгъ я отдамъ, а теперь пойдемъ ко мнѣ въ гости.., сказалъ въ заключеніе, чумакъ Петро. При этихъ словахъ я проснулся и кинулся къ больному дѣду, но тотъ уже и Богу душу отдалъ...

Похоронили мы дѣда и стали каждый годъ вотъ въ эту субботу поминать Петра. Это уже двадцатый годъ, какъ мы дѣлаемъ по немъ поминки. И вотъ въ понедѣльникъ на этой недѣлѣ приснилось мнѣ, будто дѣдъ нашъ живъ и лежитъ на полу. Вдругъ въ хату входитъ чумакъ—Петро.

— Здоровъ, Якове...

— Здоровъ Петре... А що?..

— Та пора заплатить довжокъ... Тамъ на Андрійціовимъ кладовиську, пидъ велыкимъ каминнымъ хрестомъ, на сходъ сонця, закопано... нехай выкопаютъ въ субботу до сходъ сонця...

Проснулся я, да и говорю своей Палажкѣ:

— А що стара, не боишься ты въ ночи ити на могилки?..

— Боюсь, каже стара.

— Да не сама, а зо мною вдвохъ...

— Хочъ и вдвохъ, то боюсь... бо то ничь...

— Да не въ ночи, а чуть свитъ, до сходъ сонця, якъ пересыпиваютъ пивни...

— Да чого жъ мы пидемъ?.. спросила меня Палажка.

Я разсказалъ свой сонъ, и Палажка съ нетерпѣніемъ стала ожидать *субботы*, только ее тревожили слова Петра: «вексель я уничтожу огнемъ»...

— Чи не буде, борони Боже, *пожежи?* [1]) говорила она при этомъ.

— Що Богъ дасть, то й буде, успокоивалъ я Палажку, а между тѣмъ самъ страшился пожара.

Когда настала пятница, то мы съ Палажкой цѣлый день молились Богу и держали постъ, чтобы Богъ сохранилъ насъ отъ пожара. Вечеромъ мы приготовили заступы и мѣшки, и на разсвѣтѣ субботы отправились на Андрійцове кладовисько. Большой каменный крестъ былъ давно извѣстенъ намъ, а потому найти его въ темнотѣ ночи намъ не стоило труда. Подойдя ко кресту, мы положили по три поклона и три раза проговорили: за преставльшихъ души: *Отче нашъ, Богородице Дѣво, Помилуй мя Боже* и *Вирую*, помянули раба божого Петра и стали копать у большаго каменнаго креста, на восточной сторонѣ. Не успѣли мы коппуть нѣсколько разовъ, какъ подъ заступами что-то зазвенѣло. Мы немного прорыли и нашли большой казанъ, полнехонькій серебряныхъ рублей. Тогда мы перекрестились, пересыпали деньги въ мѣшки, зарыли пустой котелъ на прежнее мѣсто и помолившись за душу Петра, пошли поспѣшно домой, забравъ конечно мѣшки съ серебромъ и заступа. Придя домой, мы все боялись огня; но вотъ слава Богу, какъ вы сами видѣли, вексель уже уничтоженъ огнемъ. И кто-жъ то все могъ сдѣлать? —то его, того чумака Петра душа съ высшого неба и »гроши« намъ показала и »хрестъ той спалила«, сказалъ въ заключеніе Степанъ, обращаясь ко мнѣ, какъ къ очевидцу уничтоженія дѣдушкинаго векселя...

— Да, это дѣйствительно непонятный, чудесный случай, сказалъ я и попросилъ Степана показать мнѣ тѣ рубли, которые достались ему по дѣдушкиному векселю.

— Извольте, сказалъ Степанъ: если хотите, такъ я вамъ покажу и тотъ ковшикъ, которымъ дѣдъ мой мѣрялъ деньги, когда давалъ ихъ людямъ въ долгъ.

— Пожалуста покажите, это интересно; да вотъ кстати скажите, сполна ли вы по векселю получили долгъ...

— А конечно съ процентомъ, отвѣчалъ Степанъ: какъ сказалъ Петро, такъ и сбылось: перемѣряли мы съ Палажкой тѣ рубли и

[1]) Пожежа—пожаръ.

вышло четыре ковшика съ половиною; значитъ, процента наросло полтора ковшика...

Гости всатли, помолились Богу, поблагодарили хозяевъ и стали расходиться. Когда всѣ уже разошлись, Степанъ съ Палажкою принесли изъ коморы *дижечку*, въ которой хранились рубли, а также дѣдовъ ковшикъ.

Находка Степана оказалась стариною—это были рубли царя Петра Алексѣевича, чекана 1721 года. Одинъ изъ этихъ рублей Степанъ тутъ-же далъ мнѣ за чтеніе псалтири, и этотъ рубль хранится у меня и теперь, какъ память моего дѣтства. Ковшикъ я тоже выпросилъ у Степана себѣ на память, но во время пожара, которымъ истреблена хата моихъ родителей, ковшикъ этотъ сгорѣлъ. Что-же касается иконы св. Іакова, на которой былъ написанъ и на моихъ глазахъ выгорѣлъ дѣдушкинъ вексель, то Степанъ пояснилъ, что онъ пустилъ ее на проточную воду...

Крестьянинъ **Иванъ Савченко.**

РЕБЯЧЕСКАЯ ЗАБАВА ВЪ СЕРЬЕЗНУЮ МИНУТУ.

Самый крупный въ недавней исторіи югозападнаго края фактъ остается въ забвеніи. Мы не имѣемъ исторіи послѣдняго польскаго возстанія, какъ оно разыгралось въ предѣлахъ этого края, не имѣемъ даже отрывочныхъ о немъ свѣдѣній, если не считать недавно печатавшихся въ »Русской Старинѣ« воспоминаній ген. Крепке, чрезвычайно интересныхъ, но во многомъ неточныхъ и далеко неполныхъ. Въ архивахъ лежатъ перушимо богатѣйшіе матеріалы для этой поучительной исторіи, въ обществѣ находится сотни, тысячи свидѣтелей тѣхъ печальныхъ дней и событій, въ народѣ циркулируетъ масса интереснѣйшихъ разсказовъ, какъ онъ самъ то здѣсь, то тамъ расправлялся съ возмутившимися панами и отдавалъ ихъ въ руки начальства. И не находится доселѣ человѣка досужаго и съ талантомъ, который занялся-бы собраніемъ всего письменнаго и устнаго матеріала объ этомъ событіи и повѣдалъ-бы намъ правдивую исторію тѣхъ дней. Будемъ воспроизводить ее хотя по мелочамъ, приводить въ извѣстность хотя то, что у кого въ памяти осталось.

Кто живалъ въ ту пору въ Кіевѣ, Житомірѣ или Каменцѣ, тому памятно, какъ не рѣдко необозначившіяся еще въ своихъ цѣляхъ и пріемахъ іереміады польской справы находили сочувствіе въ средѣ русскихъ, какъ многіе осуждали тогда политику правительства, порицали дѣйствія администраціи, взывали къ толеранціи, справедливости. То, что мы хотимъ сказать теперь, рисуетъ легкомысліе, пустоту, а не серьезный взглядъ, но и оно характерно для того времени.

Извѣстно, что въ началѣ возстанія, въ видахъ удобнѣйшаго надзора за проѣзжими, были заведены на большихъ почтовыхъ дорогахъ шнуровыя книги для записыванія имени, фамиліи и мѣста отправленія проѣзжающаго. Мѣра эта по многимъ причинамъ не приносила желаемой пользы, давая иногда поводъ къ школьничеству, ребячеству, какъ покажетъ случай, о которомъ хочу разсказать.

Пришлось мнѣ въ 1863 году проѣзжать по волынской губерніи. Дѣло было въ ноябрѣ. Почтовые кони еле тащили ноги, утопая въ глинистой вязкой грязи. Смеркалось... Мы съ ямщикомъ рѣшили остановиться въ ближайшей деревнѣ: устали кони, да и мы не прочь были отдохнуть... Подъѣхали къ корчмѣ. Входимъ. Я обращаюсь къ »вартовнику« и прошу дать шнуровую книгу »росписаться«.

Тотъ только усмѣхнулся.

— Становый казавъ: якъ мають не знати що писати, нехай лишше зовсимъ ничого не пишуть.

Я полюбопытствовалъ посмотрѣть на это »не знати що«. Читаю.

— Гарибальди ѣдетъ изъ Кременца въ пространство.

— Кавуръ и Викторъ-Эммануилъ направляются на востокъ.

— Расплюевъ ѣдетъ къ папѣ въ гости. И. т. д., и. т. д., все въ этомъ родѣ.

Я тоже хотѣлъ »росписаться«, но сторожъ не позволилъ. Довольно, значитъ, и этого!

Черезъ ½ часа я поѣхалъ дальше.

Теперь я забылъ уже и названіе деревушки, въ которой это происходило, но самый фактъ остался у меня въ памяти, и одно воспоминаніе объ немъ вызываетъ во мнѣ не то грусть, не то веселую улыбку.

В. О.

ЗАГАДОЧНОЕ ПРЕДАНІЕ.

Года четыре назадъ тому пришлось мнѣ проводить каникулы въ с. Потокахъ подольской губерніи, винницкаго уѣзда, въ восьми верстахъ отъ ст. Жмеринки. Когда я пожилъ тамъ недѣли двѣ и того больше, мнѣ не разъ приходилось слышать, какъ подростки крестьяне и даже взрослые въ ссорѣ обзываютъ своихъ противниковъ »гонтиками«. Меня это названіе заинтересовало, по тождеству своему съ именемъ извѣстнаго сотника уманскаго Гонты. На распросы мои объ этомъ мѣстный священникъ пояснилъ, что въ этомъ селѣ живетъ крестьянинъ Микола Коломіецъ, старикъ лѣтъ 80-ти, котораго считаютъ потомкомъ того самаго Гонты. Я постарался свести знакомство съ старикомъ. Когда въ распросахъ я навелъ рѣчь на такое его родство, старикъ долго отмалчивался и отнѣкивался и только впослѣдствіи призналъ приписываемое ему другими родство, пояснивъ, что не хотѣлъ сказать мнѣ объ этомъ, боясь, чтобы я не сообщилъ начальству.

Въ одно изъ моихъ посѣщеній старикъ Коломіецъ, когда мы стояли съ нимъ на его дворѣ, указалъ мнѣ въ юго-западномъ углу деревни усадьбу на взгорьѣ, при чемъ не то съ горестью, не то похвальбой сказалъ: »ото наше батькивське добро, тамъ и жилъ Ксенофонтъ« (такъ онъ называлъ Гонту). По словамъ Коломійца, Потоки съ окружными селами принадлежали въ то время Потоцкимъ, и хотя у нихъ было много имѣній въ разныхъ другихъ мѣстахъ, но не рѣдко графъ съ женой жили здѣсь, а Гонта былъ атаманомъ козаковъ Потоцкаго. Къ сожалѣнію, старикъ не могъ назвать по именамъ ни графа, ни его жены, а также сообщить объ нихъ какія либо свѣдѣнія. Графъ, говорилъ онъ, часто и надолго отлучался, а графиня держала Гонту при себѣ и жила съ нимъ какъ съ мужемъ. Противъ двора графскаго стоялъ домикъ, тамъ-то и жили дѣти Потоцкой отъ Гонты; одинъ изъ сыновей звался Адамомъ; силенъ онъ былъ, какъ и батько его, но глупъ, не въ отца пошелъ. На мѣстѣ этого дома и теперь усадьба Адамчуковъ.— Графъ, разсказывалъ еще старикъ, боялся Гонты. Правда и графиня не всегда ладила съ нимъ. Разсердился разъ Гонта, хватилъ кулакомъ любимую лошадь графини,—на повалъ убилъ, а самъ ушелъ. Собрали людей ловить Гонту. Окружили его подъ корчмой,

а онъ стоитъ съ лавой въ рукахъ и говоритъ: »берите«. Взять не взяли, упросили вернуться во дворъ.

Какъ поднялись гайдамаки на ляховъ и пошли на Умань, страшно стало за дѣтей Потоцкому,—они въ Умани тогда учились. Позвалъ Потоцкій Гонту и говоритъ: »пять селъ даю тебѣ, Гонто, достань дѣтей«. Гонта обѣщалъ. А на Литинскомъ яру Желѣзнякъ таборомъ стоялъ и къ Гонтѣ гонца прислалъ, чтобъ былъ съ нимъ за одно. То мѣсто Литинскимъ яромъ уже потомъ прозвано, по имени пана; находятъ и теперь тамъ оружіе въ землѣ; Литинскій яръ лежитъ между Потокомъ и м. Ворошиловкой, въ сторонѣ отъ дороги. Вотъ пришелъ туда Гонта съ своими козаками. »Биться, или брататься намъ?—спросилъ онъ Желѣзняка. Желѣзнякъ отозвалъ его въ сторону и показалъ царицыну грамоту съ золотой печатью. Посмотрѣлъ Гонта, да и повернулъ съ своими козаками, разомъ съ гайдамаками, на Умань. Тамъ уже, какъ расправлялись съ гайдамаками, то и Гонту въ тюрьму посадили до конца жизни, хоть и ссылался онъ на царицыну грамоту.

Свои темные разсказы Коломіецъ закончилъ такъ: если, случалось, что нибудь не хорошее сдѣлаю, то батько всегда было говоритъ мнѣ: »вотъ и выйдешь такимъ гайдамакою, какъ Ксенофонтъ«.

Трудно разобраться въ этомъ темномъ преданіи и съ достаточною вѣроятностію пріурочить его къ опредѣленному историческому лицу и времени. То, что есть существеннаго и наиболѣе опредѣленнаго въ немъ, не согласуется въ примѣненіи къ уманскому сотнику и народному возстанію 1768 г., извѣстному подъ именемъ Гайдамачины или Коливщины, съ точными историческими о нихъ свѣдѣніями. Атаманъ надворныхъ козаковъ Салезія Потоцкаго, Гонта, носилъ имя Ивана, а не Ксенофонта, родился не въ Подоліи, а близъ Умани, въ с. Росошкахъ, которое потомъ получилъ въ даръ отъ своего патрона. Въ подольскихъ и червоно-русскихъ владѣніяхъ Потоцкаго Гонта, конечно, бывалъ съ своими козаками при дворѣ Потоцкаго, но самъ Потоцкій имѣлъ свою резиденцію въ Кринтополѣ, въ нынѣшней Галиціи, а не въ Потокахъ. Далѣе еще большая несообразность. Соединеніе Гонты съ Желѣзнякомъ подъ Уманью, близъ с. Соколовки, удостовѣрено несомнѣнными свидѣтельствами современниковъ очевидцевъ, а между тѣмъ преданіе устами Коломійца отводитъ для этого мѣсто въ Литинскомъ яру, между с. Потоками и

м. Ворошиловкою. Самый фактъ связи жены Потоцкаго съ Гонтою могъ-бы многое объяснить намъ въ положеніи Гонты, который, не смотря на свое простое происхожденіе, занималъ высокое положеніе среди окружавшей Потоцкаго родовитой шляхты, внушалъ ей уваженіе и страхъ и пользовался непоколебимымъ довѣріемъ своего патрона, щедро награждаемый и ласкаемый отъ него. Но чѣмъ и какъ можетъ быть удостовѣренъ этотъ фактъ относительно уманскаго Гонты? Подобные факты не только возможны, но и на самомъ дѣлѣ въ то время случались; но для пріуроченія указаннаго факта къ сотнику Гонтѣ мы не имѣемъ ничего, кромѣ преданія, спутаннаго въ другихъ частяхъ. Не самъ Микола Коломіецъ, а его отецъ могъ быть современникомъ Гонты; но дѣйствительно ли онъ былъ его родственникомъ, это остается вопросомъ. Почему же держится и на чемъ основано преданіе о родствѣ Миколы Коломійца съ Гонтою? Почему въ народѣ бранятся тамъ именемъ Гонты? Почему не сохранилось здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ, преданіе о страшной казни Гонты, совершенной, какъ извѣстно въ Подоліи? Не былъ-ли въ Потокахъ, во время Коліивщины, другой предводитель гайдамакъ также съ фамиліею Гонты?

Желательно, чтобы кто нибудь на мѣстѣ вновь провѣрилъ записанное нами преданіе и по возможности разрѣшилъ поставленные вопросы. Въ основѣ народныхъ преданій лежатъ всегда реальные факты, но здѣсь они совершенно спутаны относительно мѣста и времени, а можетъ быть и самихъ лицъ.

Е. Маковскій.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ УСТЪ.

(Одна пѣсня и два разсказа).

Минувшимъ лѣтомъ пришлось мнѣ быть въ черниговщинѣ и полтавщинѣ и слышать много пѣсень и разсказовъ, которыхъ всю прелесть чувствуешь тогда, когда выливаются они живымъ голосомъ, живою рѣчью въ жизненной обстановкѣ, какъ непосредственная принадлежность и проявленіе жизни.

Въ с. Жеведи (остерскаго уѣзда, черниговской губерніи) записаны мною 2 разсказа, а въ селѣ Прохоровкѣ (полтавской гу-

берніи, золотоношскаго уѣзда) пѣсня. Дѣлюсь ими съ читателями »Кіевской Старины«.

Пѣсня высоко художественна какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Подобной по содержанію пѣсни я еще до сихъ поръ въ печати не встрѣчалъ, несмотря на то, что имѣлъ подъ руками и перечиталъ большую часть нашихъ сборниковъ народныхъ пѣсень.

Въ этой пѣснѣ изображается судьба несчастной молодой женщины—Насти. Въ семьѣ мужа ее встрѣтила »лыхая свекруха«, которая постоянно грызетъ ее. Разъ, послѣ особенно-навязчиваго, злостнаго приставанья свекрухи, въ самомъ мрачномъ настроеніи духа, отправилась Настя »зъ малою дитиною« въ поле жито жать. Горькое, щемящее чувство незаслуженной обиды, сознаніе невозможности поправить свою безповоротно испорченную жизнь, чувство физическаго и нравственнаго утомленія, все это вмѣстѣ подавляетъ въ ней материнскія чувства и она, вспомнивъ про ожидающія ее дома семейныя обязанности, вечеромъ уходитъ домой, забывъ въ полѣ ребенка.

Погруженная въ свои безутѣшныя мысли, безсознательно, чисто механически отправляетъ она эти обязанности—и такъ и не вспомнила сама о томъ, что оставила дитя въ полѣ. Напоминаетъ ей объ этомъ мужъ, и она въ смертельномъ страхѣ, съ потрясеннымъ чувствомъ материнской любви бѣжитъ въ поле, въ полѣ видитъ орла, и спрашиваетъ его объ участи дитяти.

Въ прекрасномъ поэтическомъ образѣ передастъ пѣсня роковой отвѣтъ орла, которымъ замѣняется личное удостовѣреніе Насти. Настя въ отчаяніи устремляется домой и подъ тяжестію неодолимаго горя кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Вся эта картина страданій и гибели отъ злой »свекрухи« нарисована прекрасною художественною кистью, проникнута глубокимъ, сильнымъ чувствомъ. Типъ Насти начерченъ съ необыкновенною силою немногими яркими, смѣлыми штрихами. Это, по моему мнѣнію, одна изъ лучшихъ народныхъ пѣсенъ.

Что до записанныхъ мною 2-хъ разсказовъ, то первый изъ нихъ, по основному своему сюжету, не новъ, но онъ интересенъ по формѣ, въ которую вылился избитый сюжетъ, по примѣненію къ типическимъ лицамъ народной поэзіи, по народному чувству, сквo-

зящему вездѣ въ этомъ разсказѣ, по своей анти-жидовской подкладкѣ. Въ такомъ видѣ я его встрѣчаю въ первый разъ.

Почти тоже можно сказать и о второмъ разсказѣ. Въ немъ особенно интересенъ взглядъ народа на солдата-вора и его къ нему отношеніе. Народу, видимо, симпатиченъ этотъ преступный солдатъ за проблескъ въ немъ человѣчности, за сочувствіе его невинно страдающему человѣку, за ловкость, за то, что онъ перехитрилъ *жида*,—за все это народъ какъ-бы прощаетъ ему его проступокъ и смотритъ на темную сторону его дѣянія сквозь пальцы.

Пѣсня про Настю.

Уродилась Настя
Безъ доли, безъ щастя.
Да случилась Насти
Свекруха лыхая.
Посылае Настю
У поле жито жати:
—»Иди, иди, Насте.
Да й не озирайся.
Ой жни, Насте, жито
Да й не розгинайся«.
Розигнулась Настя,
Уже й сонце низенько.
Да й погибла Настя
Изъ поля до дому,
Да й убигла Настя
У нову свитлицю,
Да ухопила Настя
Дубову дойницю,
Подоила Настя
Сивіи коровы:
Ой питае милый:
»Де Насте, дитина?«
—»Ой, Боже мій милый,
Забула на ныви!«
Да й побигла Настя
Изъ дому на поле,
Да й зустрила Настя

Сизокрыла орла.
—» Ой ты, сизый орле,
Не бачивъ дитины?«
—» Ой у поли, въ поли
Стоить три тополи:
Ще перва тополя
Ямочку копае,
А другая тополя
Дитину ховае,
А третя тополя
Книжечку читае«.
Да й побигла Настя
Изъ поля до дому,
Да й убигла Настя
У нову комору,
Да ухопила Настя
Да свой [1]) полотенця [2]).
Не попала Настя
Ножемъ по полотенцю.
Да й попала Настя
По щирому сердцю.

(С. Жеведь, остерскаго уѣзда, черниговской губерніи).

Разсказы.

I.

Нанявъ жидъ чоловика їхати у городъ. И везе винъ ёго зъ села на гору—оттакъ, якъ у насъ отто гора. Ажидъ—ніякъ на гору не встане; лигъ, вывернувся та й спить. А бидный чоловикъ бичувався, бичувався! Не вытягне ніякъ коняка нещасна, а жидъ лежить, вывернувся, не поворушиться, дума: якъ напявсь, то й вези. А винъ у жида просить: »встань, будь-ласка, бо коняка не вытягне. Я тоби верну гроши, тильки встань«. Той таки не слухае. Ажъ питъ на лоби выступивъ,—все лежить. Коняка не везе ніякъ, а чоловикъ сидить та й плаче. Другій тутъ ишовъ зъ горы: такій-же соби чоловикъ. Дивиться, що бидный чоловикъ мучить коняку, жидъ не встае,—якъ узявъ винъ дрючокъ та до того кучира: »а,

[1]) Свой—сувой, большой свертокъ.

[2]) Уменьш. отъ слова полотно.

сякій-такій! ты колись мого жида бивъ, якъ я їхавъ: ось я и твого буду бить, аже-жъ ты мого бивъ‹. Той жидъ якъ схопитьця, якъ ударъ ёго винъ тою ломакою по плечахъ,—якъ побижить! Тоди коняка й вытягла, бо жидъ вставъ. А цей чоловикъ тоди: »спасыби тоби, брате, що ты мого жида прогнавъ, а то й доси-бъ ще пропадавъ на тимъ мисци. Спасиби тоби!«

II.

Жидъ на ярмарку минявъ гроши на столи. А салдатъ смотритъ, що вони у ёго лежать, тай думае, якъ бы ихъ соби узять. Жидъ заворотився, задивився, а салдатъ за ти гроши, що були на столику, та за ошлагъ.

Чоловикъ простый приходить: »розминяй мени, яврею, пьять рублывъ грошей‹. Жидъ кинувся: »Герште! де мои гроши?‹ Та на того чоловика: »ты взявъ! Цуесъ ты, верни мои гроши, мужицьке голове, швиняче рыло! Ты взявъ мои гроши‹. Жидъ бере того чоловика за лобъ и увесь ярмарокъ жидивъ збигся на цюю кумедію дивитьця. Бьють ёго, вяжуть ёго, нехтують ёго. Той чоловикъ божитьця, кленетьця: »не бравъ я твонхъ грошей, далеби не бравъ!« Жиды, знаете, не вдаряютьця на прозьбу цюю, кричать: »ты взявъ, сто цортивъ въ твою голову!« А салдатъ той стоить, бачить биду того чоловика, бачить: бьють ёго, нехтують. Ёму, звисно, зробилось жалко. Винъ пидходить и каже: »за што, каже, ты этого бѣдного мужика бьешь?‹—»Какъ зе ёго не бить, коли воно оттутъ, при моихъ очахъ, на столику десять ци сто карбованцивъ узяло‹.—И врешь ты, пархъ проклятой! Вѣдь ты напрасно мужика бьешь. Вѣдь твоихъ денегъ онъ не бралъ, а я ихъ взялъ‹. »Герста! какъ вы узяли мои гроси?«—»Какъ я взялъ твои деньги? Вотъ какъ: припелъ я къ твоему столику, смотрю, на столикѣ лежатъ. Гляжу, ты не смотришь. Я вотъ такъ шинелью подобралъ, отошелъ отъ столика, да все дальше, дальше‹... Да якъ влупить зъ грошима по ярмарку! Жиды гвалтъ: »ловить! ловить!« А винъ по переду бижить и самъ кричить: »лови, лови!« Такъ и пропали жидови гроши.

А мужика салдатъ вызволивъ, щобъ ёго дарма не били.

(С. Прохоровка, золотоношскаго уѣзда, полтавской губерніи).

Сообщ. **Д. Т.**

отъ пана дядка и отца брата [167]). Священнику за молитву съ паламаремъ 12 к.

24. За 18 аршинъ крашенины 54 к. Теслѣ Палашу 5 к. Сего числа взялъ еще у Ноздри чаусовского 5 р. пиликовыхъ денегъ; сего числа роцоть и расплатка здѣлана съ Федоромъ Яченкомъ.

25. Чрезъ слѣдуючіе святочные дни розышлось на всякіе домовые и другіе росходы 5 р. 58 к.

29. Былъ въ Тошалѣ у графа [168]) и купилъ для енерала де-Вейзбаха 4 концы, а для себе 1—полотна парусного за 30 р., а денги еще не плачены.

Былъ въ Нижніомъ, а 31 прибылъ въ Стародубъ.

Приписка на особомъ листикѣ:

Клича рижая приводу съ Погару воровъ—имешемъ одинъ Яковъ Грищенко, житель полку миргородского, села Бакумовки, другій воръ тогожъ товарищъ—Ленко Карповъ сынъ Харконенка, житель сотнѣ тошальской, села Могилевца, да въ перетопского жителя Зенка Триносенка тогожъ приводу имѣется клича рижая, а приводъ тихъ лошадей августа 21 дня сего 1731 году; о вороненкомъ коникѣ, якого онъ приводу, исправится не почему.

1731 году Сентев. 9. Зде выраженныя клячи рижіи и коникъ вороный приняты въ дворъ нашомъ въ Стародубѣ.

1732 годъ. Мѣсяцъ Генваръ.

1. По обѣднѣ поздоровляли полковника новымъ годомъ.

2. Обявленъ писаремъ суду полкового панъ Стефанъ Косачъ.

3. Избирали кандидатовъ на асаульство полковое и на хорунжество значковое. Сегожъ числа одправленъ Антонъ Донъ въ Полтаву съ писмами до его сіятельства, господина генерала и кавалера, графа фонъ-Вейзбаха и съ 4-мя концами парусного полотна, которому и подорожная енералская дана на подводы. Дня сегожъ въ вечерѣ, прибылъ зъ Глухова панъ прапорщикъ зъ печатными указами его императорскаго величества о наслѣдствіи и зъ формами

---

[167]) Подъ именемъ отца-брата разумѣется родной братъ по отцу автора Дневника—Иванъ Даниловичъ, бывшій священникомъ. См. Опис. Черниг. Епархіи, V, 192.

[168]) Разумѣется.

присягъ, такожъ и съ универсаломъ рейментарскимъ о виконанію той присяги [113]).

4. По службѣ Божой въ церквѣ соборной присягу чинили полковникъ, старшина полковая и прочіе чины духовные и мирскіе.

5. Розышлось на розницю 45 к., куплено дерева на 8 к.

6. По службахъ была процессія на рѣку и по одправленномъ водосвятіи, палено съ 7 пушекъ, также и три сотнѣ: полковая, новомѣстская и топальская бѣглымъ огнемъ, которіи сегожъ числа присягали въ соборной церквѣ. Въ вечерѣ посѣщала полковница съ дочерми пана тестя и паню тещу въ домѣ ихъ.

7. Заплатилъ за медъ въ домъ братскій петропавловскій 70 к. Прислала полковниковна Параскевія Александровна 16 золотниковъ срѣбра и полтину денегъ на зроблене табакерки. Сговорилъ сѣцаря для робленя шафы за 2 р.

8. Тожъ сѣцарю въ задатокъ данъ 1 р. Сего числа господа графи Гаврило и Мойсей Владиславичи [114]) и Іванъ Івановичъ кушали у пана тестя, и мене въ домѣ моемъ посѣщали.

9. За водку заплачено 25 к., на мясо дано 7 к. Черницямъ заграничнимъ дано 20 к.

10. Віехалъ съ Стародуба въ Глуховъ, забѣравши дорогу, и прибылъ на ночъ въ Борщевъ [115]). Бабѣ, которая приходила одъ пана Максимовича съ роднимъ хлѣбомъ о родившоіся дочерѣ его Татіанѣ (якая родилась съ 7 противъ 8 числа), дапы 10 к.

11. Прибылъ въ Перегонъ.

12. Пріехалъ туда рано и обѣдалъ бывшій управитель почеповскій Гаврило Никифоровичъ Лукинъ, также п. п. Галецкій сотникъ полковый и меншой Леонтій. У шинкаря чаусовского Ноздри взяты 2 р. По обѣдѣ віехалъ съ Перегону и прибылъ на ночъ въ Витемле, где подданые пана сотника полкового дарили насъ рыбою и вошами. Писанъ съ Перегону писма до пана тестя и до жены, да до пана сотника варвинского съ отправленемъ кобылицъ и лошатъ, всехъ 20 штукъ, а съ тимъ велено одправить Грицка съ козакомъ и дать имъ на покупку сѣна 1 р., да овса чвертку для лошатъ.

[113]) О принесеніи присяги.

[114]) Разумѣеніе.

[115]) С. Борщевъ стародубск. уѣзда, принадлежалъ Галаганамъ, родным братьямъ, по отцу, жены автора Дневника.

Зъ Витемля писалъ къ Стефану и къ Івану Кощцѣ. Ночью въ Витемлѣ получено писмо одъ полковника, на которое

13. Писанъ отвѣтъ, такожъ и до хоружого Данченка зъ Мехедовки подъ датою зъ Шатрищъ. Зъ Мехедовки по обѣдѣ прибылъ въ Шатрища на ночь.

14. Зъ Шатрищъ пріехалъ въ Глуховъ по полдни въ 3-мъ часу, и сегодня нигде не были. Розышлось на розницю 17 к.

15. Рано кланялись ясневелможному и обѣдали у столу гетманского. Положены въ карбоцу 60 к. Дано срѣбра 16 золоти. Петру Василіеву чеканщику для зробленя табакерки для полковниковой.

16. Обѣдали у отца Мойсея, капеляна войскового [112], которому родилась дочь Татіана, якой воспріемниками были панъ Андрей Марковичъ, подскарбій енеральный, и ясневелможная панѣ гетманова. Рано кланялся полковнику господину Тургеневу и асауловѣ енер. пану Мануйловичу, въ вечерѣ—панамъ хоружому и бунчужному енералнымъ. Я зъ рана кланялся полковнику и глуховскому коммендаиту Семену Тимофеевичу Кишкину да подполковнику Никифору Івановичу Лвову, зъ хлѣбомъ и зъ звериною.

17. Пѣвчимъ гетманскимъ дано 50 к. Жолдакамъ 20 к. [113]. Слугамъ гетманскимъ 1 р. Обѣдалъ я у полковника и комендапта господина Кишкина.

18. Одклапявшись ясневелможному, паничи отехали зъ Глухова до Стародуба, чрезъ которыхъ писалемъ до полковника, до пана тестя и до жены. Розышлось на розницю 26 к.

19. Писано писмо до сотника новомлинского пана Івана Шишкевича о долгу на Алексію Михайловскомъ, которого и облѣгъ своеручный вручилемъ пану Федору Чуйкевичу [114] и писмо до тогожъ

[112]) О. Мойсей Богаевскій былъ войсковымъ капеланомъ около 20-ти лѣтъ (1720—1740); отъ него пошли теперешніе дворяне Богаевскіе. См. Зап. Черн. Стат. Ком., кн. 2-я, 70—72.

[113]) Жолдаками назывались особая гетманская стража. Для поселенія сей стражи былъ отведенъ значительный земельный участокъ, изъ котораго и возникло теперешнее с. Жолдаки, конотопскаго уѣзда.

[114]) Федоръ Чуйкевичъ, бунчук. тов., сынъ Александра Чуйкевича, бывшаго полтавск. полковымъ писаремъ при Самойловичѣ. Женившись на дочери кролевецкаго протопопа Демьяна Маковскаго, Федоръ Чуйкевичъ получилъ въ приданое слободу Грузскую подъ Кролевцомъ, которую впослѣдствіи передалъ также въ видѣ приданаго, бунч. тов. Андрею Войцеховичу, женившемуся на его дочери Аннѣ.

сотника пана хорунжого енеральнаго Горленка, писанное въ томже дѣлѣ. Взято у Мандзенка глуховского крепи чорной $3^{1}/_{4}$ локтя, да пузименту 5 золотниковъ, за що доводится ему 2 р. 30 к., да давныхъ 10 р. Дано на росходъ 30 к. Сей день праздновали въ Глуховѣ зъ пушечною стрѣлбою.

20. Писано писмо до пана Федора Чуйкевича, чтобъ, если доправить деньги въ Новыхъ Млинахъ, заплатилъ з оныхъ Мандзенку 12 р. 30 к., Левченку 2 р. за потребы, до кунтуша взятіе, и себе-жъ ренту отобралъ, а остатокъ ко мнѣ прислалъ; на школы кіевскіе данъ двойный черьоній. Прибылъ Игнатъ Данченко въ Глуховъ. Заплатилъ за давніе стіонжки 10 к.

21. Дано на росходъ 30 к. Писано писмо къ Москву до пана Андрея Горленка, просячи о корреспонденціи и извѣстіе сторони даннаго ему моего меморіалу. Писано писмо до пана Федора Ширая [115]) о одобраню клевѣкорда у пана Івана Кулябки, и до пана Кулябки о видачи оного клевѣкорда. Да писалъ панъ Іскрицкій и карту мнѣ объ ономъ вручилъ. За $^{1}/_{4}$ бѣлокосу дано $41^{1}/_{2}$ к.

22. Пріехалъ полковникъ въ Глуховъ. Розышлось на розницю копѣекъ 9.

23. Онъ-же полковникъ былъ у ясневелможного и обѣдалъ зъ полчанами. Далъ на росходъ 30 к., цилюрнику 4 к.

24, 25, 26, 27. Розышлось на сѣно, овесъ и проч. 2 р.

28. Праздновано рожденіе ея імператорскаго величества зъ пушечною стрѣлбою, и сего-жъ числа прибылъ въ Глуховъ панъ Холодовичъ, сотникъ воронѣжекій и Янушкевичъ, писарь черніговскій и Давидовичъ, тоарищъ значковый, одпущенные зъ Москви. Чрезъ пана Холодовича прислана грамота о пожалованю пана Івана Борозны судею енеральнымъ, а пана Турковского—писаремъ енер. полнымъ, да о пожалованномъ ему Холодовичу селѣ Пироговцѣ [116]).

---

[115]) Федоръ Ширай былъ женатъ на дочери Петра Кулябки, а слѣдоват. на внучкѣ гетм. Апостола (Петръ Кулябка женатъ былъ на Аннѣ Данил. Апостолъ). Иванъ Кулябка, у котораго нужно было взять «клевѣкорды», былъ братъ жены Федора Ширая. Впослѣдствіи онъ былъ полковникомъ лубенскимъ. См. примѣч. 67.

[116]) С. Пироговка глуховскаго уѣзда, недалеко отъ м. Воронежа, гдѣ Холодовичъ былъ сотникомъ.

Попу вѣкарію пиколскому отцу Тимофію данъ 1 р.

29. Розышлось на сѣно и проч. 22 к.

30. Его превосходительство, господинъ генералъ и ордена Александра Невского кавалеръ, Семенъ Григоріевичъ Нарышкинъ прибылъ въ Глуховъ по полудни, которого визитовалъ и ясневелможный на его квартерѣ. Розышлось на сѣно 21 к.

31. Писалъ письмо до жены чрезъ Григорія Данченка. Господинъ генералъ Нарышкинъ былъ у ясневелможного въ домѣ и вручилъ его ясневелможности грамоту о опредѣленіи маетности старшинѣ сенаторской и прочимъ. На сѣно, овесъ и проч. розышлось 40 к. Одклонился ясневелможному въ вечерѣ.

Февраль.

1. Розышлось на сѣно и проч. 30 к. Господару дано 20 к., віехалъ я зъ Глухова и прибылъ на ночъ въ Шатрищи.

2. Прибылъ на службу [137]) въ Камень надъ Десною и тутъ отобѣдавши, прибылъ въ Чаусы и въ Перегонъ, а зъ Перегону прибылъ ночю въ Стародубъ. За рибу въ Каменѣ 6 к.

3. Праздновали тезоименитство ея і. величества и молебствовствовали зъ пушечною стрѣлбою, послѣ и при обѣдѣ у полковницы гуляли зъ стрѣлбою-жъ, а надъ вечери были у мене въ домѣ полковница и другіе, и гуляли.

4. Весь день пролежалъ послѣ вчерашнего гуляня.

5. Былъ у полковницы и прощался за позавчорашнюю при гульнѣ досаду. Одправлена баба въ Погаръ, которой дано сукна на кунтушъ темнозеленого за 2 р. 63 к.

6. Розышлось на мясо и проч. 20 к.

7. За меду 4 гарци 20 к., за возъ лучины 17 к., на прочее 8 к. Прибылъ въ вечерѣ зъ Глухова полковникъ.

8. Дано Василю 10 к., Алексію 4 к., на мясо 10 к., за мелъ 8 к., за желѣзо 12 к.

9. Писаны писма въ Глуховъ до его м. пана Скоропадского зъ посилкою кадриліи, до пана Юркевича и до пана Федора Чуйкевича о арестѣ на футоръ Михайловского, виданномъ зъ новомлинского уряду.

---

[137]) На обѣдню.

10. Дано лицицкимъ людямъ, которіи на драньподрядились, вмѣсто полчвертки муки 20 к., а полчвертки еще имъ надлежитъ.

11. Сѣцару, который дѣлаетъ шафу, дано 30 к.: на розницю розышлось 14 к. Гришки Соколова умершого тѣло повѣшено за ребро на ⁀.

12. За мясо заплачено и на проч. розышлось 22 к., дано Василю 20 к.

13. Граффа [118]) съ полковниковою де-Фробісовою обѣдали у полковника и гуляли, а послѣ у насъ вечеряли и ночевали. Розышлось на медъ, мясо и проч. 36 к.

14 к. Послалъ чрезъ Бардовского до графа 30 р., да 5 кусковъ полотна парусного. Писала панѣ матки и я до пана Івана Гамалія въ Москву чрезъ денщика графского, который посланъ доганять графа Моисея Ивановича. Пошло на розницю 7 к. Пытанъ Соколовъ съ товарищи жестоко.

15. Посланъ сторожъ въ Андрѣйковичи по сѣно для свезеня онаго въ Стародубъ; пошло на харчъ 10 к., за медъ заплачено 19 к.

16. Дано Брезкуну за мясо, передъ симъ набранное, 20 к. Писалъ писмо къ діакону Протерію въ Лицичи, чтобъ позволено выпустить брусовъ сосновыхъ 200, да дубовыхъ 20, для которыхъ выпуску и людей велено одправить съ Пятовска и другихъ деревень свободныхъ войсковыхъ. Розышлось на розницю 20 к.

17. Василю дано 10 к., за медъ заплачено 15 к.

18. Сѣцару отданы остальныя деньги 70 к., да за дошки 15 к. Сей день пробивали у графа въ Тонатѣ, одколь коло вечерень уже прибыли въ Стародубъ.

19. На рибу и проч. пошло 16 к.

20. Въ вечерѣ были многіе гостѣ, которіе послѣ поехали до пана Івана Миклашевского.

21. За бочку соли цурки, да за пудъ бѣлой соли-жъ 4 р. дано.

22. За лѣйци (возжи) ременные пароконные 50 к. Посланы писма въ Глуховъ до его м. пана Скоропадского съ термѣнами указовъ о калкуляціи денегъ.

23. Василю слузѣ дано 15 к., за ситце грибовъ 15 к., на розницю 10 к., за осмачку овса Гриневичу 30 к.

---

[118]) Анна Рагузинская, дочь булч. товар. Ивана Бороздны. Второй мужъ ея—Ив. Андр. Гамалѣя.

24. Покроено Алексію и Василю двѣ епанчи нѣмецкихъ зъ парусного полотна 18 аршинъ, дано на нитки 4 к., за падло конское для собакъ дано 6 к., на розницю 3 к. Договорилъся зъ маляремъ обмаліовать шафу за 1 р. 40 к.

25. Дано за чоботы Івану, що з Вори (хуторъ), 25 к., хлопцю Степану 10 к. Зѣнцю хлопцю покроено вчера камзолъ и епанчу; пошло на тое парусного полотна 8½ аршина; за 10 дощокъ липовыхъ 17 к.

26. Розышлось на розницю 72 к.

27. Заплатилъ Мандзенку и Левченку глуховскимъ 14 р. 30 к., за медъ и проч. 12 к., за сѣчку 9 к.

28. Лищицкимъ людямъ остатокъ за полчвертки жита заплачено 20 к. Маляру умовленному шафу маліовать дано 60 к. ad interim. Послано чрезъ Стефанового отца до сестеръ 2 р., да Дмитру коня вороностроkатого.

29. За козла жовтого 40 к., на рибу 64 к., на медъ 22 к. Графъ Гаврило Владиславичъ зъ женою и полковниця де-Фронбісова зъ дочерю обѣдали у насъ. Взяли у грека 2 фляши леgонского, 2 простого полинкового. Далъ кунтушъ свой откроенный Стефану.

Мартъ.

1. За двѣ хустки блакитные 30 к., за полнята локтя камліоту 1 р. 30 к., у Пуховича взялъ локоть ленти за 50 к., которую подарилъ дочерѣ пана Николая Борозны, которого жена у насъ обѣдала.

2. Покреяны дитинѣ суконки, до которихъ на шовкъ 12 к., на шнурокъ 5 к. Посланъ козакъ новомѣстской сотнѣ въ Полтаву, чрезъ которого писалъ до енерала де-Везбаха, до ксенза капеляна его, езунги, и до пана Тимоновича. За розные баgателѣ (мелочь) кухенные 4 р. 2 к.

3. Греку Зефіру заплатилъ за вино бранное передъ симъ, и именно за 8 фляшокъ леgонского и за чотири червоного полункового 4 р. 20 к. Фарбелницѣ [119]), которой дано луданъ фарбоватися, дано 20 к., за 8 тертицъ сосновыхъ 4 к., за хрѣнъ 5 к., за два каменѣ [120]) и девять фунтовъ желѣза 1 р. 29 к., за полотна простого 26 локоть 36 к.

---

[119]) Красильщицѣ.

[120]) Камень - 50 фунтовъ.

4. Подрядилъся гончарскій атаманъ Авраамъ Жуковъ пѣчъ дѣлать и поставить въ хатѣ столовой, а въ спняхъ коменъ, пѣчъ-же покощованную, а коменъ зъ сеней мурованый и за то все ему дать ровно 4 р., а сего числа онъ-же взялъ уже въ задатокъ 2 р. битые. Маляру, который отдѣлалъ шафу совсѣмъ уже, дано доплатки 80 к., Евтушку кравцю на шовкъ 4 к., за щуки и окунѣ рибу 22 к.

5. За разный наборъ у Лаврѣна дано ему 98 к., розышлось на розницю 37 к.

6. Розышлось на розницю 65 к.

7. Одправлено писмо до его м. пана Скоропадского о небезпечной ради распутици дороги, требуя повторного указу, и послано въ Новгородокъ; розышлось на розницю 15 к.

8. Купилъ дворъ у Музики зъ хоромнымъ строеніемъ, въ тилу моего двора будучій, за 40 р. и въ задатокъ данъ 1 р., стелмаху 3 к., шевцю на задатокъ чоботъ нѣмецкихъ чорныхъ 20 к., інтроліоgатору (переплетчику) 10 к., на нитки кравцямъ 6 к., на розницю 14 к.

9. Расплатка учинена зъ Янченкомъ и другими за сукно, рисѣ, шнурокъ, таоу, тако-жъ Леонисѣ, Шадрѣ, всего дано 11 р. 38 к. За медъ 8 к., на нитки 5 к., за сокиру 8 к., фарбилницѣ 20 к., шевцю 18 к., слесарамъ 4 к., ковалямъ на крушъ 10 к., за шнурокъ и нитки Іванцю до кунтуша 16 к., кравцю Карноуху 38 к. Заплатилъ за Пузира пану Скоруппѣ 20 р.

10. Шевцю за направу чоботъ 2-хъ паръ 18 к., кравцямъ за роботу 70 к., на нитки, гаплики и шнурокъ 7 к., Макрипѣ на сернанокъ 20 к., мамцѣ Петрусевой сего числа дано 30 к., а прежде дано-жъ 20 к., въ заплату умовленныхъ. Одправилъ Івана Кошку, давши ему кунтушъ гранатовый и коня ему-жъ уступилъ подарованного матцѣ.

11. Віехалъ зъ Стародуба, и при отездѣ вручены на росходъ 5 р. денегъ. Занялъ у Конончука 5 осмачокъ жита стародуб. мѣри и облѣgъ ему далъ.

12. Прислала мнѣ панѣ подушечку, вина и проч., а я ей послалъ подушечку-жъ, кошеліокъ, aureum и дѣтямъ стіонжечки. Василю дана полтина на росплатку его за гоине (лѣченіе). Заплачено за медъ и рибу, зъ Погари привезенные, 18 к.

13. Віехалъ съ Перегону, обѣдалъ въ Гремячомъ, ночовалъ въ Пушкарахъ [121]. Розшилось 8 к.

14. Прибылъ на обѣдъ до Смячи и тутъ у пана сотника шептаковского обѣдалъ. Отгель ехалъ на Шептаки и прибылъ на ночъ самъ въ Новгородокъ, а возки ночовали у млина пролевецкого.

15. Отдалъ войту новгородскому коня бѣлого и тутъ въ Новгородку сей день пробавилъ.

16. За рибу дано 35 к., ремесникамъ 6 к., Козлу на дорогу 6 к., на перевозъ 2 к. Віехалъ съ Новгородка, на ночъ позно прибыли въ Локотки.

17. Попасовали въ Собичевѣ, на ночъ прибыли въ Глуховъ. Сего числа неневелможная віехала съ Глухова до Сорочинецъ [122].

18. Весь день пробивалъ въ дворѣ гетманскомъ. Получилъ писма вечеромъ отъ сотника погарского о затѣйкахъ старости сведоколского.

19. Былъ у его м. пана писаря и обозного енеральныхъ. Цирулику за голеня 4 коп.

20. За дрова 14 к., на медъ 4 к., за оглоблѣ 2 к.

21. Розшилось на розницю 75 к.

22. Віехалъ съ Глухова по полднѣ въ 6-мъ часу, ночовалъ въ Слоутѣ [123].

23. Прибылъ въ Новгородокъ ночю. Розшилось позавчора 30 к.

24. Въ Новгородку за овесъ 17 к., за рибу 26 к.

25. Слушалъ службы Божои въ монастырѣ новгородскомъ, и обѣдалъ тамъ-же; позно віехавъ, прибылъ на ночъ въ Смичъ. Вчора посланно удостоеніе для попису до асаула енер. пана Лисенка, чрезъ значкового козака новгородского Лукяна Василіева.

26. Прибылъ въ Перегонъ и ночовалъ.

27. Прибылъ ночю въ Стародубъ.

28. За пообмаліоване колѣсъ до карети и поправку карети 60 к.

29. Розшилось на розницю 8 коп.

---

[121]) Село новгородсѣверскаго уѣзда.

[122]) Село миргородскаго уѣзда, гдѣ была Апостоловская усадьба.

[123]) Село въ 12-ти верстахъ отъ Глухова.

30. Прислалъ Колчевскій 4 щуки рыбы. Писалъ писмо до пана Андрея Миклашевского въ дѣлѣ пана Скоропадского о млинѣ и проч., что въ продажу. Послано писмо и до пана Борковского.

31. Данъ конь гнѣдій кулябковскій Качановскому. Взято у Герасима Солодовника ³/₄ колодной мѣры на вино солоду, а на хмѣль дано 20 к. и до бровара 2 возы дровъ., на крашенину докупить нѣмому на юпку 8 к., на шнурокъ до дѣвчиненого жупанка, да на гаплики до молодецкихъ 4 к. Розышлось на росницю 8 к., за яблокъ 10—4 к.

Априль.

1. На крашенину и нитки до панеи кунтуша штофового 12 к. Розышлось на росницю 5 к. Кравцямъ дано 12 к. Дано Івану ворскому кафанъ крашеновый зеленый и свиту бѣлую; нѣмому кафанъ крашеновый-же. Дѣвчинѣ Улянѣ кунтушикъ суконный. Шевцю даны дѣлатись чоботи жовтіе и емужъ на потребы дано 14 к.

2. Прислано универсалъ и листъ зъ Глухова о Белявицѣ. Розышлось на росницю 14 к. Писаны писма въ Глуховъ, одно до пана Скоропадского зъ посылкою описѣ и росписки, ревнянцямъ отъ карповцовъ[116]) данной, и термѣнъ двохъ, да листи графа Сави Владиславича, другое до пана Юркевича, и о пересылцѣ оныхъ писемъ писано до сотника новгородского чрезъ козака тоей-же сотнѣ погребского Іосифа Колмиченка. Получены указы о высылкѣ 30 тысячъ роботниковъ на лѣнійную работу, въ томъ числѣ зъ полку стародубовского козаковъ 9 сотъ зъ лишкомъ, мужиковъ 2038, такожъ о постереганю, чтобъ люде не розыходилися.

3. За рогожи и проч. 14 к., на шнурокъ хлопцямъ, на сталь, да на шнурокъ шовковый 9 к.

4. Отправлено вино фронтиніакъ въ Глуховъ при писмѣ до пана Скоропадского. Шевцю дано за работу 15 к. Розышлось 4 к.

5. Заплатилъ Лаврѣну за 10 фунтовъ гавиму 30 к. Свѣчарцѣ на полтора фунта воску и на ярь 25 к. Домонтовичу за зроблене штофного кунтуша панеи 25 к.

6. За пугвицѣ Алексію и Василю 20 к. За офарбоване крашенины 20 к., за полотно подъ хлопячіе жупанки 20½ к., огородвику 15 к. Розышлось 19 к.

---

[116]) Д. Ревна и с. Карповичи—новозыбковскаго уѣзда.

7. За три прищепки 30 к., спѣцару 20 к. Максиму шапочнику за зроблене шапки 20 к.

8. Сповѣдалъся и причащалъся: розышлось на розницю 95 к.

9. Въ Новгородку панъ Данило Кутневскій т. б. (день Пасхи) по всенощной умре[126]). Сего числа и вчора панѣ теща жестоко была болна.

10, 11, 12. Розышлось на разные експенси 3½ р.

14. Маслосвятіе отправилось надъ панею тещею, и сего числа віехалъ я зъ Стародуба и прибылъ въ Перегонъ. Далъ панъ Федоръ Ширай 15 р. на покупку шпалеръ[127]) въ С. П. Бурхѣ до избы, которой стѣны двѣ шириною по 13 аршинъ, другіе двѣ по 11½ аршина, а высотою всѣ по 6 аршинъ.

14. Лаврѣнъ сторговалъ у насъ 2 куфи горѣлки за 33 р. и далъ задатку 20 р., и осталось на немъ 13 р. и камень ганишу. Взялъ отъ шинкаря чаусовского Ноздри 6 р., въ томъ числѣ чрезъ руки Стефановского 3 р., одъ самого 3 р. и изъ тихъ велѣлемъ панѣи отдать 2 р. Віехалъ зъ Перегону и прибылъ на ночъ въ Каменскую Слободку[127]).

15. Прибылъ передъ обѣдомъ въ Новгородокъ и тутъ обѣдалъ. сотникови новгородскому отдалемъ должные 5 р. На ночъ прибылъ въ Богдановку. Розышлось 9 к.

16. Службы слушалъ въ Гамаліевцѣ[128]), обѣдалъ въ Собичевѣ. Прибылъ завременно въ Глуховъ и былъ у ясневелможного вечеромъ.

17. Слугамъ гетманскимъ таляръ битій, гобоистамъ 12 к., на сѣно 14 к., на овесъ 12 к., на харчъ людямъ 5 к.

18. На сѣно 13 к.

19. Отобралъ присяги зъ доношеніемъ изъ минѣстерской канцеляріи.

20. Отобралъ прогонныхъ денегъ и на проч. 36 р. 46 к. Дала на покупку двохъ куницъ панѣ Ломіковская 3 р., а до архимандрита Донского при письмѣ хустку.

---

[125]) Бунчуковый товарищъ, бывшій сотникъ новгородсѣверскій, зять генеральнаго писаря Семена Савича, по женитьбѣ на его сестрѣ.

[126]) Обои.

[127]) Теперь с. Каменка, новгородсѣверскаго уѣзда.

[128]) Гамалѣевскій женскій монастырь около с. Локотковъ, глуховскаго уѣзда, построенъ гетманшею Скоропадскою.

21. Поодбіралъ писма у господъ разныхъ, да и експедицію совсѣмъ отобравши, одклонился ясневелможному и прочіимъ.

22. Віехалъ зъ Глухова въ 6-мъ часу пополуночи, прибылъ на почту (станцію) товстодубовскую въ 10-мъ часу, одтоль въ Сѣвскъ по полднѣ въ 4-мъ часу; за двѣ осѣ 6 к., на розницю 4 к., тому що поддѣловалъ оси 5 к.; зъ Сѣвска віехалъ въ 7-мъ часу, въ полѣ о 20 верстъ за мостомъ зломалось колесо подъ возкомъ и за колесо въ деревнѣ дано 9 к., въ Сѣвску за подоски два и за 12 гвоздей 6 к.

23. Рано прибылъ на почту Любощевскую въ 4-мъ часу по полуночи. Одтоль на почту до Чаенки прибылъ въ 11-мъ часу, въ Чаенцѣ попу дано 10 к., зъ Чаенки прибылъ въ Сомовъ въ 3-мъ часу по полуднѣ, тамъ на перевозѣ дано 4 к.. Прибылъ въ Карачевъ въ полдевятого часа, тутъ на діоготь и проч. 6 к.

24. Зъ Карачева прибылъ въ Глотовъ въ 11 часу, одтоль віехалъ вполтретя часа по полудни, прибылъ въ Болховъ въ полдесята часа пополудни: тутъ на медъ 8 к., подячому и виборному 3 к.

25. Зъ Болхова віехалъ въ полтретя часа по полуночи, прибылъ въ Беліовъ въ десятомъ часу, тутъ за ось 4 к., за подоски 18 к., тымъ що поддѣловали двѣ осѣ 5 к., на розницю розышлось 10 к., ямщикамъ 1 к. Зъ Беліова віехалъ въ 1½ часа по полдни и претерпѣвши несносніе досады отъ дожча, бездорожя, темноти ночной, особливе на Тихвинскомъ лѣсу и горахъ, прибылъ на силу въ 12-мъ часу, то есть о полночи въ Тихвинъ.

26. Тутъ обехавши генерала маіора артилеріи Матвія Матвіевича Витверта, прибылъ на попасъ подъ лѣсъ калужскій, за 21 версту одъ Калуги, и обѣдалъ надъ рѣчкою Желовъ, протокомъ идучою. За рибу на Окѣ подлѣ деревнѣ Машковихъ 5 к., за цібулю 1 к. Въ Калугу прибылъ ночю въ 11-мъ часу; тутъ въ Калузѣ на розницю розышлось 13 к.

27. По полуночи въ второмъ часу віехалъ зъ Калуги и прибылъ на почту до Добрыхъ въ 11-мъ часу; тутъ обѣдалъ и розышлось на розницю 14 к.; одтоль поехалъ въ 12-мъ часу и проехавши другую почту въ Липовѣ, да тамъ-же переменивши лошадѣ, прибылъ на почту до Черничного и тутъ ночовалъ.

28. Въ 3-мъ часу пополуночи віехалъ зъ тоей почты и на дорозѣ встрѣтившись зъ куріеромъ кіевскимъ Павломъ Соколовскимъ, который одправленъ зъ С. П. Бурха въ Цариградъ сего

апріля 22 д.; перемѣнилъ лошадѣ и прибылъ на почту въ Пахру въ 10-мъ часу и тутъ обѣдалъ. Розмылось на розницю 8 к., за колесо 10 к. Прибылъ въ Москву въ 7-мъ часу пополудни и сталъ квартерою на Мясницкой, въ домѣ переводчика Иностранной Коллегіи Лва Петровича Грузинца.

29. Цѣлюрику за голене 10 к., на прочее розмылось харчевое 40 к. Ужиналъ и ночовалъ у пана шваґра Івана Гамалія.

30. Обѣдалъ въ домѣ и зъ гостми. Розмылось на розницю коп. 10. Дана хустка єдвабная [128]) У(ріилу) подячему.

М а й.

1. На двѣ осѣ до коляски 30 к. Алексѣю данъ 1 р., Николаю Евдокименковому козаку на его нужди данъ 1 р., а прежде 50 к. Куплены двѣ пари куницъ для панеи Ломиковской за 5½ руб., которые вручены для отвозки пану Ігнату Данченку.

2. Даны пану Ігнату Данченку 10 талѣрокъ, двѣ таци [129]) малѣ зломаніе, полумисокъ одинъ старій, цѣнованые [130]), для обмѣна въ рядахъ на 12 талѣрокъ и одну тацу цѣнованую жъ, и въ доплатку, що надлежатиметь, даны 2 р. За сапоги заплочено 75 к. У его жъ оставлены при меморіалѣ 2 казанки мѣдные. Данъ 1 р. іноземцѣ Николая Мануйловича Мотонія [131]) женѣ, Елисаветѣ Василіевнѣ, alias Вилимовнѣ, на кошулки дѣтямъ и за запинанки [132]) по парѣ имъ здѣлать, да дочере-жъ ся маленкой Катеринѣ дано въ гостинецъ 20 к. На харчъ и иную розницю дано 30 к. Еще дано козаку Николаю Евдокименкову на ножъ и проч. 10 к. Вручены писма пану Ігнату Данченку, писанные до ясневелможного, до пана Скоропадского зъ отаѣтами одъ Толстой, до пана тестя, до жены и до Стефана, зъ подписомъ на пакетѣ до п. Юркевича. Тому, що выходилъ зъ ямской паспортъ, дано 20 к. Выехалъ зъ Москви

---

[128]) Шелковая.

[129]) Блюдо.

[130]) Оловянные.

[131]) Грекъ Мотоній былъ родоначальникомъ дворянъ Мотонисовъ. Одинъ изъ сыновей его, по женитьбѣ на Журавковской, получилъ богатыя имѣнія около Нѣжина (с. Линовъ Рогъ и друг.).

[132]) Кошулка—рубашка, запинанка—родъ фартушка.

въ 6-мъ часу по полудни и прибылъ на почтовой станъ въ село Чорное за полночь, отоль вѣхалъ—

3. Въ 4-мъ часу пополуночи и прибылъ на другой станъ до Пешокъ въ 10-мъ часу. Зъ Пешекъ прибылъ въ Клинъ въ 2-мъ часу по полудни, и тутъ призвалъ мене къ себѣ и потчовалъ воевода здешный Глѣбъ Прокофіевичъ Радищевъ, до котораго я привезъ и писмо отъ брата его Афанасія Прокофіевича Радищева. Зъ Клину вѣхалъ въ 4-мъ часу по полудни и за сѣмъ веретъ отъ Клину, въ ємщицкой слободѣ, зломались подъ коляскою дроги и подушка, и покаместь подѣлали починку, пробавилъ до 7 часу. Заплатилъ плотникамъ и кузнецовѣ 10 к., а въ 7-мъ часу вѣхавши, прибылъ до Завидова на почту въ 12-мъ часу, то есть о полночи. Отоль в 3-мъ часу пополуночи вѣхавши прибылъ—

4. Въ Городню въ 7-мъ часу по полуночи, а отоль въ Тферъ въ полодиннадцата часа. Отоль вѣхалъ въ 2-мъ часу и переѣхазъ чрезъ Мѣдное, зъ перемѣною коней, прибылъ позно въ Торжокъ.

5. Зъ Торжка рано поехавши, перемѣнилъ почту въ Видропуску и прибылъ въ Волочокъ по полудни, а отоль до Хотѣлова. Въ Волочку на діоготь, хлѣбъ, медъ и на проч. на другихъ почтахъ розышлось 29 к.

6. Зъ Хотѣлова рано прибылъ до села Едрова, где за мазницю з діотемъ дано 15 к., отоль до Зимніого и до Заволобичъ, а одтуду цѣлую почъ ехавши, прибылъ—

7. Рано до Креста; тутъ встрѣтившись два геодезисти, изъ адмиралтейства на Воронежъ посланные: Федоръ Алексіевичъ Зубовъ да Александръ Даниловичъ Поповъ, которіе обизвали, что панъ Андрей Полуботокъ въ С. П. Бурхѣ стоитъ квартирою въ Пушкарской Морской, на адмиралтейской сторонѣ, подлѣ Пасвенского рынку. Тутъ въ Крестцахъ да въ Заяцовѣ на хлѣбъ, мясо и пиво 15 к. Зъ Креста прибылъ до Заяцова и переѣхавши за деревнею Красным Станкомъ, до 5 верстъ сухимъ путемъ уехавши, прибылъ передъ свѣтомъ въ Бронницы.

8. Рано зъ Бронницъ судномъ пустившись, водою прибылъ въ Новгородъ въ 10-мъ часу передъ полуднемъ; тутъ розышлось на хлѣбъ, медъ и укусъ и проч. 35 к. Зъ Новгорода, хоча и противная была погода, вѣхалъ въ 1-мъ часу по полудни и съ нуж-

дою днемъ ехали водою, и ночью, когда утишилась противная погода, то поспѣшне ехали.

9. Рано прибылъ до Соснинской Пристани въ 5-мъ часу по полуночи: отголь взявши почту, поехалъ перспективою и прибылъ до почты въ деревнѣ Грядкахъ, зъ Грядокъ до Любанъ и до Тіосни, одкуду ночю поехавши.

10. Пріехалъ рано до Іжори, и тутъ за рибу дано 5 к., на прочее дорогою розышлось 7 к. Зъ Іжоры прибылъ въ С. П. Бурхъ въ 4-мъ часу по полдни и заехалъ на квартеру пана Андрея Полуботка[134]) въ Морской Пушкарской и тутъ ночовалъ. Сегожъ числа ея и. величество изволила въ адмиралитействѣ заложить корабль въ сто пушокъ и палено въ пріездъ ея величества з 31, а по заложеніи зъ 51 пушекъ.

11. Рано былъ у Петра Василіевича Курбатова[135]) и вручилъ партикулярніе къ нему писма. По обѣдѣ представилъ онъ же писма надлежащіе въ государственную коллегію іностранныхъ дѣлъ и партикулярніе графу Головину и поотбѣралъ оные отъ мене. Сего же числа былъ я и у панича на Петербурскомъ Острову, а вечеромъ былъ въ дворцѣ въ дежурной князя Алексія Івановича Шаховского, на дежурствѣ тогда бывшого, которому и писма вручилъ и до позна у него-жъ пробавилъ.

12. Представлялъ мене Петръ Василіевечъ графу Остерману, которому и писмо гручилъ: потомъ былъ въ коллегіи іностранной. Сего-жъ числа видѣлся зъ сыномъ полковника нашего старод. Іваномъ Александровичомъ Дуровимъ, которому и писма отца, и сукно, и матерію и ленту, зъ Стародуба присланные, вручилъ.

13. Рано перевезлъся на Петербурскій Островъ въ квартеру Павла Апостола[136]). За перевезеніе бутирю, извощикамъ и перевощикамъ 38 к.

14. Рано были у генерала Ушакова, которому и писмо гетманское вручилъ; потомъ были въ дворцѣ, где камеръ-ліокей Іванъ

---

[134]) Сынъ Павла Полуботка, бунчуковый товарищъ, умеръ въ 1734 г.

[135]) Совѣтникъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. См. Архивъ Секата, Баранова, II, № 2351.

[136]) Павелъ Апостолъ—внукъ гетмана и сынъ старшаго сына послѣдняго—Ивана, отъ брака его съ Еленою Михайловною Корсакъ (см. примѣч. 88). Онъ воспитывался въ Спб. на казенный счетъ и былъ потомъ прапорщикомъ гвардіи

Федоровичъ Котляревскій принималъ насъ въ своей квартерѣ. Tandem въ домѣ обѣдали и весь день въ домѣжъ пробавили.

15. Былъ у коллегіи и послѣ у канцеляристовъ въ домѣ Новоторжцова и Леонтіева и до позна у нихъ пробавилъ. Гребцямъ Петра Василіевича Курбатова, которіе мене судномъ егожъ отвезли на квартеру, дано 20 к. Розышлось отъ прибытія въ С. П. Бурхъ по се число на разный расходъ 1½ р.

16. Былъ въ домѣ у Петра Василіевича по обѣдѣ и вручилъ въ моемъ дѣлѣ партикулярное къ нему отъ гетмана писмо, и листъ гетманскій же принялъ онъ же надлежащый въ коллегію іностранную, о удостоеніи моемъ въ опредѣленіи деревень. Розышлось на перевозъ 13 к.

17. Рано былисмо въ домѣ ея высочества, государыни цесаревны Елисаветъ Петровны и въ 11-мъ часу предъ полуднемъ, по одправленіи обѣднѣ, вручилъ ея-жъ высочеству писмо отъ гетмана, на которое изволила обѣщать дать отвѣтъ. Данъ 1 р. на покупку дротовъ и прочого, до направы коляски надобного, да Алексію на перевозъ 3 к.

18. Рано были з паничемъ[131]), у его сіятельства графа Гаврила Івановича Головкина. Обѣдали у насъ Новоторжцовъ и Леонтіевъ. Розышлось на мясо и проч. 75 к. По обѣдѣ были послы китайскіе въ домѣ графа Головкина, отдаючи визиту его сіателству.

19. Ея і. величество и всѣ господа трактованы были въ домѣ молодшого графа Бѣрона, которій княжну Меншикову понялъ, и домъ его подлѣ зимнего государевого дворца, что былъ прежде корабелного майстера Шкляева. Былъ у отца Платона Маліновского архимандрита іпацкого и въ егожъ домѣ кушалъ. Розышлось 4 к. Отданъ листъ генер. фелдмаршалу фонъ-Миниху.

20. Были у князя Дмитрія Михайловича Голицина и у преосвященного новгородского зъ паничемъ и писма поотдавали и меморіалъ своихъ нуждъ преосвященному подалемъ, который

семеновскаго полка; умеръ въ 1742 г. Единственная дочь его Катерина была замужемъ первымъ бракомъ за полковникомъ Кондратіемъ Витяговскимъ, а вторымъ— за дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Матвѣемъ Крамнымъ. Въ концѣ XVIII в. она вела большой процесъ съ Римскими-Корсаковыми за имѣніе, слѣдовавшее ея бабкѣ, Еленѣ Корсакъ.

[131]) Подъ именемъ »панича« вездѣ разумѣется Пав. Ив. Апостолъ.

Отъ редакціи.

Журналъ «**Кіевская Старина**» выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Софійская площадь, № 11-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Динтера, Дьяконова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ г. авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, присылавшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно свѣрять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

СТОЛѢТІЕ СОБЕСѢДНИКА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКАГО СЛОВА.

Подъ этимъ названіемъ ко дню столѣтняго юбилея россійской академіи издана брошюра in folio съ хорошо исполненною гравюрою академика *В. А. Боброва*, на которой изображенъ facsimile, заглавный листъ »Собесѣдника«, *Екатерины II, Дашковой и Державина*, а вверху Ихъ Императорскихъ Величествъ, такъ какъ столѣтіе журнала совпадаетъ со днями коронаціи. Текстъ обстоятельно составленъ *И. П. Божериновымъ*. Изданіе отпечатано въ количествѣ 300 экземпляровъ для любителей художественныхъ произведеній и библіографическихъ рѣдкостей и, конечно, не въ далекомъ будущемъ будетъ составлять, въ свою очередь, рѣдкость. Гг. иногородные исключительно должны обращаться на имя г. *Бежерянова*: Спб., Вас. Островъ, 13 линія, собств. домъ, № 42, прилагая 3 р. за экземпляръ.

ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,"

1884 г. (Третій годъ изданія). **1884 г.**

Журналъ „**Кіевская Старина**", посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1884 году ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб.** Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ **5 руб.**, по выходѣ IV книжки **3 руб.** и VI—**2 руб.**—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: *Въ редакцію* „**Кіевской Старины**", *Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевской Старины" принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, газету „ДѢЛО". Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія составляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

Редакторъ-издатель **В. Г. Лебединцевъ.**